

РУСИСТИКА

2022 Том 20 № 2

ТРАДИЦИОННОЕ И ИННОВАТИВНОЕ В РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ И ПАРЕМИОЛОГИИ

Научный редактор *В.М. Мокиенко*

DOI 10.22363/2618-8163-2022-20-2

<http://journals.rudn.ru/russian-language-studies>

Научный журнал

Издается с 2003 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-72956 от 25.05.2018 г.
Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор

Шаклеин В.М. – академик РАЕН, доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, член правления Российского общества преподавателей русского языка и литературы (РОПРЯЛ), член Совета по русскому языку при президенте РФ, заведующий кафедрой русского языка и методики его преподавания филологического факультета Российского университета дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Ответственный секретарь

Стрельчук Е.Н. – доктор педагогических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания филологического факультета Российского университета дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Члены редакционной коллегии

Алефиренко Н.Ф. – действительный член Российской академии социальных наук, заслуженный деятель науки РФ, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Белгородского государственного университета, Белгород, Российская Федерация

Бальхина Т.М. – академик МАНПО, вице-президент РОПРЯЛ, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания филологического факультета Российского университета дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Вальтер Харри – член президиума Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ), доктор филологических наук, профессор, профессор Института славистики Университета имени Эрнста Морица Арндта, заместитель председателя Фразеологической комиссии при Международном комитете славистов, Грайсвальд, Федеративная Республика Германия

Гаврилина М.А. – доктор педагогики, профессор, профессор Латвийского университета, Рига, Латвийская Республика

Гусман Тирадо Рафаэль – член президиума МАПРЯЛ, доктор филологических наук, профессор кафедры греческой и славянской филологии Гранадского университета, Гранада, Королевство Испания

Дейкина А.Д. – заслуженный деятель науки и образования, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры методики преподавания русского языка Института филологии Московского педагогического государственного университета, Москва, Российская Федерация

Дэвидсон Дэн – почетный президент Американских советов по международному образованию АСПРЯЛ и АКСЕЛС, старший академический советник и директор научно-исследовательского центра Американских советов по международному образованию, директор Института русского языка, иностранный член Российской академии образования, PhD по филологии, профессор по русскому языку и изучению иностранного языка Брин-Мор колледжа, Вашингтон, Соединенные Штаты Америки

Загоровская О.В. – председатель Совета по русскому языку при администрации Воронежской области, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, современной русской и зарубежной литературы Воронежского государственного педагогического университета, Воронеж, Российская Федерация

Макарова Вероника – PhD по лингвистике, профессор кафедры языкознания Саскачеванского университета, Саскачеван, Канада

Маслова В.А. – член президиума ВАК Республики Беларусь, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Витебского государственного университета, Витебск, Республика Беларусь

Мокиенко В.М. – действительный член Европейского общества фразеологов «ЕВРОФРАЗа», доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского университета, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Перотто Моника – PhD по педагогике, профессор, научный сотрудник кафедры русского языка факультета иностранных языков и литературы Болонского университета, Болонья, Итальянская Республика

Протасова Е.Ю. – доктор педагогических наук, профессор, профессор-адъюнкт отделения языков гуманитарного факультета Хельсинкского университета, Хельсинки, Финляндская Республика

Рацибурская Л.В. – действительный член комиссии по славянскому словообразованию при Международном комитете славистов, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой современного русского языка и общего языкознания Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Российская Федерация

Рязанова-Кларк Лара – член Королевского лингвистического общества, PhD по филологии, заведующая русским отделением Эдинбургского университета, академический директор Российского центра княгини Дашковой при Эдинбургском университете, директор научного центра «Русский язык в контексте», Эдинбург, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии

РУСИСТИКА

ISSN 2618-8163 (Print); ISSN 2618-8171 (Online)

4 выпуска в год (ежеквартально).

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Опубликованные в журнале статьи индексируются в международных реферативных и полнотекстовых базах данных: РИНЦ Научной электронной библиотеки (НЭБ), Scopus, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCOhost, Google Scholar, Cyberleninka, WorldCat, East View, Dimensions, Mendeley.

Цель и тематика

Научный журнал «Русистика» специализируется на рассмотрении актуальных вопросов русского языка и методики его преподавания как родного, неродного и иностранного в условиях русской, близкородственной и неродственной языковых сред.

Журнал является площадкой для научного сообщества в области отечественной и зарубежной русистики, освещает спектр проблем как собственно лингвистических, так и связанных с культурно-историческими и социальными аспектами изучения и преподавания русского языка.

Миссия журнала заключается в предоставлении возможностей русистам из различных стран и регионов объективно информировать международное научное сообщество о состоянии исследований русского языка, проблемах его функционирования в многополярном мире, привлекать дополнительный интерес ученых к этим проблемам.

Цель журнала: создание научного-исследовательского, образовательного и информационного пространства для взаимного обмена достижениями российских и зарубежных ученых, специализирующихся в области русского языка и методики его преподавания.

Задачи:

1. Обмен научными достижениями российских и зарубежных коллег в области русистики, публикации результатов научных центров по проблемам развития и сохранения русского языка в многополярном мире.
2. Рассмотрение теоретических исследований по проблемам функционирования русского языка в России и зарубежных странах.
3. Актуализация проблем методики преподавания русского языка как родного, неродного, иностранного.
4. Анализ современных тенденций в развитии школьной и вузовской русистики.
5. Отражение вопросов изучения и преподавания русского языка как иностранного и проблем сохранения русского языка в диаспоре.
6. Проблемы развития русского языка как языка науки.
7. Освещение государственной политики в области русского языка и методики его преподавания.
8. Презентация медиадидacticеских и электронных средств обучения русскому языку и методике его преподавания.

Очередные выпуски журнала, как правило, являются тематическими и посвящены наиболее актуальным проблемам русистики. Выход тематических номеров анонсируется на сайте журнала.

Материалы могут быть представлены в виде научных статей (теоретических, научно-практических, научно-методических), обзорных научных материалов, рецензий, аннотаций, а также научных сообщений, посвященных деятелям российской и зарубежной науки. Для начинающих ученых предназначена рубрика «Страничка молодого исследователя».

К публикации принимаются только оригинальные статьи, ранее не опубликованные. Самоплагиат не допускается.

Журнал входит в Перечень рецензируемых периодических изданий, публикации которых принимаются к рассмотрению ВАК РФ при защите диссертационных исследований.

Перечень отраслей науки и групп специальностей научных работников в соответствии с номенклатурой ВАК РФ:

10.02.01 – Русский язык;

10.02.19 – Теория языка;

13.00.02 – Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования).

Журнал имеет международный статус, который определен составом редколлегии и рецензентами (известные ученые иностранных академий и университетов из России, США, Беларуси, Испании, Италии, Латвии, Финляндии, Германии, Великобритании).

Журнал выходит один раз в квартал (4 номера в год). Подписка на печатную версию журнала оформляется в почтовых отделениях РФ. Индекс журнала в каталоге подписных изданий – 36433.

Редактор *Ю.А. Заикина*

Редактор англоязычных текстов *С.С. Микова*

Компьютерная верстка *Ю.А. Заикиной*

Адрес редакции:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2

Тел.: +7 (495) 434-07-45; e-mail: rflj@rudn.ru

Подписано в печать 22.06.2022. Выход в свет 29.06.2022. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 11,90. Тираж 500 экз. Заказ № 432. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов»

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел. +7 (495) 955-08-74; e-mail: publishing@rudn.ru

RUSSIAN LANGUAGE STUDIES

2022 VOLUME 20 NUMBER 2

TRADITIONS AND INNOVATIONS IN RUSSIAN PHRASEOLOGY AND PAREMIOLOGY

Science Editor *Valeriy M. Mokienko*

DOI 10.22363/2618-8163-2022-20-2

<http://journals.rudn.ru/russian-language-studies>

Founded in 2003

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

EDITOR-IN-CHIEF

Viktor M. Shaklein – member of the Academy of Natural Sciences, Doctor of Philology, Professor, Honoured Employee of Higher Education of the Russian Federation, Honoured Higher and Professional Education Employee of the Russian Federation, member of Executive Board of Russian Association of Teachers of the Russian Language and Literature (ROPRYAL), member of Presidential Russian Language Council, Head of the Chair of the Russian Language and Methods of Teaching (Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)), Moscow, Russian Federation

EXECUTIVE SECRETARY

Elena N. Strelchuk – Doctor of Pedagogy, Associate Professor of the Chair of the Russian Language and Methods of Teaching (Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)), Moscow, Russian Federation

EDITORIAL BOARD

Nikolay F. Alefirenko – full member of the Academy of Social Sciences, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair of Russian Language, Belgorod State University, Belgorod, Russian Federation

Tatyana M. Balykhina – member of the International Teacher's Training Academy of Science (MANPO), Vice-President of Russian Association of Teachers of the Russian Language and Literature (ROPRYAL), Doctor of Pedagogy, Professor, Professor of the Chair of the Russian Language and Methods of Teaching, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

Dan Davidson – President Emeritus and Director of American Councils Research Center (ARC), American Councils for International Education, Director of Russian Language Centre, Foreign Member of Russian Academy of Education, PhD in Philology, Professor of the Russian Language and Foreign Language Studies, Bryn Mawr College, Washington, United States of America

Alevtina D. Deikina – Honoured Worker of Science and Education, Doctor of Pedagogy, Professor, Professor of the Chair of Methods of Teaching Russian, Institute of Philology, Moscow Pedagogic State University, Moscow, Russian Federation

Margarita A. Gavrilina – Doctor of Pedagogy, Professor, Professor of Lithuanian University, Riga, Republic of Latvia

Rafael Gusman Tirado – member of Executive Board of International Association of Teachers of the Russian Language and Literature (MAPRYAL), Doctor of Philology, Professor of the Chair of Greek and Slavonic Philology, Granada University, Granada, Kingdom of Spain

Veronika Makarova – PhD in General Linguistics, Professor, Department of Linguistics, University of Saskatchewan, Saskatchewan, Canada

Valentina A. Maslova – member of the Presidential Board of Higher Attestation Commission of Belarus, Doctor of Philology, Professor of the Chair of General and Russian Linguistics, Vitebsk State University, Vitebsk, Republic of Belarus

Valeriy M. Mokienko – full member of European Society of Phraseologists "EUROPHRAS", Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair of Slavonic Philology, Saint Petersburg University, Saint Petersburg, Russian Federation

Monica Perotto – PhD in Pedagogy, Professor, research assistant and Associate Professor of the Chair of the Russian Language Foreign Languages Faculty, Bologna University, Bologna, Italian Republic

Ekaterina Yu. Protasova – Doctor of Pedagogy, Professor, Associate Professor of Language Department, Humanitarian Faculty, Helsinki University, Helsinki, Republic of Finland

Larisa V. Ratsiburskaya – full member of Slavonic Education Commission under International Committee of Slavistics, Doctor of Philology, Professor, Chairperson of the Chair of Modern Russian Language and General Linguistics, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhniy Novgorod, Russian Federation

Lara Ryazanova-Clarke – member of Royal Linguistic Society, PhD in Philology, Chairperson of Russian Department of Edinburgh University, Academic Director of Russian Centre of Princess Dashkova in Edinburgh University, Director of Scientific Centre "Russian Language in Context", Edinburgh, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland

Harry Walter – member of the Presidium of International Association of Teachers of Russian Language and Literature, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Ernst Moritz Arndt University, Institute of Slavistics, Deputy of Chairperson of Phraseological Commission under International Committee of Slavists, Greifswald, Federal Republic of Germany

Olga V. Zagorovskaya – Chairperson of Russian Language Council of Voronezhskaya oblast Administration, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair of the Russian Language, Modern Russian and Foreign Literature, Voronezh State Pedagogic University, Voronezh, Russian Federation

RUSSIAN LANGUAGE STUDIES

Published by the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

ISSN 2618-8163 (Print); ISSN 2618-8171 (Online)

Publication frequency: quarterly.

Languages: Russian, English.

Indexed by Russian Index of Science Citation, Scopus, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCOhost, Google Scholar, WorldCat, East View, Dimensions, Mendeley.

Aims and Scope

The journal "Russian Language Studies" is specialized in actual problems of the Russian language and methods of teaching Russian as a foreign, non-native, and native language under the conditions of Russian, closely related and unrelated linguistic environment.

The journal presents a platform for Russian and foreign scientists, reflects not only linguistic, but also cultural, historical, social aspects of learning and teaching Russian.

The mission of the journal is to give the opportunity to specialists in Russian philology from different countries and regions to objectively inform international scientific community about modern research in the Russian language, its functioning in the multipolar world and to draw the scientific attention to these problems.

The aim of the journal is to create scientific, research, educational and information space for presenting the achievements of Russian and foreign scientists in Russian language studies and methods of teaching Russian as a foreign language.

The targets of the journal are:

1. Delivering the achievements of Russian and foreign scientists in Russian language studies, publishing the results of scientific centres in developing and keeping the Russian language in the multipolar world.
2. Characterizing theoretical papers on Russian language functioning in Russia and abroad.
3. Pointing out the problems in methods of teaching Russian as a foreign, non-native, and native language.
4. Analyzing modern trends in Russian language teaching at school and university.
5. Reflecting problems of learning and teaching Russian as a foreign language and keeping the Russian language in diasporas.
6. Problems of developing Russian as a language of science.
7. Presenting Russian national policy in the Russian language and methods of its teaching.
8. Demonstrating media-didactic and electronic means of teaching Russian.

Next issues of the journal are planned as thematic ones and are devoted to the most actual problems of Russian language studies. Thematic issues are announced at the journal site.

The journal publishes scientific articles (theoretical, academic and research, methodical), review articles, book reviews, annotations, scientific reports about Russian and foreign scientists. The articles written by starting investigators are published on the "Page of a young scientist".

The journal publishes only original articles which have not been published before. Self-plagiarism is not allowed.

The journal has an international status proved by the editorial board and reviewers including outstanding scientists from Russia, the United States, Belarus, Spain, Italy, Latvia, Finland, Germany, Great Britain.

The journal is published every three months with 4 issues a year. Readers can subscribe to the journal in post-offices of the Russian Federation. The index of the journal in subscription edition catalogue is 36433.

Copy Editor *Iu.A. Zaikina*
English Text Editor *S.S. Mikova*
Layout Designer *Iu.A. Zaikina*

Address of the editorial board:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation
Tel.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board of the journal:

10 Miklukho-Maklaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russian Federation
Ph.: +7 (495) 434-07-45; e-mail: rflj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price.

Peoples' Friendship University of Russia
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation
Tel.: +7 (495) 955-08-74; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТРАДИЦИОННОЕ И ИННОВАТИВНОЕ
В РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ И ПАРЕМИОЛОГИИ**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЙ РУССКОГО ЯЗЫКА**

- Архангельская А.М. (Оломоуц, Чехия)** Трансформационная парадигма фразеологизма в русской речи: в пространстве предсказуемого и непредсказуемого 133
- Дядечко Л.П. (Киев, Украина), Ван Б. (Киев, Украина)** Культурно-историческая обусловленность модификации фразеологизмов с буквенным компонентом в русском языке 153
- Иванов Е.Е. (Могилев, Беларусь)** Функции афористических единиц в русском языке 167
- Леонтьева Т.В. (Екатеринбург, Россия), Щетинина А.В. (Екатеринбург, Россия)** Новая общественно-политическая фразеология в русском языке: тенденции развития 186
- Мокиенко В.М. (Санкт-Петербург, Россия)** Образ врага в русской фразеологии и паремиологии 203
- Шулежкова С.Г. (Магнитогорск, Россия)** Устойчивые словесные комплексы, отражающие трансформацию менталитета славян в период христианизации 217

РУССКИЙ ЯЗЫК В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ

- Доброва М.С. (Оломоуц, Чехия)** Реализация функций фразеологических единиц в дискурсивном пространстве русскоязычного интернета 233

**МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА
КАК РОДНОГО, НЕРОДНОГО, ИНОСТРАННОГО**

- Никитина Т.Г. (Псков, Россия), Роголёва Е.И. (Псков, Россия)** Инновационный лексикографический дискурс в жанре детектива: возможности учебной презентации фразеологизма 247

CONTENTS

TRADITIONS AND INNOVATIONS IN RUSSIAN PHRASEOLOGY AND PAREMIOLOGY

ACTUAL PROBLEMS OF RUSSIAN LANGUAGE RESEARCH

- Alla M. Arkhanhelska (Olomouc, Czech Republic)** The transformational paradigm of a phraseological unit in Russian speech within the space of predictability and unpredictability 133
- Liudmyla P. Diadechko (Kyiv, Ukraine), Bingji Wang (Kyiv, Ukraine)** Cultural and historical conditions of modifications in Russian phraseological units with letter names 153
- Eugene E. Ivanov (Mogilev, Belarus)** Functions of aphoristic units in the Russian language 167
- Tatayna V. Leontyeva (Yekaterinburg, Russia), Anna V. Shchetinina (Yekaterinburg, Russia)** New Russian socio-political phraseology: development trends 186
- Valery M. Mokienko (St. Petersburg, Russia)** Image of the enemy in Russian phraseology and paremiology 203
- Svetlana G. Shulezhkova (Magnitogorsk, Russia)** Set expressions reflecting Slavonic mentality transformation during Christianization 217

RUSSIAN ON THE INTERNET

- Mariia S. Dobrova (Olomouc, Czech Republic)** Phraseological units functions implementation in the discursive space of the Russian-speaking Internet 233

METHODS OF TEACHING RUSSIAN AS A NATIVE, NON-NATIVE, FOREIGN LANGUAGE

- Tatyana G. Nikitina (Pskov, Russia), Elena I. Rogaleva (Pskov, Russia)** Innovative lexicographic discourse: educational representation of phraseology 247

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ИССЛЕДОВАНИЙ РУССКОГО ЯЗЫКА
ACTUAL PROBLEMS
OF RUSSIAN LANGUAGE RESEARCH

DOI 10.22363/2618-8163-2022-20-2-133-152

Научная статья

**Трансформационная парадигма фразеологизма
в русской речи:
в пространстве предсказуемого и непредсказуемого**

А.М. Архангельская *Университет имени Ф. Палацкого, Оломоуц, Чехия*✉ alla_arkhanhelska@yahoo.com

Аннотация. Актуальность статьи определяется тем, что исследовательские возможности трансформационной парадигмы фразеологизма как совокупности всех обнаруженных речевых реализаций обновленного его инварианта формируются не по принципу «предсказания» возможных трансформов, но по принципу «собирания» их реальных воплощений в русской речи. Исходными в таком случае оказываются модель внутриязыкового многостороннего сопоставления реальных речевых обновлений фразеологизма в сравнении с его инвариантом как *tertium comparationis* и широкое понимание объекта фразеологии. Базовыми в предложенной концепции стали методы сплошной выборки и текстовой идентификации фразеологического трансформа, компонентно-вариативный анализ, метод фразеологического моделирования, аппликативный метод, методы историко-этимологического и лингвокультурологического анализа. Материалом исследования послужили собранные и систематизированные автором трансформационные парадигмы фразеологизмов различных типов (волк в овечьей шкуре, возвращение блудного сына, наступать на грабли, мужик в юбке, ящик Пандоры, язык до Киева доведет), сформированные на материале текстов русской художественной литературы и беллетристики, русских и русскоязычных печатных и электронных медиа с привлечением текстов интернет-форумов и блогов начала XXI века как среды сетевой медиакommunikation. В результате доказано, что систематизация фразеотрансформов, представленных в русской речевой практике, и структурирование трансформационной парадигмы с учетом внутреннего и внешнего уровня их преобразований в виде «матрицы» открывает возможности для поиска системного и асистемного, предсказуемого и непредсказуемого, для обобщения факторов языкового и неязыкового характера, стимулирующих фразеопреобразовательную и фразеообразовательную активность инварианта фразеологизма, определение соотношения креативных потенций системы языка

и креативных способностей авторов фразеологических трансформов. Предложенную модель анализа можно использовать в контексте внутриязыкового и межъязыкового сопоставления.

Ключевые слова: русская речь, инвариант фразеологизма, окказионализм, трансформация, парадигма, фразеопреобразование, системное, асистемное, предсказуемое, непредсказуемое

История статьи: поступила в редакцию 16.11.2021; принята к печати 18.01.2022.

Благодарности: Публикация возникла при целевой поддержке научных исследований на философском факультете Университета имени Ф. Палацкого в Оломоуце, Чешская Республика (Фонд поддержки научной деятельности, проект FPVČ2022/01).

Для цитирования: *Архангельская А.М.* Трансформационная парадигма фразеологизма в русской речи: в пространстве предсказуемого и непредсказуемого // Русистика. 2022. Т. 20. № 2. С. 133–152. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-2-133-152>

Введение

Последнее двадцатилетие без преувеличения стало для России эпохой «фразеологизации всей страны», ибо использование носителями языка экспрессивного и творческого потенциала фразеологии достигло своего апогея. Высочайшая социальная востребованность превратила ее в объект исключительного исследовательского интереса с вниманием, в частности, и к преобразованиям фразеологизмов в русской речи, к поиску закономерностей и типологий фразеологических трансформаций, стимулов, подталкивающих носителей языка к словесной креативности (Мокиенко, 2012: 59–60). Мощный креативно-преобразовательный ресурс фразеологии, его обусловленность прежде всего «прагмемной сущностью», категориальной характеристичностью фразеологизма до недавнего времени изучались главным образом в *вертикальном измерении*, что дало возможность исследовать максимально разнообразную палитру типов и способов преобразований *различных фразеологизмов* на материале их «обновленного бытия» в конкретных текстовых реализациях (Тюменцева, 2002; Мелерович, Мокиенко, 2005; Доброва, 2019 и др.). Такой подход привел ученых к выводу, что «сам язык, его устойчивые комбинации слов подталкивают автора к преобразованиям их структуры и семантики, диктуют ему тип творческого обращения со словом» и что «основной массив так называемого „индивидуального“ во фразеологии является моделируемым, структурируемым и типологизируемым» (Мокиенко, 2008: 14).

Различная трансформационная активность фразеологизмов в речи давно привлекала внимание исследователей. В поиске ответа на вопрос «почему?» они обращаются к *горизонтальному вектору анализа*, при котором в центре внимания оказывается *одна фразеологическая единица* (ФЕ)¹ (все многообразие ее преобразований или отдельные их сегменты, представленные в современной русской речи) (Кузьмицкая, 2003; Богатырева, 2015; Федорова, 2016; Третьякова, 2011, 2016; Гомонова, 2017). Так удалось приблизиться к

¹ В их числе и пословица, поговорка, прецедентный текст и прочие «генерализированные высказывания», обладающие устойчивостью и воспроизводимостью (Караулов, 1987).

идее смоделировать трансформационную парадигму фразеологизма (ТПФ), представляющую собой системную совокупность всех его речевых вариантов (Мелерович, 1986), и к постановке вопроса о преобразовательном потенциале фразеологизма как языкового знака, о его закономерностях, стимулах, возможных методах анализа (Третьякова, 2011, 2013, 2016; Богатырева, 2014). Учитывая чрезвычайную трудоемкость процесса «собираания» реальных трансформов инварианта ФЕ (ИФЕ) в речи в целях моделирования его трансформационной парадигмы, ученые избирают путь «от предсказания» возможности появления трансформов с учетом трансформационных потенциалов ИФЕ, основывающихся на семантической структуре, степени мотивированности фразеологического значения, внутренней форме, роли фразеосхемы, уровне изоморфизма содержания и формы, характере образности, семантических и грамматических особенностях фразеологических компонентов (Третьякова, 2011). Подобное «предсказание» осуществляется в рамках определения окказиональных преобразований ИФЕ как явления системного и регулярного: именно системный их характер позволяет предположить появление тех или иных фразеотрансформов (Мелерович, 1986; Третьякова, 2011). Однако в таком случае вне поля зрения оказываются факты асистемные, «не предсказанные», но реально засвидетельствованные в фразеотрансформах, и возможные влияния неязыковых факторов на трансформационный потенциал ИФЕ. Факты, призванные впечатлить читателя или слушателя новым, неожиданным «лицом» старого, но все же узнаваемого фразеологизма, исследователями фиксируются и комментируются с точки зрения их необычности и ненормативности (Третьякова, 2011: 176, 121; Мелерович, Мокиенко, 2011: 341–342), но в отдельный сегмент исследований трансформаций ФЕ пока не выделяются.

Цель работы – представить исследовательские возможности трансформационной парадигмы фразеологизмов как системного объединения фактов их обновленного бытия в русской речи, сформированной не по принципу «предсказания», но по принципу «собираания», с последующей систематизацией фразеотрансформов и структурированием ТПФ в виде «матрицы», путей выявления на ее основе системного и асистемного, предсказуемого и непредсказуемого, обобщения факторов языкового и неязыкового характера, стимулирующих фразеопреобразовательную и фразеообразовательную активность ИФЕ, определения соотношения креативных потенциалов системы языка и креативных способностей авторов фразеологических трансформов.

Методы и материалы

Исходя из понимания фразеотрансформа как текстообразующего элемента, а трансформационной парадигмы как системно организованной совокупности ее оставляющих, в предложенной концепции построения ТПФ и демонстрации ее исследовательских возможностей будут представлены следующие методы:

– *сплошной выборки и текстовой идентификации фразеологического трансформа* – с целью фиксации всего разнообразия трансформационных преобразований ИФЕ в речи;

– *компонентно-вариативного анализа* – для смыслового и формально-структурирования системы трансформов, возникших в процессе реактуализации ИФЕ, в том числе и образованных по модели;

– *семантического анализа* – при идентификации особенностей семантической структуры ИФЕ и фразеотрансформа;

– *моделирования окказиональных фразеологизмов* – при выявлении системного преобразовательного потенциала инварианта ФЕ;

– *фразеологической аппликации* – для установления степени обновления инварианта ФЕ, степени предсказуемости трансформаций по сравнению с ИФЕ и его системными преобразовательными потенциальными;

– *фразеологического моделирования* – для изучения и обобщения конкретных реализаций фразеологизма vs его трансформов в интеракциях с моделями других фразеологизмов, паремий, крылатых выражений, медиальных интертекстом с учетом фактов его афоризации;

– *методы историко-этимологического и лингвокультурологического анализа* – с целью определения свободно синтаксического генотипа фразеологизма в комбинаторном взаимодействии лексических и грамматических характеристик его компонентов, палитры исходных смыслов, важных в процессе актуализации и обновления инварианта ФЕ в новых социальных условиях;

– *двустороннего внутриязыкового сопоставления* – при характеристике узуальных (языковых) и окказиональных (речевых) свойств и отношений инварианта ФЕ и его фразеотрансформов, а также образованных на его основе (по свойственной ему либо по иной модели) окказиональных фразеологизмов и афоризмов.

Материалом исследования послужили собранные и систематизированные автором ТПФ различных типов (*волк в овечьей шкуре, возвращение блудного сына, наступать на грабли, мужик в юбке, ящик Пандоры, язык до Киева доведет*), сформированные на материале текстов русской художественной литературы и беллетристики, русских и русскоязычных печатных и электронных медиа с привлечением текстов интернет-форумов и блогов начала XXI века как среды сетевой (часто анонимной) медиакommunikации.

Результаты

Основополагающая системность преобразовательного потенциала ИФЕ несомненна. Однако несомненно и то, что любое системное явление формируется взаимодействием системного и асистемного, центростремительных и центробежных сил внутри системы. Изучение преобразовательного потенциала ИФЕ на широком материале в направлении *от* реальных фразеотрансформов *к* их предсказуемости, а не наоборот, показывает, что далеко не всегда трансформационные реинтерпретации ИФЕ системны и предсказуемы: в преобладающем большинстве случаев они, безусловно, ожидаемы, будучи обусловленными собственно языковыми факторами, но немало примеров иллюстрируют выход за границы системности, в плоскость не только языковых, но и неязыковых стимулов их появления и лингвокреативных способностей автора.

Количественно существенная и качественно разнообразная трансформационная парадигма одного фразеологизма как системная совокупность его

реальных обновлений в русской речи может дать основания для поиска вероятностных тенденций трансформационной активности и трансформационного потенциала инварианта ФЕ относительно соотношения в нем системного и асистемного, предсказуемого и непредсказуемого, которые можно верифицировать на примерах трансформационных парадигм других фразеологизмов не только в русской речи, но и на более широком славянском и неславянском материале в сопоставительном плане. Результаты предложенного анализа полезны и для фразеографической практики. С одной стороны, они могут послужить иллюстративным материалом для «зон нестандартного употребления», в которые включаются случаи осознаваемого и неосознанного отклонения от стандартной нормы описываемых идиом и правил их использования в фразеологических словарях. С другой – стать основой для составления словаря одного фразеологизма в русской речи в случае, если количественно-качественный состав его трансформационной парадигмы дает на это веские основания.

Обсуждение

Исходные положения структурирования трансформационной парадигмы фразеологизма

Исходя из понимания парадигмы как класса единиц, «противопоставленных друг другу и в то же время объединенных по наличию у них общего признака»², в нашем случае – инварианта ФЕ, под *трансформационной парадигмой*³ понимаем совокупность всех трансформов ИФЕ как единиц окказиональных, не зафиксированных в нормативных словарях, но представленных в речи. «Общим деривационным основанием всех трансформов выступает языковой инвариант ФЕ, с которым трансформ в той или иной степени сохраняет деривационную связь, обеспечивающую «узнаваемость» его речевой модификации. Без актуализации (ощущения) такой связи с инвариантом фразеологизма трансформ не будет определяться как таковой, не будет узнан, декодирован в речи (тексте)» (Третьякова, 2011: 20).

В концепции И.Ю. Третьяковой окказиональная парадигма того или иного языкового фразеологизма являет собой «совокупность окказиональных вариантов и окказиональных фразеологизмов, которые *потенциально* (курсив наш. – А.А.) могут появиться (или уже имели место) в различных речевых реализациях» (Третьякова, 2011: 153). Мы же предлагаем двигаться от реальных речевых реализаций, анализируемых (с учетом их наличия, а не предполагаемого появления в речи) методом окказионального моделирования, по которому для составления окказиональной фразеобразовательной⁴ парадиг-

² Ярцева В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 366.

³ В отличие от *вариантной парадигмы*, или узальных языковых вариантов ИФЕ, зафиксированных в нормативных словарях с учетом грамматических и лексических (семантических) параметров этого типа вариантности (Абрамова, 2014): *тянуть [разводить] канитель, ставить [поставить] не на ту лошадь* и т. п.

⁴ Поставив во главу угла своей концепции речепорождение, И.Ю. Третьякова называет такую парадигму фразеобразовательной, однако предложенное ею дальнейшее деление

мы необходимы: «учет особенностей семантической структуры ИФЕ и влияния этих особенностей на трансформации ФЕ; учет приемов окказиональных преобразований и возможных авторских интенций, вызывающих окказиональные трансформации» (Третьякова, 2011: 153–154).

Исходной при составлении и структурировании ТПФ стала модель внутриязыкового многостороннего (по Р. Штернеманну⁵) сопоставления реальных речевых обновлений фразеологизма в сравнении с его языковым инвариантом как *tertium comparationis*. При составлении трансформационной парадигмы «вручную» исходим из широкого понимания фразеологии, т. к. отдельные сегменты такой парадигмы обнаруживают корреспонденции и с семантической структурой, и со структурно-семантическими моделями не только других фразеологизмов, но и паремий, афоризмов и других «генерализированных высказываний». Количественный состав ТПФ принимается как величина неограниченная с возможностью появления чего-либо нового даже в момент написания этой статьи. Дальнейшая систематизация собранных примеров осуществляется с учетом доминирующего типа трансформации, исходя из значительной гетерогенности трансформационных обновлений ИФЕ, и получает вид «матрицы», заполнение клеток которой воплощает результаты *окказионального фразеопреобразования и окказионального фразеобразования* как следствия преобразовательных потенций инварианта ФЕ и авторских интенций.

Подготовка «матрицы» ТПФ опирается на известные типологии контекстуальных преобразований инварианта ФЕ в русской речи (см. подробнее: Доброва, 2019: 62–69) с особым вниманием к классификации, предложенной А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко (Мелерович, Мокиенко, 2005: 3–35, 2011: 204–281), как наиболее полной и исследовательски целесообразной. Опыт систематизации сегментов ТПФ подсказал идею ее структурирования на двух уровнях: внутреннем и внешнем. К *внутреннему уровню* (с учетом характера обновлений, происходящих в границах ИФЕ) относим преобразования на уровне *семантики* (двойная актуализация, буквализация значения, переосмысление, изменение коннотативного содержания, преобразования, основанные на образности и (или) внутренней форме и их экспликации и др.) и *семантики и формы* (структурно-семантические трансформации – амплификация, субституция, различного рода морфологические преобразования компонентов ФЕ, импликация, номинализация, ролевая инверсия, отфраземное словообразование и др.). К *внешнему уровню* (с учетом трансформаций, выходящих за внутренние границы ИФЕ) относим включение фразеологизма во *фразеологическую конфигурацию* – его ближайшее фразеологическое окружение в тексте (или его сегменте) с системой актуализаторов, необходимых

фразеотрансформов на окказиональные варианты ИФЕ и окказиональные фразеологизмы (Третьякова, 2011) лишь подтверждает наше убеждение в фразеопреобразовательном характере первых и фразеобразовательном характере вторых.

⁵ Предложенный в работе Р. Штернеманна и колл. метод двусторонних (многосторонних) контрастивных исследований (Штернеманн и др., 1989: 144–178) вполне применим и на внутриязыковом уровне, предполагающем учет сходств и различий между инвариантом фразеологизма и его трансформами в одном языке, и при межъязыковом сопоставлении трансформационных парадигм одного фразеологизма.

и достаточных для идентификации значения ИФЕ или его трансформа. Таким образом, в эту группу преобразований попадают уже зафиксированные в русской речи трансформы ИФЕ, инкрустированные в структурно-семантические модели иных фразеологизмов, включая и контаминацию, факты фразеологического насыщения текста – контекстного соположения нескольких ФЕ, фразеобразование по модели, включение ИФЕ или его трансформа в модели афоризмов.

Естественно, что «матрицы» внутреннего и внешнего уровня преобразований различных фразеологизмов не будут абсолютно идентичными, исходя из различий семантической структуры инварианта ФЕ, ее «многослойного характера» (Мелерович, Мокиенко, 2011: 15, 42) с учетом языковой и культурной (социальной) мотивировки фразеологического значения, внутренней формы, роли фразеосхемы, уровня изоморфизма содержания и формы ИФЕ, характера образности, семантических и грамматических особенностей фразеологических компонентов (см. также: Третьякова, 2011: 154–156), тем не менее схематизация преобразований ИФЕ в таком общем виде, состоящая из рядов трансформов, систематизированных по конкретному (доминирующему) типу преобразований, откроет путь к поиску предсказуемого/непредсказуемого как в стимулах активизации трансформационных обновлений инварианта ФЕ, так и в конкретных преобразованиях ИФЕ в русской речи.

ТПФ как отражение трансформационной активности инварианта ФЕ и ее динамики: предсказуемое и непредсказуемое

Сегодня российская фразеологическая наука накопила достаточно данных для объяснения причин высокого и низкого трансформационного потенциала ИФЕ, среди которых – стимулы главным образом языкового порядка (упоминаемая выше «многослойность» семантической структуры ИФЕ, степень изоморфизма содержания и формы, специфика образности, характер фразеологических компонентов и др.). Однако опыт составления ТПФ показывает, что далеко не всегда «бум» трансформационных обновлений ИФЕ связан с его внутренними, собственно языковыми преобразовательными потенциалами. В ряде случаев они как бы дремлют «под спудом», ничем не заявляя о себе, – и в какой-то момент появляется внешний катализатор, вызывающий бурную «трансформационную реакцию» ИФЕ. У иных фразеологизмов трансформационная активность оказывается относительно стабильной.

ТПФ как «матрица», заполненная уже реализованными фактами обновлений ИФЕ с паспортизацией фразеотрансформов, дает возможность выявить как относительную стабильность преобразований ИФЕ, так и его активизацию в определенный период в интеракциях собственно языковых и неязыковых ее стимулов. До последнего времени не зафиксированное в русских фразеологических словарях, известное из немецкого и славянского фольклора выражение с уникальной судьбой *наступить (наступить) на грабли* (см. подробнее: Мокиенко, 2007; Архангельская, 2018) вдруг «всплывает» в конце 1990-х гг. в публицистических текстах, обнаруживая лавинообразную активность словоупотреблений – около 223 000 (ср. по состоянию на 2011 г. – 60 000) и богатейшую трансформационную парадигму, что объясняется именно семантической и социальной востребованностью, современностью идеи, вы-

раженной им. Однако о предсказуемости подобного фразеологического «возрождения» выражения и чудесного превращении «старого» в «новое» говорить трудно, особенно на фоне его всеобъемлющего присутствия в восточнославянских языках, практического отсутствия в западнославянских и пассивизации в немецком (Архангельська, 2018).

Особая трансформационная активность может быть вызвана общественными и социальными неязыковыми «катализаторами». Не отличаясь особой трансформационной активностью на протяжении XX в., поговорка *язык до Киева доведет* буквально «взрывается» фейерверком трансформов именно в последнее десятилетие в связи с неоднозначно решаемыми вопросами языкового строительства в независимой Украине и печально известным конфликтом между Украиной и Россией, вышедшем за границы политического. В связи с изменениями социальных ролей женщины в современном обществе на фоне укоренившихся в общественном сознании стереотипов мужского и женского вполне предсказуемой представляется и очевидная актуализация в последние два десятилетия преобразовательной активности выражения *мужик в юбке*. Любопытно, что модель *мужик в юбке* оказалась в этот период «дорогой ложкой к обеду» для восточнославянского языкового ареала и практически неактуальной для других славянских лингвокультур (см. подробнее: Архангельская, 2015).

В иных случаях есть основания говорить об относительной стабильности и высокой степени предсказуемости фактов трансформационных обновлений фразеологизма, стимулируемого отражением в его семантике и форме общечеловеческих вневременных ценностей – анти-ценностей на фоне мощной культурной метафоры «облачения в чужие одежды» и высокой степени десакрализации выражения, как, например, в случае с библеизмом *волк в овечьей шкуре* (см. Архангельская, 2021).

Генотип и генофонд инварианта ФЕ: предсказуемое и непредсказуемое

Во многих случаях репертуар фразеотрансформов, кроме собственно языковых стимулов, в значительной мере предопределен культурными «узлами смыслов» внутренней формы, потерей одних из них и актуализацией (реинтерпретацией) других, не обязательно «зафиксированных» в момент «рождения» фразеологизма. Их знание позволит идентифицировать фразеологическое обновление и определит его как предсказуемое или непредсказуемое. Иногда важными оказываются именно историко-этимологические сведения относительно свободно-синтаксического генотипа фразеологизма и его, так сказать, «генофонда» в случае, если фразеологизм относится к так называемой культурной фразеологии (ФЕ мифологического, библейского происхождения, ФЕ, основанные на культурных реалиях, исторических фактах и т. п.). В таком случае «набор генов» и «генная память» фразеологизма могут оказаться тем пучком культурных смыслов и импульсов, которые в значительной степени предопределяют предсказуемый характер его современных обновлений.

«Картинка» образов, лежащих в основе фразеологизма, может представляться не во всей своей полноте, не со всей совокупностью исходных дета-

лей, а как редуцированная, с опущенными частями, в силу ряда причин не ставшая актуальной для передачи содержания, актуального во фразеологизме. «Редукция образа <...> происходит <...> за счет „усечения“ каких-то несущественных для данного значения деталей <...>, не изменяет его природу, но „высвечивает“ его часть» (Телия, 1996: 190). Так случилось с ФЕ *ящик Пандоры* ‘источник несчастий, бед’, имеющем мифологическую основу (по легенде, Пандора, отличаясь неуемным любопытством, все же открыла запретный ящик, откуда роем вылетели все беды и несчастья. Когда настала очередь вылетать надежде, Пандора, не желая отдавать ее людям, захлопнула крышку) – ср. актуальные для нашего времени вполне предсказуемые его текстовые обновления: *Ящик Пандоры: надежда во времена Covid-19*⁶; «*Ящик Пандоры*» открыт, но надежда есть (об импичменте, который, как дамоклов меч, висел над головой Трампа со дня его избрания президентом США)⁷.

Подобная судьба была уготована и библеизму *возвращение блудного сына*, основанному на притче Иисуса Христа (гл. 15 Евангелия от Луки) и изначально содержащему широкое информационно-культурное поле смысловых доминант: непослушание младшего сына; расточительство и его следствие – социальное дно; раскаяние и покаяние; радость отца и прощение. Его перевод на разные языки отразил акценты на отдельных из них, закрепленные во внутренней форме фразеологизма: *блудный*, *потерянный* и *расточительный* (см. подробнее: Мелерович, Мокиенко, 2014: 78–79). На русской почве компонент *блудный* отразил ассоциации со словами *блуждать* и *блудить*, составившими внутреннюю форму (мотивирующий образ) оборота *возвращение блудного сына* и имплицитива *блудный сын* (Мелерович, Мокиенко, 2014: 78). Однако в анализе предсказуемости/непредсказуемости трансформаций нет оснований не брать во внимание и остальные исходные неэксплицированные в русской фразеологии составляющие его мотивирующего образа (ср. название интервью с А. Сокуровым «*Прощать ли блудных сыновей?*») на фоне его же фразы: *Я все меньше вижу возвращения как покаяния. Возвращение блудного сына – это какая-то внешняя скорлупа*⁸ или *Возвращение блудного сына прошло по-библейски. Отец радовался как ребенок. Накрыли стол*⁹.

Предсказуемость обновлений может корреспондировать с фактами динамики формы и содержания ИФЕ. Так, выражение *язык до Киева доведет* именно в такой форме засвидетельствовано в сборниках И.М. Снегирева и

⁶ Ящик Пандоры : надежда во времена Covid-19 // Vk.com. 2020, 3 мая. URL : <https://vk.com/@gricigor-yaschik-pandory-nadezhda-vo-vremena-covid-19> (дата обращения : 03.05.2020).

⁷ «Ящик Пандоры» открыт, но надежда есть... // Зеркало. 2019, 26 сентября. URL : <https://zerkalo.az/yashhik-pandory-otkryt-no-nadezhda-est/> (дата обращения : 26.09.2019).

⁸ Дилетанты. Прощать ли блудных сыновей? // Эхо Москвы. 2020, 22 октября. URL : <https://echo.msk.ru/programs/diletanti/2728372-echo/> (дата обращения : 22.10.2021).

⁹ Шульц Р. Немцы из России. Жизнь замечательных людей. Висбаден : Родник, 2016. С. 18.

М.А. Рыбниковой¹⁰, однако у В.И. Даля и М.И. Михельсона оно приводится как *язык до Киева доведет* ‘всего доспросишься’ (*и до кия* ‘до палки, побоев’)¹¹. В современные словари фразеологизмов изречение не включено, хотя оно представляет собой мощную интерязыковую и интеркультурную модель (Бредис и др., 2020: 274–276). Среди чрезвычайно активных обновлений этого выражения в последнее десятилетие находим уже забытое носителями языка *до кия доведет* ‘до побоев’ наряду с особенно актуальным сегодня расширением семантики компонента *язык* ‘языковой вопрос’: ***Язык до драки доведет: в парламенте Украины снова кулачные бои***¹².

Нередко анализ составляющих ТПФ позволяет проследить судьбу исконных смыслов и смысловых доминант, заложенных в фразеологизме в «момент» его рождения. Так, смысловой и «поучительной» доминантой известного «грабельного» сюжета изначально были образы «псевдограмотного» ученого сына vs служанки, напрочь забывшей родной язык. Современное значение *наступить/наступить на грабли* ‘совершать необдуманный, ошибочный поступок с возможными неприятными последствиями для совершающего’ не обнаруживает корреляций с его формой, основанной на особом «качестве» образа-представления реального характера, жизненной картинке-сценарии из бытовой сферы. При этом «мифологическая подпитка» семантики граблей как предмета для отгона нечистой силы, орудия порчи и т. п., равно как обозначенные выше смысловые доминанты фольклорного сюжета, во фразеологическом значении оказываются нивелированными: оно напрямую связано лишь с актуализацией сегмента реального фразеологического образа как следствия неосторожного «наступления» на сельскохозяйственный предмет – грабли – их лобоощутимой ударной силы: *Люди забавно устроены. Им кажется, что если заменить одни грабли другими, лбу будет не так больно*¹³. Примечательно и полное нивелирование исходных смысловых доминант народного «грабельного» анекдота даже в тех языках, для которых языковой вопрос сегодня оказался частью государственного строительства, в частности в украинском, где семантика «забвения» родного языка не засвидетельствована ни в одном из богатейшей палитры его фразеотрансформов (Архангельська, 2018). Подобное явление иллюстрирует анализ системы трансформов ФЕ *возвращение блудного сына*. На фоне десакрализации выражения в современной русской речи обнаруживаем полную утрату исконно

¹⁰ Снегирёв И.М. Русские народные пословицы и притчи М. : Институт русской цивилизации, 2014. С. 474; Рыбникова М.А. Русские пословицы и поговорки. М. : Изд-во АН СССР, 1961. С. 127.

¹¹ Даль В.И. Пословицы русского народа. М. : Художественная литература, 1984. Т. 1. С. 317; Михельсон М.И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. СПб. : Тип. Академии наук, 1896–1912. Т. 1–2. С. 1040.

¹² Язык до драки доведет : в парламенте Украины снова кулачные бои // Биржевой лидер. 2012, 20 ноября. URL : <http://www.profi-forex.org/novosti-mira/novosti-sng/ukraine/entry1008144262.html> (дата обращения : 20.11.2013).

¹³ Цитаты. Анна Михайловна Островская // Bbf.ru. 2021, 12 ноября. URL : <https://bbf.ru/quotes/?author=40046> (дата обращения : 26.11.2021).

свойственной библейской притче семантики покаяния (*Однако очередное возвращение блудного актёра почти зеркально повторило предыдущие его уходы-приходы*¹⁴).

**Собственно-языковые стимулы
трансформационных обновлений ИФЕ:
предсказуемое и непредсказуемое**

Безусловными «катализаторами» появления фразеотрансформов и различных их контекстных обновлений в русской речи оказываются элементы семантической структуры инварианта ФЕ и системные свойства его компонентов.

В ряде случаев важнейшим стимулом для дальнейших обновлений ИФЕ оказывается сама *структурно-семантическая его модель*, имеющая культурную основу и особую синтаксическую структуру. Обычно «наличие символических компонентов снижают трансформационную активность ФЕ» (Третьякова, 2011: 156), однако в случае с библеизмом *волк в овечьей шкуре* этот факт не помешал его относительно стабильной трансформационной активности, в которой основную роль сыграла мощная культурная метафора переодевания в «лживую одежду» с семантикой внешней маскировки собственной (внутренней) природы, сущности, намерений и символикой компонентов *волк* и *овца*, связанных с зооморфным кодом культуры. Потенциальная возможность «переодевания» не в свою одежду вызвала к жизни целый ряд обновлений инверсионного характера, основанных на взаимной замене компонентов, занимающих разные синтаксические позиции в структурной схеме ФЕ: *Пока фандрайзер видится донорам овец в волчьей шкуре, считает проректор ПСТГУ по инновациям Владимир Шмелев*¹⁵, а также к расширению внешнего трансформационного потенциала фразеологизма: *Овца в волчьей шкуре будет съедена волком в шкуре овцы*¹⁶.

Витальный характер синтаксической модели «КТО» в *овечьей шкуре* открывает широкие и вполне предсказуемые возможности для субституции компонента *волк* единицами витальной семантики – составляющими тематической группы хищных и опасных животных (*лев, шакал, бешеный пес, медведь*), однако в этом сегменте ТПФ встречается и контекстуальный «кентавр»: *Маскирующийся под мякотелого руководитель выглядит львом с лисьей головой в овечьей шкуре*¹⁷, и антропоконструктивный объект: *Циклон в овечь-*

¹⁴ Резаков Ф. Свет погасших звезд. Люди, которые всегда с ними. URL : <https://readli.net/chitat-online/?b=320883&pg=1> (дата обращения : 02.01.2022).

¹⁵ Овца в волчьей шкуре : как фандрайзеру работать в образовании // Jtr.uf.ru. 2016, 27 октября. URL : <https://magister.urfu.ru/ru/novosti/17637/> (дата обращения : 14.11.2021).

¹⁶ Жемчужины мысли. 2020, 20 апреля. URL : <https://www.inpearls.ru/1403492> (дата обращения : 14.11.2021).

¹⁷ Наврузов Ю., Задиров Г. Принудительный менеджмент а-ля Маккиавелли, или Правдивые наставления директору. URL : <https://books.google.com.ua/books?id=rn5IDwAAQBAJ&pg=PT77&lpg=PT77&dq> (дата обращения : 02.01.2022).

*ей шкуре*¹⁸, и даже (с подключением языковой игры) языческий жрец *волхв: Волхв в овечьей шкуре*¹⁹. Во многих случаях замена компонента приводит к деформации синтаксической модели ИФЕ за счет девитализации ключевого компонента «КТО» → «ЧТО» в *овечьей шкуре*. Субститутами компонента *волк* оказываются непредсказуемые моделью названия *банков, политических и финансовых объединений, государств, футбольных команд, автомобилей* и проч.: *Футболка В ОВЕЧЬЕЙ ШКУРЕ, цвет черный – HARD STORE*²⁰; *Saab 9-3 1,9 TiD в овечьей шкуре*²¹, в том числе собирательные и отвлеченные наименования, часто – процессуальной семантики: *Драйв в овечьей шкуре. Почему в России не ценят BMW Active Tourer*²².

Сама способность фразеологизмов члениться на части (в грамматическом и семантическом плане) является фактором, «разрешающим» различные структурно-семантические трансформации ФЕ и ее компонентов в границах системности, поскольку они интуитивно воспринимаются как слова с определенной смысловой и грамматической структурой. Изучив все системные семантические, грамматические и сочетаемостные возможности каждого из компонентов инварианта (см., напр.: Третьякова, 2011: 169–238) и апплицировав полученные результаты на уже реализованные его трансформации, систематизированные в ТПФ, получим зону несовпадения, тот «остаток», в котором следует искать асистемное и непредсказуемое.

Предсказуемость/непредсказуемость субститутивных обновлений *отдельных компонентов* можно проследить, соотнеся их трансформы с морфологическими системно разрешительными возможностями. В структуре ФЕ *наступать на грабли* компонент *наступать (наступить)* как глагол с процессуальным значением потенциально «открыт» к номинализации – преобразованию частеречной семантики глагола в отглагольное существительное (*читать – чтение, видеть – видение* и т. п.), однако в языковой системе узуральный deverбатив отсутствует (*наступление²³): *Хождение по кругу и наступание на грабли... Почему некоторые ситуации повторяются с нами?*²⁴ Окациональное употребление не разрешаемого системой deverбатива далее открывает возможности для «семантического заражения» «грабелной» семантикой глаголов *хождение, наступление (Вечное хождение по... граб-*

¹⁸ *Изуверов С.* Межгосударство. Т. 2. URL : <https://booksread-online.com/proza/russkaya-sovremennaya-proza/page-167-264384-sergei-izuverov-mezhgosudarstvo-tom%C2%A02.html> (дата обращения : 02.01.2022).

¹⁹ *Волхв в овечьей шкуре* // Антимодернизм.ру. 2019, 4 сентября. URL : <https://antimodern.ru/volkhv/> (дата обращения : 14.11.2021).

²⁰ *Футболка В ОВЕЧЬЕЙ ШКУРЕ* // Volchok. 2021, 8 ноября. URL : https://volchok.ru/store/4382-futbolka_volk_v_ovechey_shkure/ (дата обращения : 14.11.2021).

²¹ *Saab 9-3 1,9 TiD : Волчонок в овечьей шкуре* // Фонтанка.ру. 2009, 3 января. URL : <https://www.fontanka.ru/2009/04/03/907/> (дата обращения : 14.11.2021).

²² *Драйв в овечьей шкуре* // Коммерсантъ. 2016, 14 марта. URL : <https://www.kommersant.ru/doc/2922625> (дата обращения : 11.11.2021).

²³ Знаком астериска * обозначаем потенциальные, но не реализованные системные возможности компонента.

²⁴ *Хождение по кругу и наступание на грабли* // B17.ru. 2019, 17 мая. URL : https://www.b17.ru/blog/xogdenie_po_krugu/ (дата обращения : 11.11.2021).

лям²⁵; *Генеральное наступление на грабли по всему фронту*²⁶). В орбиту заменителей компонента *наступать* с семантикой неосознанно совершаемого одноразового действия «по неосторожности» оказываются включенными девербативы *бег, прыжок, скачок (скачки), скáчки, наскок (Сладостный бег по граблям*²⁷). Репертуар таких непредсказуемых системой квалификативных интенсификаторов глагольного действия далее расширяется за счет глагола *танцевать* и девербатива *танцы* как родового наименования по отношению к достаточно широко представленным в составе ТПФ видовым наименованиям зажигательных и ритмических танцев: *гопака, джиги, чечетки, лезгинки, калинки, танго*, которые можно на граблях *исполнять, плясать, отплясывать, отбивать* (чечетку): *Танцы на граблях в режиме non-stop*²⁸. Такое непредсказуемое употребление субститута *танцы* вызывает ассоциацию с известным «Танцем с саблями» из балета А. Хачатуряна: *Танец с граблями у нас танцуют без репетиций*²⁹.

Полной непредсказуемостью с точки зрения системной семантической сочетаемости компонента *грабли* оказываются амплификативные компоненты, содержащие их «вкусовые» (*Сладкие «грабли». Вслед за бензиновым кризисом страну ожидает сахарный*³⁰; *Латвия снова наступила на «горькие» грабли Украины*³¹) и эмоционально-оценочные определения: *родные, кармические, намоленные, фантомные (Хитрые грабли Путина*³²). К этому типу относятся и расширители отвлеченной семантики: *Старые грабли грубой неосторожности в страховании*³³.

Компонент *сын* в составе библеизма *возвращение блудного сына* истонно не предполагает замены его субститутами иного родового значения, тем не менее с системно-семантической точки зрения он включен в тематический ряд наименований родства *дочь, отец, мать, жена, муж, родственник* и т. п. Подобные ненормативные относительно характера фразеологической семантики замены компонента *сын* образуют целый трансформацион-

²⁵ Вечное хождение по... граблям // LiveJournal. 2016, 31 августа. URL : <https://storm100.livejournal.com/2625696.html> (дата обращения : 16.06.2019).

²⁶ Генеральное наступление на грабли по всему фронту // Записная книжка трикстера / Л. Немейский. С. 18. URL : <http://apelipenko.com/wp-content/uploads/2019/08/Записная-книжка-трикстера-1.pdf> (дата обращения : 22.12.2019).

²⁷ Сладостный бег по граблям // LiveJournal. 2013, 29 июня. URL : <https://gmorder.livejournal.com/210412.html> (дата обращения : 11.11.2021).

²⁸ Хуснуллина (Махортова) Г. Танцы на граблях в режиме non-stop. Блог. URL : <https://snob.ru/profile/28186/blog/135271/> (дата обращения : 15.03.2018).

²⁹ Жемчужины мысли. 2013, 12 мая. URL : <https://www.inpearls.ru/825817> (дата обращения : 16.10.2021).

³⁰ Сладкие «грабли» // Delo.ua. 2005, 6 июня. URL : <https://delo.ua/investgazeta/sladkie-grabli-264400/> (дата обращения : 19.04.2019).

³¹ Латвия снова наступила на «горькие» грабли Украины // Orosz-piac.com. 2017, 19 декабря. (дата обращения : 04.01.2019).

³² Хитрые грабли Путина // Okkupantu.Net. 2018, 9 декабря. URL : <http://okkupantu.net/> (дата обращения : 06.06.2019).

³³ Старые грабли грубой неосторожности в страховании (практика новых судов) // Zakon.ru. 2020, 17 января. URL : https://zakon.ru/blog/2020/01/17/starye_grabli_gruboj_neostorozhnosti_v_strahovanii_v_praktike_novyh_sudov (дата обращения : 18.02.2021).

ный ряд: *Блудная дочь Кремля*. «*Ксения Общак*» (название романа А. Челнокова); *Возвращение блудного бати*³⁴ и др. При этом и эти, и иного рода заменители прогнозируемо сориентированы на семантику обозначения лица: *Возвращение блудного педиатра*. *Несколько лет назад в медицинских вузах были ликвидированы факультеты педиатрии*³⁵; *Возвращение блудного мигранта*. *Почему к нам снова едут узбекские рабочие?*³⁶. Однако же в ТПФ обнаруживаем не предсказуемые системой многочисленные примеры девитализации личного существительного и появления субститута с семантикой предметности, вещественности: *Возвращение блудного сахара*. *На полки красноярских магазинов вернулся сахар*³⁷ и даже отвлеченности: «*Блудное право*» *Ирландии* (о возвращении «свободных нравов» ирландского брачного права)³⁸, а также персонийности: *Камбэк «блудного Михо»: бой сторонников и противников*³⁹.

В принципе допустимым системой, однако избыточным исходя из семантики ФЕ ‘спрашивай – не заблудишься’, оказывается указание на конкретный язык в выражении *язык до Киева доведет* (ср. *Русский язык больше до Киева не доведет*⁴⁰), в том числе с расширителями отрицательной прономинальной (*Не всякий язык до Киева доведет: Украина ограничивает применение языков нацменьшинств*⁴¹) и нумеральной семантики (*Один язык до Киева не доведет*. <...> *Михаил Добкин предложил сделать русский вторым государственным*⁴²). Авторские интенции «вписывания» семантики и формы выражения в актуальный российско-украинский социально-политический контекст с буквализацией ФЕ иллюстрирует пример: *Знаете, говорят, язык до Киева доведет. Так вот, сейчас не доведет, так как границы закрыты*⁴³. Примеры семантического наращения компонента *язык* семой *государственный* и буквализации топонима *Киев* наблюдаем в примере *Язык*

³⁴ Возвращение блудного бати // Drive2.ru. 2021, 2 июля. URL : <https://www.drive2.ru/> (дата обращения : 11.11.2021).

³⁵ Возвращение блудного педиатра // Экспресс. 2017, 16 июня. URL : <https://exk.kz/news/39158/vozvrashchieniie-bludnogho-piediatra> (дата обращения : 18.06.2018).

³⁶ Возвращение блудного мигранта // Радио Sputnik. 2017, 8 августа. URL : <https://radiosputnik.ria.ru/20170808/> (дата обращения : 29.05.2019).

³⁷ Возвращение блудного сахара // 7 канал Красноярск. 2021, 15 апреля. URL : <https://trk7.ru/news/123709.html> (дата обращения : 26.06.2021).

³⁸ «Блудное право» Ирландии // Русская Ирландия. 2018, 31 октября. URL : <https://www.russianireland.com/bludnoe-pravo-irlandii-2/> (дата обращения : 29.06.2019).

³⁹ Камбэк «блудного Михо» : бой сторонников и противников Саакашвили на границе // Sputnik Армения. 2017, 10 сентября. URL : <https://ru.armeniasputnik.am/20170910/kambek-bludnogo-miho-boj-storonnikov-i-protivnikov-saakashvili-na-granice-8588940.html> (дата обращения : 09.11.2021).

⁴⁰ Русский до Киева больше не доведет // Радио Свобода. 2017, 13 сентября. URL : <https://www.svoboda.org/a/28733863.html> (дата обращения : 01.10.2019).

⁴¹ Не всякий язык до Киева доведет : Украина ограничивает применение языков нацменьшинств // ТАСС. 2017, 20 сентября. URL : <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4577872> (дата обращения : 01.09.2019).

⁴² Один язык до Киева не доведет // Российская газета. 2014, 4 февраля. URL : <https://rg.ru/2014/04/02/yazik.html> (дата обращения : 22.08.2019).

⁴³ Instagram.com. 2019, 8 июля. URL : <https://www.instagram.com/> (дата обращения : 16.07.2020).

*до Киева теперь не доведет... Знание «мовы» становится стандартом профпригодности*⁴⁴ – о принятии в Украине закона, требующего от госслужащих подтвержденного экзаменом знания украинского языка как государственного, в этой же связи – факты субституирования топонимического компонента *Киева* именем нарицательным: *Язык до должности доведет. В Харькове чиновники сдают экзамен по украинскому*⁴⁵; *Язык до штрафа доведет*⁴⁶. Имеет место и пример расширения компонента *доведет* ‘станет причиной’ объектом с аллюзией на известные события 2014 г. на Майдане в Киеве и их возможные последствия для Беларуси: *Белоруссию язык до Киева доведет?* (о проблемах соотношения русского и белорусского языков в Беларуси)⁴⁷.

Двигаясь в таком направлении, можем выявить в речи предсказуемые и непредсказуемые системой русского языка трансформации и *внешнего преобразовательного уровня*. К примеру, фразеологический образ и структурно-семантическая модель ФЕ *волк в овечьей шкуре* «срабатывает» и в самых неожиданных и непредсказуемых случаях его употребления, как то: в выражении *запустить волка в овечьей шкуре* ‘пить не пьянея, запивая водку чаем’ с актуализацией сем *сильный – слабый* для обозначения не двуличного человека, но алкогольного-безалкогольного напитка: *Решил запустить «волка в овечьей шкуре»: налил холодной водки в попавшийся под руку стакан, сделал маленький глоток чая, резко опрокинул водку и снова запил чаем...*⁴⁸ Примеры может продолжить противопоставление в контекстном окружении инварианта ФЕ и его трансформа: *Блудный сын – это несчастье. А блудная дочь – позор. Что за дискриминация?*⁴⁹

На внешнем уровне преобразований ИФЕ обнаруживаем факты включения в отношения противопоставления компонентов *язык* и *мова* с использованием единой фразеомодели: *Язык до Киева доведет... А «мова» – до Варшавы*⁵⁰ – об отказе в процессе очистки украинского языка от сходных с русскими единиц и замене их полонизмами. В иных случаях компо-

⁴⁴ Язык до Киева теперь не доведет // Вечерняя Москва. 2019, 16 июля. URL : <https://vm.ru/opinion/657124-yazyk-do-kieva-teper-ne-dovedet> (дата обращения : 19.10.2021).

⁴⁵ Язык до должности доведет // Новости Харькова. 2021, 30 июня. URL : <https://2day.kh.ua/kharkow/yazyk-do-dolzhnosti-dovedet-v-kharkove-buduschie-chinovniki-sdayut-ekzamen-po-ukrainskomu> (дата обращения : 11.10.2021).

⁴⁶ Язык до штрафа доведет. Как Киев заставляет всех забыть русский // Аргументы и факты. 2017, 23 мая. URL : https://aif.ru/politics/world/yazyk_do_shtrafa_dovedyot_kak_kiev_zastavlyayet_vseh_zabyt_russkiy (дата обращения : 09.04.2019).

⁴⁷ Белоруссию язык до Киева доведет? // Ритм Евразии. 2018, 12 декабря. URL : <https://www.ritemeurasia.org/news--2018-12-21--belorussiju-jazyk-do-kieva-dovedet-40211> (дата обращения : 16.06.2019).

⁴⁸ Иванов С. Подозрительные предметы. URL : https://libking.ru/books/russian_contemporary/634720-svyatoslav-ivanov-podozritelnye-predmety.html (дата обращения : 16.02.2019).

⁴⁹ Чем отличается блудный сын от блудной дочери? // Obsuzhday.com. 2020, 20 ноября. URL : <https://obsuzhday.com/questions/> (дата обращения : 20.02.2021).

⁵⁰ Язык до Киева доведет... А «мова» – до Варшавы // Завтра. 2018, 23 марта. URL : https://zavtra.ru/blogs/yazik_do_kieva_dovedet_a_mova_do_varshavi (дата обращения : 20.02.2021).

нент язык приобретает в текстовой конфигурации семантическое наращение ‘русский’ (в отличие от мова – ‘украинский’): *Язык теперь до Киева не доведет. Русский язык с 16 июля официально исчез с улиц украинских городов и деревень*⁵¹. Внешний уровень преобразований иллюстрирует и одновременное обыгрывание значений слова язык, ФЕ *длинный язык* и несвойственного ИФЕ значения глагола *довести* с определенными смысловыми наращениями каждого из них: *Говорят, язык до Киева доведет. Может даже до Аляски довести, а может и до цугундера*⁵². Имеет место включение выражения в фразеологическую конфигурацию и взаимодействие с иными фразеологизмами *лизать руки (ноги, зад)* кому (прост.) ‘пресмыкаться, унижаться перед кем-либо, подхалимствуя’ и *длинный язык* ‘о болтливом человеке’ с непредсказуемыми с точки зрения семантики ИФЕ расширителями: *Простой язык до Киева доведет, а вот лизущий – аж до Вашингтона*⁵³; *Длинный язык до Киева доведет, а немецкий – ...* (о комфортности путешествий по Германии при незнании немецкого языка)⁵⁴. В иных случаях наблюдаем стремление автора «привлечь внимание к реалии, обозначив ее необычным, нестандартным образом» (Доброва, 2019: 144), как результат, – неожиданные авторские находки в образовании афоризмов на базе ИФЕ: *Из поговорок, что любил народ, Одну изъять придется нам, возможно: Язык до Киева теперь не доведет – Обратно повернет его таможня*⁵⁵ или *Возвращение блудного сына не состоялось: блудный отец не оставил своего адреса*⁵⁶.

Заключение

Предложенный исследовательский путь структурирования полученной «собираемой вручную» ТПФ (с осознанием ее «открытости» к дальнейшим возможным, но пока не реализованным в русской речи трансформам) через ее комплексный сопоставительный с инвариантом ФЕ анализ как поиск системных и асистемных проявлений трансформаций и фразеологических обновлений, их предсказуемости/непредсказуемости позволит уточнить некоторые вопросы типологии фразеологических преобразований, выявить соотношение предсказуемого и непредсказуемого в трансформах на уровне семантической структуры ФЕ, фразеомодели и отдельных ее компонентов с вниманием к неязыковым преобразовательным стимулам, определить соотношение кре-

⁵¹ Язык до Киева теперь не доведет // Вечерняя Москва. 2019, 16 июля. URL : <https://vm.ru/opinion/657124-yazyk-do-kieva-terep-ne-dovedet> (дата обращения : 20.08.2020).

⁵² Десятковский В. Православие, секс и смерть. Посвящение и перезагрузка. URL : <https://www.livelib.ru/work/1002237933-pravoslavie-seks-i-smert-posvyaschenie-i-perezagruzka-vladij-desyatovskij> (дата обращения : 12.04.2017).

⁵³ Жемчужины мысли. 2017, 21 июня. URL : <https://www.inpearls.ru/1020245> (дата обращения : 27.06.2017).

⁵⁴ Длинный язык до Киева доведет, а немецкий – до... // Deutsche Welle. 2005, 16 марта. URL : <https://www.dw.com/ru/длинный-язык-до-киева-доведёт-а-немецкий-до-а-1520500> (дата обращения : 27.03.2018).

⁵⁵ Рацер Б. Устаревшая поговорка. URL : <https://ironicpoetry.ru/autors/ratserboris/ustarevshaya-pogovorka.html> (дата обращения : 28.11.2021).

⁵⁶ Жемчужины мысли. 2011, 15 мая. URL : <https://www.inpearls.ru/71196> (дата обращения : 15.11.2019).

ативных возможностей русского языка и креативных способностей автора при включении трансформы в актуальный для него контекст. Кроме того, исследования реальных, а не только «предсказуемых» системой трансформов по горизонтали могут стать полезными и в определении внутренних и внешних стимулов активности vs активизации одних ИФЕ по сравнению с другими на внутриязыковом и межъязыковом уровне двустороннего сопоставления.

Список литературы

- Абрамова А.Г. Грамматические параметры фразеологических парадигм // Вестник Чувашского университета. 2015. № 4. С. 208–214.
- Архангельская А. О «мужчинах» в юбке и доминирующей маскулинности // Новая русистика. 2015. № 2. С. 5–18.
- Архангельская А.М. Трансформационный потенциал фразеологического библеизма *волк в овечьей шкуре* в современной русской речи // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 462. С. 5–13. <https://doi.org/10.17223/15617793/462/1>
- Архангельська А. Про одну фразеологічну інтертекстему в мовопросторі сучасних українських масмедіа // Інтертекстуальність та інтермедіальність : в просторі української мови та культури / ред. А. Архангельська. Olomouc : VUP, 2018. С. 181–220.
- Богатырева Е.Н. Оказиональные преобразования структурно-семантических моделей с компонентом *вода* в современном русском языке // Вестник Костромского университета. 2014. № 6. С. 197–199
- Бредис М.А., Димогло М.С., Ломакина О.В. Паремии в современной лингвистике : подходы к изучению, текстообразующий и лингвокультурологический потенциал // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. № 2. С. 265–284. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284>
- Гомонова И.А. Пока гром не грянет... (из наблюдений над функционированием паремии в публицистике) // Славянская фразеология в современных СМИ (публицистический дискурс) / ред. Х. Вальтер, В. Мокиенко, Ж. Финк. Грайфсвальд – СПб. – Загреб : Изд-во Грайфсвальдского ун-та, 2017. С. 183–186.
- Доброва М. Русские фразеологизмы в интернет-дискурсе : функциональный аспект. Olomouc : VUP, 2019. 284 с. <https://doi.org/10.5507/ff.19.24455075>
- Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М. : Наука, 1987. 263 с.
- Кузьмицкая Н.В. К структуре интертекстовой цепочки // Интертекст в художественном и публицистическом дискурсе. Магнитогорск : МаГУ, 2003. С. 69–72.
- Мелерович А.М. К вопросу о системной обусловленности индивидуально-авторских преобразований семантической структуры фразеологических единиц // Фразеологизмы в системе языковых уровней. Л. : ЛГПИ, 1986. С. 104–113.
- Мелерович А.М., Мокиенко В.М. О специфике языковой адаптации библейских сюжетов в европейских языках (*блудный сын* и его модификации) // Studia Rossica Gedanensia. 2014. № 1. С. 76–87.
- Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Современная русская фразеология (семантика – структура – текст). Кострома : КГУ, 2011. 456 с.
- Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи. Словарь. М. : АСТ, 2005. 856 с.
- Мокиенко В.М. Жизнь русской фразеологии в современной речи // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. Т. 4. № 4 (52). С. 59–62.
- Мокиенко В.М. Современная русская и славянская фразеология (синхрония и диахрония) // Przegląd Rusycystyczny. 2008. № 4 (124). С. 9–26.
- Мокиенко В.М. Языковая картина мира в зеркале фразеологии // Frazeologia a językowe obrazy świata przełomu wieków / red. W. Chlebda. Opole : Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 2007. S. 49–67.

- Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. 286 с.
- Третьякова И.Ю. К вопросу об окказиональном преобразовательном потенциале глагольных фразеологизмов // Вестник Костромского университета. 2016. № 6. С. 122–124.
- Третьякова И.Ю. Не пришла пора пожинать лавры // Вестник Костромского университета. 2013. № 5. С. 137–139.
- Третьякова И.Ю. Окказиональная фразеология. Кострома : КГУ им. Н.А. Некрасова, 2011. 290 с.
- Тюменцева Е.В. Окказиональные актуализации фразеологических единиц в коммуникативно-прагматическом аспекте : на материале текстов вторичных речевых коммуникативных жанров : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2002. 241 с.
- Федорова Л.Л. «Образы русской речи» в современных массмедиа // Медиалингвистика. 2016. № 3 (13). С. 19–30.
- Штернеманн Р. и др. Введение в контрастивную лингвистику // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. М. : Прогресс, 1989. С. 144–178.

Сведения об авторе:

Архангельская Алла Мстиславовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры славистики, Университет имени Ф. Палацкого, Чешская Республика, 779 00, Оломоуц, ул. Кржижковского, д. 10. *Сфера научных интересов*: ономазиология и теория номинации, лексикология, фразеология, сравнительное славянское языкознание, лингвокультурология, лингвистическая гендерология, медиалингвистика, эколингвистика. Автор свыше 170 публикаций, среди которых научные монографии, статьи, словари, учебные пособия. ORCID: 0000-0003-0699-3026. E-mail: alla_arkhanhelska@yahoo.com

DOI 10.22363/2618-8163-2022-20-2-133-152

Research article

The transformational paradigm of a phraseological unit in Russian speech within the space of predictability and unpredictability

Alla M. Arkhanhelska

Palacký University Olomouc, Olomouc, Czech Republic

✉ alla_arkhanhelska@yahoo.com

Abstract. The paper aims at presenting the research potential of the transformational paradigm of the phraseological unit as a set of all detected speech realisations of its updated invariant, formed not by the principle of “predicting” the possible transformations, but of “collecting” their actual variants in speech. The starting points in this case are both the intralingual multi-sided (according to R. Sternemann) model of comparing the actual speech updates of the phraseological unit with its invariant as tertium comparationis and the broad understanding of the object of phraseology. The basic methods are methods of total sampling and textual identification of the phraseological transform, component-variant analysis, methods of phraseological modelling, applicative method, methods of historical-etymological and linguocultural analysis. The material of the research contains transformation paradigms of different types of phraseological units collected and systematized by the author (wolf in sheep’s clothing,

return of the prodigal son, step on the same rake, man in a skirt, Pandora's box, he who has a tongue can find his way), which were formed on the material of Russian fiction and non-fiction texts, Russian and Russian-language printed and electronic media, including texts of Internet forums and blogs of the early 21st century as a space of network (often anonymous) media communication. The systematization of phraseotransforms in Russian speech and structuring the transformational paradigm, taking into account the internal and external levels in the form of a “matrix,” opens up opportunities for searching for the systemic and the asystemic, the predictable and the unpredictable, for generalising the linguistic and non-linguistic factors stimulating the phraseoransformation and phraseofornation of the phraseological invariant as well as for determining the ratio of creative capacities of the language system and the creativity of the authors of phraseological transforms. The proposed model of analysis can be used in the context of intralingual and inter-lingual comparisons.

Keywords: Russian speech, invariant of a phraseological unit, occasionalism, transformation, paradigm, phraseotransformation, systemic, asystemic, predictable, unpredictable

Article history: received 16.11.2021; accepted 18.01.2022.

Acknowledgments: The publication was prepared with the special-purpose support for science at the Faculty of Arts of Palacký University in Olomouc within the Fund for the Support of Scientific Activities (project FPVČ2022/01).

For citation: Arkhanhelska, A.M. (2022). The transformational paradigm of a phraseological unit in Russian speech within the space of predictability and unpredictability. *Russian Language Studies*, 20(2), 133–152. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-2-133-152>

References

- Abramova, A.G. (2015). Grammatical parameters of phraseological paradigms. *Vestnik Chuvashskogo Universiteta*, (4), 208–214. (In Russ.)
- Arkhanhelska, A. (2015). On the “men” in skirts and the dominant masculinity. *Novaya Russistika*, (2), 5–18. (In Russ.)
- Arkhanhelska, A. (2018). On one phraseological intertextual unit within the modern Ukrainian media. In A. Arkhanhelska (Ed.), *Intertextuality and Intermediality in Space of Ukrainian Language, Literature and Culture* (pp. 181–220). Olomouc: Palacký University. (In Ukr.)
- Arkhanhelska, A.M. (2021). Transformational potential of the biblical idiom “a wolf in sheep's clothing” in modern Russian speech. *Tomsk State University Journal*, (462), 5–13. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/15617793/462/1>
- Bogatryyova, E.N. (2014). Occasional transformations of structural-semantic models with component *water* in modern Russian. *Vestnik of Kostroma State University*, (6), 197–199. (In Russ.)
- Bredis, M.A., Dimoglo, M.S., & Lomakina, O.V. (2020). Paremiias in modern linguistics: Approaches to study, text-forming and linguocultural potential. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11(2), 265–284. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284>
- Dobrova, M. (2019). *Russian phraseological units in the Internet discourse: Functional aspects*. Olomouc: Palacký University. (In Russ.) <https://doi.org/10.5507/ff.19.24455075>
- Fedorova, L.L. (2016). “Images of the Russian speech” in modern media. *Media Linguistics*, (3(13)), 19–30. (In Russ.)
- Gomonova, I.A. (2017). Till the thunder strikes... (from observations on the functioning of paremia in journalism). In H. Walter, V. Mokienko, & Zh. Fink (Eds.), *Slavic Phraseology in Modern Media (Journalistic Discourse)* (pp. 183–186). Greifswald, St. Petersburg, Zagreb: Universität Greifswald. (In Russ.)

- Karaulov, Yu.N. (1987). *Russian language and linguistic personality*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Kuzmitskaya, N.V. (2003). On the structure of the intertextual chain. *Intertext in Fiction and Journalism* (pp. 69–72). Magnitogorsk: MaGU Publ. (In Russ.)
- Melerovich, A.M., & Mokienko, V.M. (2011). *Modern Russian phraseology (semantics – structure – text)*. Kostroma: Kostroma SU Publ. (In Russ.)
- Melerovich, A.M. (1986). On the systemic dependence of individual-author transformations of the semantic structure of phraseological units. *Phraseological Units in the System of Linguistic Levels* (pp. 104–113). Saint Petersburg: LGPI Publ. (In Russ.)
- Melerovich, A.M., & Mokienko, V.M. (2005). *Phraseological Units in the Russian Speech: A Dictionary*. Moscow: AST Publ. (In Russ.)
- Melerovich, A.M., & Mokienko, V.M. (2014). On the specifics of linguistic adaptation of biblical stories in European languages (*prodigal son* and its modifications). *Studia Rossica Gedanensia*, (1), 76–87. (In Russ.)
- Mokienko, V.M. (2007). The linguistic picture of the world in the mirror of phraseology. In W. Chlebda (Ed.), *Frazeologia a Językowe Obrazy Świata Przełomu Wieków* (pp. 49–67). Opole: Uniwersytet Opolski. (In Russ.)
- Mokienko, V.M. (2008). Contemporary Russian and Slavic phraseology (synchrony and diachrony). *Przegląd Rusycystyczny*, (4), 9–26. (In Russ.)
- Mokienko, V.M. (2012). The life of the Russian phraseology in the contemporary speech. *Bulletin of Kemerovo State University*, 4(4), 59–62. (In Russ.)
- Sternemann, R. et al. (1989). Introduction to contrastive linguistics. *New in Foreign Linguistics* (vol. XXV, pp. 144–178). Moscow: Progress Publ. (In Russ.)
- Teliya, V.N. (1996). *Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects*. Moscow: Shkola “Jazyki Russkoj Kul’ury” Publ. (In Russ.)
- Tretyakova, I.Yu. (2011). *Occasional phraseology*. Kostroma: Kostroma SU Publ. (In Russ.)
- Tretyakova, I.Yu. (2013). It’s not time to reap the laurels. *Vestnik of Kostroma State University*, (5), 137–139. (In Russ.)
- Tretyakova, I.Yu. (2016). On the question of the occasional transforming potential of verbal phraseological units. *Vestnik of Kostroma State University*, (6), 122–124. (In Russ.)
- Tyumentseva E. V. (2002). *Occasional actualizations of phraseological units in the communicative and pragmatic aspect: On the material of texts of the secondary speech communicative genres*. (Doctoral dissertation, Volgograd). (In Russ.)

Bio note:

Alla M. Arkhanhelska, Doctor of Philology, Professor, Professor at the Department of Slavonic Studies, Palacký University Olomouc, 10 Křížkovského St, Olomouc, 779 00, Czech Republic. *Research interests*: onomasiology, theory of nomination, lexicology, phraseology, comparative Slavonic linguistics, cultural linguistics, linguistic genderology, media linguistics, ecolinguistics. The author of more than 170 scientific publications, including monographs, articles, dictionaries, manuals. ORCID: 0000-0003-0699-3026. E-mail: alla_arkhanhelska@yahoo.com

DOI 10.22363/2618-8163-2022-20-2-153-166

Научная статья

Культурно-историческая обусловленность модификации фразеологизмов с буквенным компонентом в русском языке

Л.П. Дядечко , Б. Ван *Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко, Киев, Украина* eptonim@ukr.net

Аннотация. Рассматриваются причины, способы и результаты модификации русских фразеологических единиц с компонентом – названием букв, которым, как и алфавиту в целом, придается в письменных лингвокультурах особенное значение. Актуальность темы определяется постоянным вниманием лингвистов к происхождению и функционированию фразеологических единиц, задачей уяснения глубинных процессов взаимодействия внеязыковой действительности, культуры в частности, и языковых структур, а также социальным заказом – усилившимся в последнее время интересом носителей русского языка к национальной сути и истории алфавита. Ставится цель выявить причины, стимулирующие модификацию фразеологических единиц с буквенным компонентом в русском языке, показать главенствующую роль культурно-исторического фактора в ней, проанализировать ее способы и результаты. Материалом послужили данные словарей, текстовых корпусов и картотека, составленная авторами по наблюдениям за спонтанной речью и фразеопотреблением в российском кино и прессе. Использовались описательный и историко-этимологический методы, приемы контекстологического, семантического, структурного анализа и метода двойной аппликации. Установлено, что основными культурно-историческими причинами, способствующими модификации фразеологических единиц исследуемой группы, стали орфографические реформы, внедрение прогрессивной методики обучения чтению и письму, контакты русских с народами, использующими иные системы письменности, смена культурно-мировоззренческих приоритетов, появление ярких произведений искусства. Основной способ модификации – лексическая замена старинного имени буквы на современное – в настоящее время уступает место оригинальным лингвокреативным находкам носителей языка не только в сфере окказионального фразеобразования, как это наблюдалось ранее, но и узального. В результате модификации изначально интернациональные модели фразеологических единиц с буквенным компонентом приобретают собственно национальные черты.

Ключевые слова: фразеологизмы, история идиоматики, узальное фразеобразование, окказиональное фразеобразование, культурно-исторический фактор, орфографическая реформа, русский язык

История статьи: поступила в редакцию 20.11.2021; принята к печати 10.01.2022.

Для цитирования: Дядечко Л.П., Ван Б. Культурно-историческая обусловленность модификации фразеологизмов с буквенным компонентом в русском языке // Русистика. 2022. Т. 20. № 2. С. 153–166. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-2-153-166>

© Дядечко Л.П., Ван Б., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Введение

Традиционная фразеологическая проблема – изучение лексического состава фразеологических единиц (ФЕ) – сейчас, в эпоху доминирования лингвокультурологического направления в языкознании, проводится под новым углом зрения. Слова-компоненты ФЕ соотносятся с кодами культуры, то есть с источниками, «которые лежат в основе тропеического осмысления языковых сущностей, представляя собой „подоснову“ культурной интерпретации явленного в языковой оболочке языкового образа» (Телия, Дорошенко, 2010: 10). Внимание ученых сосредоточено в основном на компонентах, связанных с отражением во фразеологии знаний о естественно-природных реалиях и предметах материальной культуры (Левченко, 2005: 156–315; «Вода» в славянской фразеологии..., 2013; Маркова, 2017; Ковшова, 2015, 2021; Prostor in čas., 2016; Tarasova, Kormiltseva, 2016; Daulet et al., 2018; Soldatkina et al., 2019; Renchin, 2020; Alshynbaeva et al., 2021). В этих работах идет речь о передаваемых из поколения в поколение знаниях, которыми обладают так называемые простые люди. Элитарная культура, культура интеллигентской прослойки в лингвистических исследованиях остается в стороне. К исключениям можно отнести фразеологический словарь, где предусмотрено специальное обозначение принадлежности общающихся к элитной лингвокультуре (Алефиренко, Золотых, 2008: 15).

В связи со сказанным особенный интерес вызывают компоненты ФЕ – названия букв, отражающие сложную диалектику взаимоотношений между крестьянской (простонародной) и элитарной культурами, отличия которых могут нивелироваться в определенную эпоху, в определенных сферах (ср. широкое распространение письменности во времена Владимира и Ярослава, безграмотность крестьян в период крепостного права и поголовное приобщение к образованию в последнее столетие). Обращение к данной группе ФЕ стимулируется также исключительной значимостью алфавита в мировоззрении народов, подчеркиваемой в научной литературе, где он рассматривается как модель концепта МИР (Степанов, Проскурин, 1993: 73–99), и своеобразным социальным заказом – активизацией публикаций о сакральном смысле букв в любительской лингвистике (Полиниченко, 2011).

Важность изучения ФЕ с компонентами – названиями букв очевидна и в свете поставленной задачи по уточнению и расширению историко-этимологического описания русских идиом (Мокиенко, 2010: 227). Как известно, русская азбука изменялась в ходе истории. Вышли из обихода некоторые буквы, а в языке – и их имена, сохраняющиеся, однако, в устойчивых выражениях и требующие комментариев для современных носителей русского языка. Поэтому неудивительно, что в поле зрения ученых попали прежде всего ФЕ с архаичным буквенным компонентом (Барандеев, 1993; Будейко, 2009; Кочеткова, 2001; Минакова, 2018). Сразу заметим, что общее количество проанализированных ФЕ не превышает двух десятков, в то время как в словарях насчитывается 112 ФЕ с буквенным компонентом (включая гипероним *буква*). Число увеличивается в 4 раза, если обратиться к ФЕ, в которых нашел отражение графический код.

В статьях об алфавитных ФЕ объясняются имена вышедших из употребления букв и устанавливается мотивация актуального значения ФЕ (Фомина, Яроцкая, 2004).

Вне зоны явного внимания остаются интра- и экстралингвистические факторы бытования ФЕ с буквенным компонентом в русском языке, хотя другие группы идиом анализировались в этом ключе. Можно вспомнить популярный пример модернизации оборота *на всех парусах – на всех парах*, стимулированной техническим прогрессом (см. в словаре и здесь же литературу, из новейших публикаций – Дронов, 2018: 72–81).

Цель исследования – показать определяющую роль культурно-исторического фактора в становлении и дальнейшем развитии ФЕ с буквенным компонентом в русском языке на фоне действия других факторов, приводящих к количественно-качественным изменениям в данной микросистеме.

Методы и материалы

Фактическим материалом исследования послужили тексты Национального корпуса русского языка (НКРЯ); данные 32 словарей; составленная авторами картотека из 450 единиц, включающая записи спонтанной речи, отрывки интернет-изданий и кинотеку, в которой собраны фрагменты 27 диалогов из российских фильмов последних четырех лет.

При обработке исследуемого материала использованы описательный и историко-этимологический методы, приемы контекстологического, семантического и структурного анализа. Для ФЕ, восходящих к конкретным текстам, применялся метод двойной аппликации (Дядечко, 2002: 146).

Результаты

Исследование привело к следующим результатам:

- подтвердилось предположение о том, что фразеологическая модификация, если под ней понимать обновление лексического состава ФЕ, распространяется на более широкий круг несвободных словосочетаний;
- фразеологическая модификация, протекающая под влиянием взаимодействующих между собой собственно языковым (системно-структурным) и внешним (экстралингвистическим) факторов, в анализируемой группе ФЕ характеризуется явным доминированием последнего, позволяющего установить с определенной мерой точности хронологию появления новообразования;
- существенную роль в модификации ФЕ с буквенным компонентом играет субъективный фактор, связанный с лингвокреативной деятельностью носителей русского языка, с художественным творчеством;
- результатом модификации ФЕ с буквенным компонентом является появление как их новых узуальных вариантов, так и новых самостоятельных ФЕ, в том числе теряющих преемственную связь со своим прототипом;
- обнаружилась неожиданно высокая витальность ФЕ с архаичным компонентом, вызванная: 1) сопротивлением русского языкового сознания утрате имени буквы – своего рода микрокосма; 2) речевой инерцией; 3) субъективным фактором, который нередко обретает формы культурно-политических предпочтений.

Обсуждение

Для динамики ФЕ с буквенным компонентом особенное значение имеют традиционность и реформаторство в письменности – одном из бесспорных интеллектуальных достижений человечества, изначально ориентированном на соответствие запросам меняющегося общества. Русская письменность, унаследовавшая кирилло-мефодиевскую традицию, претерпела несколько известных реформ, касавшихся количества букв, их наименований и функций. Нельзя также не учитывать тот факт, что носители русского языка издавна находятся в контакте с представителями иной лингвокультуры, а значит, более или менее знакомы с их письменностью.

В периоды графической стабильности модификация ФЕ с буквенным компонентом подчиняется общим правилам, связанным с воздействием языковой системы и поисками новых средств обозначения носителями языка, как в новом обороте *буквочка в буквочку*, который демонстрирует развитие вариантности у ФЕ *буква в букву*.

Примером действия разных факторов может служить модель *стоять* + *N₅*, которая встречается в двух ФЕ *стоять (ходить, смотреть) фертом* и *стоять (ставить) покоем*. Они содержат основанные на мнемотехническом принципе обозначения имена изначально старославянских, а затем и русских букв, воспринимаемых как архаичные.

Такой принцип стал меняться на фонетический со второй половины XIX века – в период распространения в России звукового метода обучения чтению. Закономерно было бы ожидать, что модификация ФЕ с выходящими из употребления именами букв осуществлялась посредством лексической субституции.

Однако первая ФЕ, употребляемая для описания поведения человека, используется в прежнем виде, причем более или менее активно. Поисковый запрос в НКРЯ выдал 25 контекстов из литературы последнего столетия, включая относительно недавние: *Рядом с ним стоял фертом некто Дройне* [Айтуар Абусейтов, 2005]¹. Отсутствие замены буквенного компонента объясняется тем, что второе – метафорическое – значение слова *ферт*, синонимичное словам *франт*, *щеголь*, возникло, как и значение ФЕ, на основе зрительного восприятия, сближая свободное значение с фразеологически связанным.

Модификация ФЕ *стоять фертом* шла по линии конкретизации образа: *...устроил руки свои фертом и в этом положении как будто посмеивается над всеми громами и молниями* [Салтыков-Щедрин, 1858–1862]; *Подъезжает лодка, в ней стоит Хлынов без сюртука, руки фертом* [А. Островский, 1869]. Дальнейшая конкретизация привела к появлению варианта ФЕ *локти фертом*: *...локти – фертом, носами в носы, выгнув спины, прицеливались друг в друга...* [Андрей Белый, 1930]; *Папа оттопыривает локти «фертом», вставив ладони в карманы короткого пиджака* [В. Скворцов, 2001].

Второй оборот *стоять (ставить и т. п.) покоем* со значением ‘стоять (ставить)’ в виде буквы П’ подвергся ожидаемой замене компонента с рас-

¹ Здесь и далее в квадратных скобках примеры из художественных текстов, данные по НКРЯ.

ширением с помощью гиперонима не позднее 10-х гг. XX в. и сейчас активно используется: *...по обеим сторонам двух длинных столов, расставленных буквой П...* [Ал. Алтаев, 1914]; *...в просторной белой комнате ...стояли буквой «П» массивные добротные столы...* [Сергей Самсонов, 2010]. Эта замена приводит к разрушению устойчивых связей между глагольной и именной частями словосочетания: их совместная встречаемость обусловлена малым количеством глаголов помещения объекта какой-либо геометрической фигурой в определенном месте.

Новый способ обозначения, однако, не вытеснил старый – с помощью ФЕ: *В зале стояли покоем столы с отличными холодными закусками* [Куприн, 1932]; *...десятиэтажный дом, поставленный покоем в сторону проезжей части* [Дьяконов, 1995].

В появившейся в прошлом веке модели «буквой + гипоним», указывающей на расположение предметов или их форму, используются, естественно, современные названия букв русского алфавита: *загнутый буквой «г» гвоздик* [Бару, 2015]; *...три фонаря «летучая мышь», поставленных буквой «Т»* [Артем Анфиногенов, 1982]. Однако и здесь есть исключения, когда в роли переменного компонента выступает старинное имя буквы, причем не зафиксированное в составе ФЕ в других контекстах: *Гости чинно расселись за столами, поставленными буквой «твердо»...* [Пьецух, 2000]. Интересно, что перечень переменных компонентов ограничен. Он включает имена только тех русских и латинских букв, в начертании которых используются перпендикулярные линии, образующие простейшие комбинации: Г, Л (в упрощенном написании), П, Т, X, V.

Модификацией анализируемой развернутой (глагольной) модели следует признать ФЕ *стоять (согнуться) буквой зю*, где последний компонент принадлежит к несуществующей азбуке, отсылающий, однако, к именам двух букв греческого алфавита «мю» и «ню», широко используемых в математике, физике, химии. Данное выражение, как считается, вошло в речевой обиход в 70–80-е гг. XX в., для чего давно сложились благоприятные условия: в это время продолжалась массовая подготовка научно-инженерных кадров и сохранялся глубокий общественный интерес к естественным дисциплинам, о чем свидетельствовали высокие конкурсы на соответствующие специальности. В статье А.В. Зеленина (2005) ФЕ приводится в форме *буква «зю»*, хотя почти во всех примерах автора и в современном употреблении ФЕ имеет трехкомпонентную структуру и относится к глагольным: *Там ваш Лорд <кот> на крыше буквой зю стоит*. Именная ФЕ как самостоятельная единица со значением ‘учитель математики’ появляется позже.

Попутно отметим, не отрицая возможности стимулирующего воздействия киноискусства, излишнюю прямолинейность версии о том, что «своему рождению „буква зю“ обязана... фильмам о Зорро» (Зеленин, 2005: 79). Нельзя не учитывать направление фразообразовательного процесса и мотивацию абсолютного большинства ФЕ с буквенным компонентом, в основе которой лежит зрительный образ. При мысленном воссоздании знака, начерченного киногероем шпагой, исчезает так необходимое при воспроизведении/восприятии ФЕ чувство – переживание неестественности, невозможности (нереальная

буква – нереальная поза). Придать человеческому телу, если присесть и наклониться вперед, форму, напоминающую латинскую букву Z, можно, в отличие от русской З, соотносительность с которой в сознании носителей русского языка косвенно подтверждается началом записи-рисунка «ЗЮ», подаренного Г.А. Зюганову в 2009 г. Выбор именно девятой буквы русского алфавита может быть также аргументирован тем, что она более других похожа на фигуру человека (вспомним детскую песенку о «кривой рожнице» и «огуречике» как его изображении) и что исконно русские корни с сочетанием мягкого согласного «з» и гласного «у» единичны. Среди слов с такими корнями популярна весьма экспрессивная в силу своего звукоподражательного характера лексема *зюзя*, входящая в состав ФЕ *пьян, как зюзя, в зюзю пьяный*.

Примером острого реагирования на изменения в культурно-исторической обстановке является ФЕ *от А до Я*, в основе образного переосмысления которой лежит такой экстралингвистический фактор, как занимаемое в алфавите место.

Ее прототип – интернациональная ФЕ греческого происхождения *от альфы до омеги*, производная от библеизма *альфа и омега*: «Я есмь Альфа и Омега, начало и конец... Первый и Последний» (Апокалипсис, 1, 8–10). В данном отрывке речь идет о Боге-отце, далее в этом новозаветном тексте – в гл. 21, с. 6 и гл. 22, с. 13 – и позднее в церковной литературе альфой и омегой именуется Иисус Христос, см. также в русском азбуковнике XVI в.: «алфа и ѿ, начало и конец... первым азбучным словом прообразует Христа, а последним словом, еже есть ѿ, являет Христа...». Судя по материалам словарей, только в XVIII в. ФЕ закрепляется в своем светском истолковании.

В средние века, после христианизации восточнославянских земель, входит в обиход и производное выражение, представленное в славяно-русском переводе Хроники Георгия Амартола: «(и начать призывать сущимъ) ѿ(т) алфы и послѣдствоующе даже и до ѿта...». Несомненно, речь идет не о букве «оть», не занимающей конечной позиции в славянской азбуке, а о последней букве греческого алфавита. Об этом свидетельствуют и греческое происхождение протографа, и сам контекст (усилительная частица *даже и*), и традиция написания выражения *альфа и омега*: ученые отмечали, что первая буква в нем всегда обозначалась полным именем, а последняя – только курсивной буквой, объясняя это поздним появлением наименования «о-мега», «о большое» (Степанов, Проскурин, 1993: 79).

На русской почве конструкция *от... до...* вначале заполняется старо-/церковнославянскими именами букв. В наиболее ранней фиксации в НКРЯ она предстает уже как сформировавшаяся ФЕ со значением ‘полностью, все без исключения, во всех подробностях’ (в словарях этого периода отсутствует): «*Стоит только обратиться к ним <дворникам>, чтоб узнать в подробности историю житья-бытья всякого жильца, например, какого он поведения, есть ли у него деньги... они расскажут вам все от аза до ижицы*» [Жихарев, 1806–1809].

Исходная ФЕ, однако, не вытесняется всецело, продолжая употребляться в том же значении: *Она... сама старалась поглубже вдуматься во все подробности странновещательства Фомушки... наконец, додумалась от альфы*

до омеги... [Крестовский, 1867], – и сохраняется в современной речевой практике. Ср., казалось бы, неожиданную поправку в диалоге: «*Может, ты невнимательно читал?*» – «*Внимательно. Я читаю внимательно. От „а“ до „ять“*». – «*От „альфы“ до „омеги“*», – сказал он [Анчаров, 1989].

Параллельно и, как свидетельствуют примеры, активно в 50–70-е гг. XIX в. функционирует интернациональная ФЕ *от А до Z*, которая восходит к той же греческой модели и характеризует речь образованных слоев. Сейчас ФЕ, утратив коннотацию элитарности, используется в основном для обозначения заграничных реалий, как в названии справочного онлайн-издания о зарубежных рок-группах.

Почва для возникновения ФЕ с современными именами русских букв была подготовлена М.В. Ломоносовым в его «Российской грамматике», где он приводит русскую азбуку с тридцатью общеупотребительными буквами от А до Ъ, Ю, Я, исключив все дублиеты (Ломоносов, 1755: 41–42). Возможно, авторитет ученого сказался на самом раннем из фразеупотреблений: <Начальник приисков> *показал мне от «а» до «я» все производство промывки...* [М. Бестужев, 1857].

В течение более полутора веков, в том числе и в период смены алфавитного именника, в лексикографической практике и, что симптоматично, в образовательной сфере при неизменном начале завершающая часть русской азбуки варьировалась. Так, традиционно – фитою и ижицей – заканчивался алфавит в самоучителе и в разошедшемся в многочисленных переизданиях букваре. В опубликованном в это же время пособии была опущена ижица, а ее место занимал Й. В советское время буква Я тоже не сразу заняла свою нынешнюю позицию: после нее следовал Й или Ь, Ы, Й, Ъ, как в букваре, где последние буквы давались только в их строчной разновидности, что подчеркивало их невозможность находиться в абсолютном начале русских слов. Это обстоятельство, а также крайняя малочисленность слов на фиту и ижицу стало решающим в закреплении ФЕ в форме *от А до Я*.

Продолжающееся использование ФЕ *от аза до ижицы* объясняется в одних случаях речевой инерцией: *...я чуть не заревел белугой, хоть и знал, что ты врешь от «а» до «ижицы»* [Лавренев, 1925], – в других – политическими причинами, неприятием всего, что связано с большевиками, включая и орфографическую реформу: «*...и очень мучительны, верно, были ему молодые люди, окружавшие жену и находившиеся с ней в разных стадиях любовной близости, от аза до ижицы*» [Набоков, 1935–1937].

Модернизованная ФЕ, популярная в современной речи, может получать и дополнительное значение ‘обо всех/всем, расположив их в алфавитном порядке’: *Болезни от А до Я; Кто есть кто от А до Я; Институт от А до Я* и др. Данное значение реализуется и в окказиональных образованиях: *Названия цветов, от Абрикоса до Янтаря*. Ср. также: *Наша пресса нестрит обценной лексикой от А-А до ЯЯ*.

Субъективными причинами – стремлением к экспрессивизации речи, установкой на языковую игру – объясняется вариант с включением в ФЕ несуществующей буквы, вносящей сему ‘настолько тщательно и/или в таком объеме, что и вообразить невозможно’: *В далеком, наверное, 2015 году...*

строили дом в 11 этажей. Делали все коммуникации. Но в основном электрическую часть от А до Зю; Изделия из стеклопластика. Вывески и буквы: воплотим в жизнь любой символ, от А до Зю.

Новые исторические условия, когда стали необычайно актуальными вопросы самоидентификации народов на постсоветском пространстве, стимулировали обсуждение традиций в разных сферах, в том числе и в письменности. Предметом общественных дебатов в России стала буква Ё, возведенная в ранг символов самобытности русской нации. Она была узаконена в русском алфавите благодаря реформе 1917–1918 гг. (до тех пор отсутствовала в азбуках учебников), однако ее употребление объявлялось необязательным, что свело до минимума ее использование в литературе, исключая ту, которая предназначалась дошкольникам и ученикам младших классов; более того, даже в словах, начинающиеся с Ё, размещались вперемешку со словами на Е. Повышенное внимание к имеющейся только в русском алфавите букве привело к ее использованию в названиях фирм, мероприятий и т. п., а также в трансформе *от А до Ё*. В журнале для детей «Трамвай» такое название имеет рассказ об уроках «Ё программы», начинающийся с примечательного обращения «Здравствуй, дружЁк!»

Привлекательность замены последнего компонента общезыковой ФЕ на Ё для взрослой аудитории кроется еще и в том, что эта буква пишется в начале известных эвфемизмов. Такая субституция имеет ярко выраженную рекламную направленность, сравн. в названиях книг и статей: *От «а» до «ё»: история кроссовера на ту самую букву; Мобильный тренинг: от А до Ё*.

Почти одновременно, впрочем сначала с оговоркой, входит в обиход ФЕ с такой же заменой, в новых условиях призванной восстановить образность, которой лишился базовый оборот в результате реформы 1917–1918 гг., когда из алфавита было исключено «и десятеричное»: *При такой странной необязательности можно и не ехать, но все-таки нужно поставить точки над «і» или, по-русски говоря, над «е»* [Аксенов, 1997]; *Расставить точки над і, или вернее над ё, патриотичнее: зачем нам это нерусское і?* [М. Чулаки, 2002]. В наше время ФЕ *ставить (поставить/расставить) все точки над Ё* используется весьма активно, хотя изображение буквы по-прежнему во многих случаях не соответствует исходному смыслу устойчивого выражения: *Чтоб сразу, как говорится, все точки над «е»... Интим входит в твои служебные обязанности* [Берсенева, 2005]; *Можем пригубить по последней. Расставим все точки над Ё* [Вл. Кузнецов, 2013]; – *Довольно, друзья! – мужчина гордо выпрямился. – Пора расставить все точки над Ё. ...Не на всякую затычку бочка същется*. Заметим, что отсутствие точек над буквами объясняется полиграфическими причинами.

Что касается использования базовой ФЕ в первоначальном виде в после-реформенный период, то оно связано, как и в случае с оборотом *от аза до ижицы*, с речевой инерцией или резко негативным отношением к любым изменениям в это время. И наоборот, форма ФЕ «пострадала», по-видимому, именно потому, что приверженцы большевистских преобразований, ввиду наличия «і» в дореформенной русской азбуке, усматривали в его написании одну из примет эпохи самодержавия (сравн.: оборот *от А до Z* не русифици-

ровался). Новый графический облик идиомы настолько закрепился в обиходе, что сейчас в учебной литературе несоответствие внешней и внутренней формы непременно разъясняется.

Несколько комичным выглядит такое несоответствие в 80-е гг. XX в., когда все в школе изучали один из европейских языков с письменностью на основе латиницы, при перепечатке дореволюционного произведения, где указывался источник идиомы: *Но он терпел полнейшее фиаско, когда дело шло о различных «обличениях», где уже приходилось волей-неволей говорить прямо и ставить точки над «и», как говорят французы* [Шеллер-Михайлов, 1871]. Справедливости ради надо признать, что в те же годы весьма активно использовалось первоначальное написание последнего компонента ФЕ, например: *В пятницу надо звонить Ларисе и ставить точки над *i** [Тарковский, 1982]; *Пришло время поставить точки над *i*. Секретарь парторганизации... для Ивана, да и для всех нас человек не чужой* [Халфина, 1986]. Ср. также обыгрывание ставшей привычной формы ФЕ: *Он совсем не стремится ставить точки над *и* – недаром в русском языке нет *и* с точкой* [Нина Воронель, 1975–2003]; *Лучше сразу поставить все точки над «*Й*», объяснить ей, почему были приняты подобные меры* (форум, 2008).

Модификация затронула и относительно недавно возникшую ФЕ с буквенным компонентом *поколение X*. С одной стороны, эта ФЕ вошла в круг обозначений поколений (вспомним интернациональное крылатое выражение *потерянное поколение*, актуализированное в нашу ковидную эпоху); с другой – стала началом ряда научных понятий в теории поколений: *поколение X*, *поколение Y*, *поколение Z*, *поколение Альфа* – фразеологических номинаций, легко детерминологизировавшихся во многих языках, например: *Алло, поколение «зет», прикурить не найдется?*

В русском языке модель была использована в названии романа В. Пелевина «*Generation „П“*» (1999 г.), где последнее слово является графическим эквивалентом буквы греческого алфавита, более известной в своем строчном варианте, благодаря изучаемому в школе математическому обозначению постоянной. Однако не число «пи» повлияло на такое ее прочтение, а имя английского Р, потому что обычная расшифровка буквы – «Пепси» (Pepsi), приведшая, кстати сказать, к появлению еще одного эпонима – *поколение «пепси»*.

Как видим, возникновение новой ФЕ *поколение «П»* полностью определяется культурным (в узком смысле) фактором.

Заключение

Модификация как закономерный процесс в развитии устойчивых выражений с неоднословной структурой, протекающий под воздействием объективных и субъективных факторов, в исследуемой группе ФЕ с компонентами – названиями букв отличается высокой степенью привязки к тем или иным культурно-историческим событиям в жизни российского общества.

Закономерная системная замена архаичной лексики в анализируемых ФЕ определяется следующими объективными причинами: 1) христианизацией и распространением письменности (*от альфы до омеги – от аза до ижицы*); 2) контактами с европейскими народами (*от аза до ижицы – от А до Z*); 3) внедрением прогрессивной методики обучения грамоте (*от аза до ижицы –*

от А до Я; ставить покоем – ставить буквой П); 4) глобализацией и усилением антиглобализма (от А до Я – от А до Ё). Последняя тесно связана с субъективными факторами – поиском новых экспрессивных средств номинации и установкой на языковую игру (от А до Я – от А до Зю и от А до Ё; поколение X – поколение П – поколение Пепси).

Изучение модификации лексического состава ФЕ с буквенным компонентом, приведшей к появлению новых идиом или их вариантов, не вытеснивших старых, продемонстрировало большую сопротивляемость русского языкового сознания утрате лексем как хранилищ знаний; представило диалектику взаимосвязей элитарной и общенациональной лингвокультур; показало расширение «буквенного пространства» русской фразеологии за счет включения единиц из английского варианта латиницы и ирреальной азбуки; раскрыло механизм перехода от интернациональных оборотов к собственно русским; вскрыло проблемы культуры печатной коммуникации. Сказанное позволяет видеть дальнейшие перспективы исследования в описании трансформационных возможностей отдельных групп ФЕ с целью развития лингвистических представлений о функционировании русского языка в неотрывном единстве с его пользователями и преобразователями.

Список литературы

- Алефиренко Н.Ф., Золотых Л.Г.* Предисловие // Фразеологический словарь : культурно-познавательное пространство русской идиоматики. М. : ЭЛПИС, 2008. С. 3–15.
- Барандеев А.В.* От буквы к термину // Русская речь. 1993. № 6. С. 89–93.
- Будейко В.Э.* Русские алфавитные фразеологизмы : лингвокультурный аспект фразеологии // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. № 2 (24). С. 407–410.
- «Вода» в славянской фразеологии и паремиологии : коллективная монография / под ред. А. Золтана, О. Федосова, С. Янурика. Будапешт : ТИНТА, 2013.
- Дронов П.С.* Очерки по культурным трансферам во фразеологии. М. : Ин-т языкознания РАН, 2018. 102 с.
- Дядечко Л.П.* Крылатые слова как объект лингвистического описания : история и современность. Киев : ИПЦ «Київський університет», 2002. 294 с.
- Зеленин А.В.* «Буква зю» // Русская речь. 2005. № 1. С. 79–83.
- Ковишова М.Л.* Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок. Антропонимический код культуры : монография. М. : ЛЕНАНД, 2021. 400 с.
- Ковишова М.Л.* Семантика головного убора в культуре и языке. Костюмный код культуры. М. : Гнозис, 2015. 368 с.
- Кочеткова Н.А.* Названия старославянских букв как архаичные элементы в составе фразеологизмов русского языка // Интеграция образования. 2001. № 2. С. 64–66.
- Левченко О.П.* Фразеологічна символіка : лінгвокультурологічний аспект : монографія. Львів : ЛРІДУ НАДУ, 2005. 352 с.
- Ломоносов М.В.* Российская грамматика. СПб. : Имп. АН, 1755. 212 с.
- Маркова Е.М.* Кулинарный код культуры во вторичных номинациях русского и чешского языков : лингвистический и методический аспекты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2017. Т. 15. № 2. С. 152–174. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2264-2017-15-2-152-174>
- Минакова М.В.* Славянская азбука и фразеология // Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке. Тула : Тульское производственное полиграфическое объединение, 2018. С. 399–402.

- Мокиенко В.М. Культурно значимые смыслы ФЕ как их историко-этимологическая ретроспекция (на материале «Большого фразеологического словаря русского языка» под редакцией проф. В.Н. Телия) // Живодействующая связь языка и культуры : материалы конференции, посвященной юбилею профессора В.Н. Телия. Тула : ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2010. Т. 1. С. 224–231.
- Полиниченко Д.Ю. Семантическая интерпретация букв и звуков речи в российской любительской лингвистике // Вестник Череповецкого государственного университета. 2011. Т. 2. № 4 (34). С. 80–83.
- Степанов Ю.С., Проскурин С.Г. Константы мировой культуры. Алфавиты и алфавитные тексты в периоды двоеверия. М. : Наука, 1993. 158 с.
- Телия В.Н., Дорошенко А.В. Лингвокультурологическая гипотеза воспроизводимости языковых выражений // Живодействующая связь языка и культуры : материалы конференции, посвященной юбилею профессора В.Н. Телия. Тула : ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2010. Т. 1. С. 5–13.
- Фомина Л.Ф., Яроцкая Г.С. «Азбучные» идиомы : опыт когнитивно-культурологического исследования фразеологических единиц // Мова. 2004. № 9. С. 189–193.
- Alshynbaeva M.A., Mazhitayeva Sh., Kaliyev B., Nygmetova N., Khamzina G.S. Linguocultural anatomical code : concept of sacredness // Rupkatha Journal on Interdisciplinary Studies in Humanities. 2021. Vol. 13. No. 1. Pp. 1–13. <https://dx.doi.org/10.21659/rupkatha.v13n1.31>
- Daulet F.N., Anuar S., Orazakynkyzy F., Kenzhebayeva A.A., Dossymbekova R.O. Cultural codes of ancient cults in Chinese and Kazakh phraseology // XLinguae. 2018. Vol. 11. No. 2. Pp. 583–596. <https://doi.org/10.18355/XL.2018.11.02.47>
- Prostor in čas v frazeologiji / ured. E. Kržišnik, N. Jakop, M.J. Tomazin. Ljubljana : Znanstvena založba Filozofske fakultete, 2016. 539 s.
- Renchin B. Codes of culture in English, Russian and Mongolian languages (on the material of idioms with the “fire”-component) // Язык науки и профессиональная коммуникация. 2020. № 2 (3). С. 38–48. <https://doi.org/10.24411/2658-5138-2020-10003>
- Soldatkina T.A., Yakovleva S.L., Vavilova K.Yu., Rychkov A.V., Bogdanova N.V. Linguistic and culture code ‘Nature’ in the English and Russian phraseology // Proceedings of INTCESS 2019 : 6th International Conference on Education and Social Sciences, 4–6 February 2019. Dubai : OCERINT, 2019. Pp. 373–380.
- Tarasova F.H., Kormiltseva A.L. The gender marked phraseological units coding female intelligence in the Russian and English languages // IEJME – Mathematics Education. 2016. Vol. 11. No. 7. Pp. 2015–2024.

Сведения об авторах:

Дядечко Людмила Петровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской филологии, Учебно-научный институт филологии, Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко, Украина, 01033, Киев, ул. Владимирская, д. 60. Сфера научных интересов: фразеология, эптология («крылатология»), стилистика русского языка, теория речевого воздействия, медиалингвистика, лексикография, методика преподавания русского языка в школе и вузе. Автор более 200 научных работ. Член Фразеологической комиссии Международного комитета славистов (под эгидой ЮНЕСКО). Награждена медалью А.С. Пушкина (МАПРЯЛ) и медалью Н.В. Гоголя (УАПРЯЛ). ORCID: 0000-0002-7638-7163. E-mail: eptonim@ukr.net

Ван Бинцзи, аспирант кафедры русской филологии, Учебно-научный институт филологии, Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко, Украина, 01033, Киев, ул. Владимирская, д. 60. Сфера научных интересов: фразеология, теория перевода, межкультурная и межъязыковая коммуникация, лексикография. Поэт, переводчик. ORCID: 0000-0003-3981-4098. E-mail: wangbj2013@foxmail.com

Cultural and historical conditions of modifications in Russian phraseological units with letter names

Liudmyla P. Diadechko , Bingji Wang

Taras Shevchenko National University of Kyiv, Kyiv, Ukraine

 eptonim@ukr.net

Abstract. The article discusses causes, ways, and results of modifying Russian phraseological units with a letter-name component, which play a significant role in all written linguistic cultures. The relevance of the theme is proven by the sustained attention of linguists to the origin and functioning of phraseological units, the objective to comprehend the underlying processes of interacting between extralinguistic reality, including culture, and language structures, and by the social demand – the rise of interest of native Russian speakers in the national essence and history of the alphabet. The study aims at identifying causes for modification of Russian phraseological units with letter-name components, demonstrating the central role of cultural and historical factor in the modification process, analyzing modification ways and results. The material of the study includes dictionaries and text corpora, along with the authors' own collection of examples from spontaneous speech in Russian films and digital media. Descriptive and historical-etymological methods, contextual, semantic and structural analysis, and the method of double application were used in the research. The paper argues that the main historical and cultural causes of modifications of phraseological units in question include spelling reforms, progressive methods of teaching reading and writing, language contacts of Russian speakers with people using other writing systems, changes in cultural and ideological priorities, influential works of art. The main way of modification – lexical change of the old letter name to the contemporary one – concedes to more creative ways not only in the sphere of occasional creation of phraseological units, as before, but also in common usage. As a result of this modification, former international models of phraseological units develop national features.

Keywords: phraseological units, history of phraseology, common phrase formation, occasional phrase formation, cultural factor, historical factor, spelling reform, the Russian language

Article history: received 20.11.2021; accepted 10.01.2022.

For citation: Diadechko, L.P., & Wang, B. (2022). Cultural and historical conditions of modifications in Russian phraseological units with letter names. *Russian Language Studies*, 20(2), 153–166. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-2-153-166>

References

- Alefirenko, N.F., & Zolotykh, L.G. (2008). Preface. *Phraseological dictionary: Cultural and cognitive space of Russian idioms* (pp. 3–15). Moscow: ELPIS Publ. (In Russ.)
- Alshynbaeva, M.A., Mazhitayeva, Sh., Kaliyev, B., Nygmetova, N., & Khamzina, G.S. (2021). Linguocultural anatomical code: Concept of sacredness. *Rupkatha Journal on Interdisciplinary Studies in Humanities*, 13(1), 1–13. <https://dx.doi.org/10.21659/rupkatha.v13n1.31>
- Barandeev, A.V. (1993). From letter to term. *Russkaya Rech'*, (6), 89–93. (In Russ.)
- Budeiko, V.E. (2009). Russian alphabetic phraseological units: Linguo-cultural aspect of phraseography. *Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*, (2(24)), 407–410. (In Russ.)

- Daulet, F.N., Anuar, S., Orazakynkyzy, F., Kenzhebayeva, A.A., & Dossymbekova, R.O. (2018). Cultural codes of ancient cults in Chinese and Kazakh phraseology. *XLinguae*, 11(2), 583–596. <https://doi.org/10.18355/XL.2018.11.02.47>
- Diadechko, L.P. (2002). *Winged words as an object of linguistic description: History and modernity*. Kiev: IPTs “Kiivs'kii universitet” Publ. (In Russ.)
- Dronov, P.S. (2018). *Essays on cultural transfers in phraseology*. Moscow: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences. (In Russ.)
- Fomina, L.F., & Jarotska, G.S. (2004). The alphabetical idioms: The experience of cognitive-culturological research. *Language*, (9), 189–193. (In Russ.)
- Kochetkova, N.A. (2001). Names of Old Church Slavonic letters as archaic elements in the composition of phraseologisms of the Russian language. *Integration of Education*, (2), 64–66. (In Russ.)
- Kovshova, M. L. (2021). *The analysis of idioms, riddles and proverbs from the perspective of language and culture studies. Anthropomonal culture code*. Moscow: LENAND Publ. (In Russ.)
- Kovshova, M.L. (2015). *Semantics of a headdress in culture and language. Costume code of culture*. Moscow: Gnozis Publ. (In Russ.)
- Kržišnik, E., Jakop, N., & Tomazin, M.J. (Eds.). (2016). *Space and time in phraseology*. Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete. (In Slavic languages.)
- Levchenko, O.P. (2005). *Phraseological symbolism: Linguo-cultural aspect*. Lvov: LRIDU NADU Publ. (In Ukr.)
- Lomonosov, M. (1755). *Russian grammar*. St. Petersburg: Imp. AN Publ. (In Russ.)
- Markova, E.M. (2017). Culinary culture code in the secondary naming of the Russian and Czech languages: Linguistic and methodological aspects. *RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching*, 15(2), 152–174. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2264-2017-15-2-152-174>
- Minakova, M.V. (2018). *Slavic alphabet and phraseology. Multi-paradigm contexts of phraseology in 21st century* (pp. 399–402). Tula: Tul'skoe Proizvodstvennoe Poligraficheskoe Ob"Edinenie Publ. (In Russ.)
- Mokienko, V.M. (2010) Culturally significant meanings of phraseological units as their historical and etymological retrospection (based on the materials of A Large Phraseological Dictionary of the Russian Language). *A Lively Link Between Language and Culture: Proceedings of the Conference in Celebration of Professor Teliya's Anniversary*, (1), 224–231. Tula: TSPU Publ. (In Russ.)
- Polinichenko, D.J. (2011). Semantic interpretation of letters and sounds of speech in Russian amateur linguistics. *Cherepovets State University Bulletin*, 2(4), 80–83. (In Russ.)
- Renchin, B. (2020). Codes of culture in English, Russian and Mongolian languages (on the material of idioms with the “fire”-component). *Language of Science and Professional Communication*, (2), 38–48. <https://doi.org/10.24411/2658-5138-2020-10003>
- Soldatkina, T.A., Yakovleva, S.L., Vavilova, K.Yu., Rychkov, A.V., & Bogdanova, N.V. (2019). Linguistic and culture code ‘Nature’ in the English and Russian phraseology. *Proceedings of INTCESS 2019: 6th International Conference on Education and Social Sciences, 4–6 February 2019* (pp. 373–380). Dubai: OCERINT Publ.
- Stepanov, Y.S., & Proskurin, S.G. (1993). *Constants of world culture: Alphabets and alphabetic texts in the periods of double-belief*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Tarasova, F.H., & Kormiltseva, A.L. (2016). The gender marked phraseological units coding female intelligence in the Russian and English languages. *IEJME – Mathematics Education*, 11(7), 2015–2024.
- Teliya, V.N., & Doroshenko, A.V. (2010). Linguacultural hypothesis of reproducibility of language expressions. *A Lively Link Between Language and Culture: Proceedings of the Conference in Celebration of Professor Teliya's Anniversary*, (1), 5–13. Tula: TSPU Publ. (In Russ.)

Zelenin, A.V. (2005). “Letter zyu”. *Russkaya Rech’*, (1), 79–83. (In Russ.)

Zoltan, A., Fedoszov, O., & Janurik, S. (Eds.). (2013). “*Water*” in *Slavic phraseology and paremiology*. Budapest: TINTA. (In Slavic languages.)

Bio notes:

Liudmyla P. Diadechko, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Philology, Educational and Scientific Institute of Philology, Taras Shevchenko National University of Kyiv, 60 Volodymyrska St, Kyiv, 01033, Ukraine. *Research interests*: phraseology, eptology (theory of winged words), stylistics of the Russian language, theory of speech influence, media linguistics, lexicography, methodology of teaching the Russian language at school and university. The author of more than 200 scientific papers. A member of the Phraseology Commission in the International Committee of Slavists (under the under the auspices of UNESCO). Was awarded the Medal of A.S. Pushkin (MAPRYAL) and the Medal of N.V. Gogol (UAPRYAL). ORCID: 0000-0002-7638-7163. E-mail: eptonim@ukr.net

Bingji Wang, PhD student at the Department of Russian Philology, Educational and Scientific Institute of Philology, Taras Shevchenko National University of Kyiv, 60 Volodymyrska St, Kyiv, 01033, Ukraine. *Research interests*: phraseology, translation theory, intercultural and interlingual communication, lexicography. Poet, translator. ORCID: 0000-0003-3981-4098. E-mail: wangbj2013@foxmail.com

DOI 10.22363/2618-8163-2022-20-2-167-185

Научная статья

Функции афористических единиц в русском языке

Е.Е. Иванов *Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова, Могилев, Беларусь*✉ ivanov_ee@msu.by

Аннотация. В современной русистике все больше внимания уделяется изучению пословиц и крылатых выражений как основных разновидностей языковых афоризмов (афористических единиц). В этой связи актуально определение их собственно лингвистических характеристик, в том числе функциональных. Цель исследования – выявить и описать облигаторные и факультативные функции пословиц и крылатых выражений как афористических единиц, установить уникальные функции языковых афоризмов в речи и тексте. Материалом для исследования послужили наиболее активные русские пословицы и крылатые выражения из числа единиц паремиологического минимума, основного паремиологического фонда, широко употребляемые в письменной литературной речи. Основным стал описательный метод на основе функционального моделирования языковых единиц с использованием приемов контекстуального и стилистического анализа. Установлено, что пословицам и крылатым выражениям как афористическим единицам присущи все основные функции языка, базовые и производные. Облигаторными функциями языковых афоризмов являются коммуникативная, когнитивная, номинативная, кумулятивная; факультативными – эмотивная, метаязыковая, фатическая, волюнтаривная, познавательная, аксиологическая, референциальная, эстетическая и ритуальная; уникальными – универсализирующая и стилеобразующая. Уникальные функции афористических единиц детерминируют друг друга, характеризуются наиболее полной и разнообразной реализацией в произведениях художественной литературы, а также в публицистических и научно-философских текстах.

Ключевые слова: русский язык, афористическая единица, пословица, крылатое выражение, функция, язык, текст

История статьи: поступила в редакцию 15.11.2021; принята к печати 16.01.2022.

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Государственной программы научных исследований 2021–2025 гг., задание № 20211335 (Республика Беларусь).

Для цитирования: *Иванов Е.Е.* Функции афористических единиц в русском языке // Русистика. 2022. Т. 20. № 2. С. 167–185. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-2-167-185>

© Иванов Е.Е., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Введение

Языковой афоризм, согласно ставшему в настоящее время в русистике классическим определению Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, – это «фраза, которая всем известна и поэтому в речи не творится заново, а извлекается из памяти» (Верещагин, Костомаров, 1990: 71). Массовое воспроизведение в речи языковых афоризмов позволяет рассматривать их как «строевые элементы речи, или (это то же самое) элементы языка» (Верещагин, Костомаров, 1990: 72). Вместе с тем языковые афоризмы не являются частью фразеологии, поскольку обладают яркой спецификой прежде всего в семантическом плане. Языковые афоризмы противопоставляются фразеологизмам на том простом и очевидном основании, что «фразеологизмы выступают как знаки понятий, и поэтому они содержательно эквивалентны словам; афоризмы – это знаки ситуаций или отношений между вещами, и семантически они эквивалентны предложениям» (Верещагин, Костомаров, 1990: 74).

Наиболее типичные представители языковых афоризмов – это пословицы и крылатые выражения (Верещагин, Костомаров, 1990: 71), которые в современной лингвистике квалифицируются как классы «афористических единиц» (Иванов, 2016: 93–114) и изучаются наряду с беспрецедентными афоризмами в рамках афористики как отдельной языковедческой дисциплины (Королькова, 2005; Иванов, 2016; Лингвистика афоризма, 2018). Параллельно пословицы и крылатые выражения русского языка (и других языков) продолжают традиционно описываться в качестве самостоятельных множеств устойчивых единиц в рамках еще двух современных дисциплин – лингвистической паремиологии (Паремиология в дискурсе, 2015; Паремиология без границ, 2020; Паремиология на перекрестках языков., 2021; Бредис и др., 2019, 2020; Kotova, 2019; Mokienko, 2019; Sergienko, 2019; Lomakina, 2021) и крылатологии, или «эптологии» (Шулежкова, 2002; Дядечко, 2006; Terljakova, 2007, 2020; Шулежкова, Макарова, 2016; Ломакина, Мокиенко, 2019), соответственно.

В настоящее время в русистике принято дифференцировать только три функции языковых афоризмов – номинативную, кумулятивную и директивную, которые впервые были выделены и описаны в рамках лингвострановедческой теории афоризма (Верещагин, Костомаров, 1990: 75–78). Вместе с тем при раздельном рассмотрении пословиц и крылатых выражений исследователями выделяется значительно большее и количество, и разнообразие их функций.

Так, Г.Л. Пермяков в широко известной монографии «От пословицы к сказке (заметки по общей теории клише)» определил семь функций пословиц как вида клишированных текстов в устной живой разговорной речи: «моделирующая, поучительная, прогностическая, магическая, негативно-коммуникативная, развлекательная, орнаментальная» (Пермяков, 1970: 88–89). В свою очередь, Л.Б. Савенкова выделяет еще семь функций пословиц – кумулятивную, квалифицирующую, номинативную (Савенкова, 2002: 29–30, 75, 85–88), а также характеризующую, оценивающую, рекомендующую (совета) и назидательную (Савенкова, 2002: 58, 172).

Не менее разнопланово качественно и количественно дифференцируются различными исследователями функции крылатых выражений. Напри-

мер, Н.С. и М.Г. Ашукины выделяют две их функции – образную и номинативную¹, а В.П. Берков четыре – обобщающую, номинативную, образную, эстетическую². При этом последние (кроме номинативной) в дальнейшем квалифицируются им уже как «виды информации, передаваемые крылатыми словами»³, а в качестве собственно «функций» определяются только три – «аргументативная, полемическая, юмористическая»⁴. С.Г. Шулежкова добавляет к четырем функциям крылатых слов, которые были ранее выделены В.П. Берковым, еще восемь – идеологическую, призывную, аргументативную, характеризующую, контактоустанавливающую, юмористическую, заголовочную, композиционную» (Шулежкова, 2002: 245–254). Сверх названных двенадцати функций крылатых слов В.М. Мокиенко и К.П. Сидоренко выделяют дополнительно три новых – интертекстуальную, текстообразующую, эмоциональную⁵.

Как видим, в современной русистике не существует единого взгляда на функции языковых афоризмов, в частности пословиц и крылатых выражений. Большинство из выделяемых функций языковых афоризмов имеют ярко выраженный частный характер, часто определяются *ad hoc*. Многие функции вообще не являются собственно лингвистическими (не могут быть релевантно описаны в терминах лингвистики), репрезентируют языковые афоризмы как предмет риторики, поэтики, фольклористики. При этом многие исследователи отмечают функциональный изоморфизм языковых афоризмов, фразеологизмов и слов (Пермяков, 1975: 250; Верещагин, Костомаров, 1990: 73; Теплякова, 2012: 151), хотя реальное отношение функций лексических и фразеологических единиц к функциям языковых афоризмов специально не изучалось.

В этой связи актуально выявление и описание функций пословиц и крылатых выражений как афористических единиц, во-первых, в проекции на основные (базовые и частные) функции языка/речи, которые реализуются при употреблении единиц лексического и синтаксического уровней языковой системы (Слюсарева, 1998), а во-вторых, в плане своей тождественности/уникальности функциям иных разновидностей устойчивых единиц (прежде всего, фразеологизмов).

Цель исследования – выявить основные (базовые и частные) функции языка и речи, которые выполняют афористические единицы (пословицы и крылатые выражения), дифференцировать функции в плане обязательности/необязательности проявления, общности/специфичности по отношению к функциям других устойчивых единиц, установить уникальные функциональные свойства языковых афоризмов.

¹ Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова : литературные цитаты. Образные выражения. 4-е изд. М. : Художественная литература, 1987. С. 4–5.

² Берков В.П. Русско-норвежский словарь крылатых слов. М. : Русский язык, 1980. С. 12–13.

³ Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г. Большой словарь крылатых слов русского языка. М. : Русские словари : Астрель : АСТ, 2000. С. 11–12.

⁴ Там же. С. 9–10.

⁵ Мокиенко В.М., Сидоренко К.П. Словарь крылатых выражений Пушкина. СПб. : Изд-во СПбГУ : Фолио-Пресс, 1999. С. 21–30.

Методы и материалы

Основным методом исследования послужил описательный метод на основе функционального моделирования языковых единиц с использованием приемов контекстуального и стилистического анализа. В качестве материала для исследования были избраны активные русские пословицы и крылатые выражения (всего 1500 единиц), широко употребительные в письменной литературной речи⁶, входящие в паремиологический минимум и основной паремиологический фонд (Пермяков, 1988: 143–169; Ivanov, 2002: 21–40, 85–138; Котова, 2003: 125–143, 193–228; Иванов, 2007; Котова, Сергиенко, 2021), в которых, как известно, с наибольшей полнотой и репрезентативностью представлены основные свойства (в том числе и функциональные характеристики) афористических единиц русского языка.

Основным источником цитат из публицистических и художественных текстов, с помощью которых иллюстрируется реализация отдельных функций афористических единиц, послужил Национальный корпус русского языка (основной корпус⁷, газетный корпус⁸, поэтический корпус⁹). Всего с помощью поисковых запросов (в форме фраз) получено свыше 43 000 употреблений ранее отобранных 1500 активных русских пословиц и крылатых выражений. Обращение к национальному корпусу русского языка показало в среднем более 28 употреблений на каждый из активных в речи языковых афоризмов, что дает основания рассматривать результаты выборки достаточно репрезентативными для анализа функциональных свойств афористических единиц.

Результаты

Установлено, что языковым афоризмам (как пословицам, так и крылатым выражениям) свойственны все основные функции языка и речи, что свидетельствует не об изоморфизме, а о принципиальном тождестве функциональных характеристик слов, фразеологизмов и языковых афоризмов, что еще раз подтверждает положение о собственно языковой природе единиц национальных пословичных и эптонимических фондов.

Четыре функции являются облигаторными для афористических единиц (коммуникативная, познавательная, номинативная, кумулятивная). Еще девять функций имеют для языковых афоризмов факультативный характер, поскольку ограничены определенными условиями своей реализации и/или присущи определенным группам единиц (эмотивная, метаязыковая, фатическая, волонтерная, познавательная, аксиологическая, референциальная, эстетическая, ритуальная).

⁶ См.: Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. 4-е изд. М. : Русский язык, 1991. 534 с.; Мокиенко В.М., Зыкова Е.И. Давайте говорить правильно! Крылатые слова в современном русском языке. М. : Academia, 2006. 354 с.

⁷ Национальный корпус русского языка (новая версия). Основной корпус. URL : <https://ruscorp.org/new/search-main.html> (дата обращения : 30.11.2021).

⁸ Национальный корпус русского языка (новая версия). Газетный корпус. URL : <https://ruscorp.org/new/search-paper.html> (дата обращения : 30.11.2021).

⁹ Национальный корпус русского языка (новая версия). Поэтический корпус. URL : <https://ruscorp.org/new/search-poetic.html> (дата обращения : 30.11.2021).

К уникальным функциям афористических единиц можно отнести две – универсализирующую и стилеобразующую. Уникальные функции языковых афоризмов детерминируют друг друга, характеризуются наиболее полной и разнообразной реализацией в произведениях художественной литературы, публицистических и научно-философских текстах.

Обсуждение

Анализ употребления активных пословиц и крылатых выражений русского языка показал, что языковые афоризмы выполняют все основные (базовые) функции языка – коммуникативную, когнитивную, эмоциональную (эмотивную), метаязыковую, а также частные функции (производные от базовых) – фатическую (контактоустанавливающую), конативную (усвоения), волюнтаривную (регулятивную), познавательную, кумулятивную (хранения и передачи информации), аксиологическую (оценки), номинативную, референциальную, поэтическую (эстетическую), ритуальную (магическую) и др. (Слюсарева, 1998). В этом отношении языковые афоризмы функционально не отличаются от других строевых единиц языка (слов и фразеологизмов), и так же, как и они дифференцируются по степени ограниченности и условиям реализации каждой из присущих им функций.

Базовые (основные) и производные от них (частные) функции языка по отношению к афористическим единицам реализуются как облигаторные и факультативные.

Облигаторные функции языковых афоризмов

Облигаторный характер для пословиц и крылатых выражений имеют четыре функции, которые выполняются всеми языковыми афоризмами без внешнего ограничения при использовании их в процессе речемыслительной деятельности.

Коммуникативная функция присуща всем пословицам и крылатым выражениям как единицам, которые существуют и реализуются только в условиях речевой коммуникации и используются для построения и передачи вербальных сообщений. В этом смысле языковые афоризмы отличаются, с одной стороны, от неафористических устойчивых фраз, а с другой стороны, от лексических или фразеологических единиц только своеобразием своей роли и места в речи, что проявляется в частных разновидностях коммуникативной функции, а также в специфике реализации пословиц и крылатых выражений в структуре коммуникации. Например, конативная функция, будучи частной разновидностью коммуникативной (как функция воздействия речи на адресата), реализуется при употреблении языковых афоризмов преимущественно как аргументативная, например: *«Ну, миленький, не очень уж ты на правду-то надейся! Кабы не случай тут один, так плакался бы ты со своей правдой на всю жизнь. А ты вот как говори: не родись умен, а родись счастлив... вот это, миленький, вернее»* (А.Н. Островский, «Правда хорошо, а счастье – лучше») ¹⁰ и т. п.

¹⁰ Национальный корпус русского языка (новая версия). Основной корпус. URL : <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html> (дата обращения : 17.11.2021).

Когнитивная функция проявляется в том, что пословицы и крылатые выражения (как и слова, и фразеологизмы) полноценно участвуют своим планом содержания в мыслительных процессах как компоненте речемыслительной деятельности. Языковые афоризмы не только служат вербальным средством формулирования и выражения мысли (как и слова, и фразеологизмы), но также играют особую роль в когнитивной деятельности, поскольку являются средством и способом «универсального обобщения действительности» (Лингвистика афоризма, 2018: 151). Так, представление о том, что жизнь закончится смертью, формируется на эмпирической основе (в результате наблюдений за жизнью и смертью других живых существ) и реализуется в языковом сознании в форме универсальной закономерности ‘смерть как конец физического существования постигнет каждого человека’, выраженной целым рядом пословиц, внутренняя форма (и общее значение) которых может весьма существенно различаться, но которые объединены в сознании носителей языка в одну группу единиц в соответствии с общей для них целью служить когнитивным и вербальным средством выражения данной универсальной закономерности, например: *Без смерти не умрешь; Всяк умрет, как смерть придет; За смерть поруки нет; Прежде (Раньше) смерти не умрешь; Пришла смерть по бабу, не указывай на деда; Смерть в глаза не смотрит; Смерть искать не надо – сама тебя найдет; Смерть не за горами, а за плечами; Смерть придет – везде найдет; Смерть причину найдет; Смерть чинов не разбирает* и др.

Номинативная функция проявляется в том, что пословицы и крылатые выражения, как и другие строевые единицы языка (слова и фразеологизмы), прямо и непосредственно соотносятся с невербальной действительностью (окружающей или ментальной), поэтому являются средствами номинации соответствующих фрагментов реального или вымышленного мира.

Следует отметить, что номинативность, которая свойственна прежде всего лексическим и фразеологическим единицам, является специфической по своему проявлению и играет иную роль в языковых афоризмах. Означаемым языкового афоризма, согласно широко известному определению, «следует считать типовую ситуацию, то есть совокупность обстоятельств, признаков, оценок, положений, но на известном уровне абстракции – в отвлечении от мелких и несущественных характеристик» (Верещагин, Костомаров, 1990: 75).

Однако номинативная функция не является очевидной для единиц, которые имеют синтаксическую структуру предложения, поэтому требует специальной аргументации.

Благодаря наличию у пословиц и крылатых выражений номинативной функции они (в их реализации как языковых знаков, так и фразовых текстов) наряду с лексическими и фразеологическими единицами используются в сознании носителей языка для категоризации окружающей действительности (гесп. дифференциации общего представления о мире на эпистемологически значимые фрагменты). «Классифицирующая, номинативная функция языка на афористическом уровне проявляется в вычленении, обособлении и назывании типовых ситуаций» (Верещагин, Костомаров, 1990: 75). Есть и другое

мнение, согласно которому, языковые афоризмы отражают такие специфические фрагменты действительности, как «закономерности связей между не единичными реалиями и/или их свойствами (то есть закономерности действительности)» (Иванов, 2016: 115). В этом смысле языковые афоризмы представляют собой уникальное вербальное средство для обозначения особого рода фрагментов виртуальной и/или ментальной реальности, которые не могут быть прямо и непосредственно обозначены в речи никакими иными языковыми единицами. Совокупность представлений об универсальных закономерностях образует в массовом сознании «афористическую картину мира» как часть языковой картины мира данного народа. Афористическая картина мира отражается только в языковых афоризмах как единицах отдельной подсистемы языка – «афористики», которая вместе с лексикой и фразеологией образует группу «номинативных единиц языка», классифицирующая функция которых «неразрывно связана с их номинативной функцией» (Верещагин, Костомаров, 1990: 81).

Формальным показателем реализации номинативной функции языковых афоризмов является возможность использования их в речи в сочетании со словами *это называется* (Савенкова, 2002: 85), а также *это можно назвать, это будем называть* как вербальным маркером номинации соответствующей универсальной закономерности, например: «*Посмотрела на виновато молчащего Забелина: – Попробую все-таки. И, едва кивнув, отправилась дальше, к залу ожидания. – Это называется – «богатые тоже плачут!» – не удержался Максим*» (С.А. Данилюк, «Рублевая зона») ¹¹; «*Еще одна знакомая поймала себя на том, что, возвращаясь домой после супружеской, прости господи, измены, принимается как подорванная намыывать полы. Левак укрепляет брак – так, кажется, это называется?*» («Эксперт: Вещь», 22 декабря 2003 г.) ¹²; «*В мирной жизни есть место подвигу, так это называется. Вряд ли сам Сторожев на такой подвиг способен, по крайней мере, нарочно не полез бы, но со стороны – понимает*» (А.И. Слаповский, «Большая книга перемен») ¹³ и т. п.

Следует отметить, что номинативная функция регулярно маркируется при употреблении не только узуальных (языковых), но также и окказиональных (индивидуально-речевых) афоризмов, что еще раз убедительно подтверждает номинативный характер афористической семантики, в том числе и при образной мотивировке значения. «Обобщающее содержание пословиц (как и любых афоризмов, образный смысл которых порождается благодаря какому-либо частному случаю) имеет не функциональную, а субстанциональную природу» (Иванов, 2016: 117), например: «*Дневное» снова погнали на отстрел бродячих животных. И как всегда, старший – Данилов. Бр-р-р... Это называется: любишь расстреливать – люби и могилки копать. Именно так – самому копать. А то слишком много романтики вокруг работы палача.*

¹¹ Национальный корпус русского языка (новая версия). Основной корпус. URL : <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html> (дата обращения : 17.11.2021).

¹² Там же.

¹³ Там же.

Но бродячие собаки, конечно, перебор» (О.И. Дивов, «Выбраковка»)¹⁴ (где окказиональный афоризм образован от пословицы *Любишь кататься – люби и саночки возить*); *«Вот знаменитое начало Нагорной проповеди: „Не нарушать законы я пришел, а исполнить“; а вот конец: „Вы слышали, сказано древними: ‘ненавидь врага’, а я говорю, любите врагов, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящих и гонящих вас“.* Здорово? А все вместе это называется „скорее погибнет земля и небо, чем потеряется хоть одна йота из закона“. Ну, какая же тут йота? Тут уже все полетело» (Ю.О. Домбровский, «Факультет ненужных вещей»)¹⁵ и т.п.

Кумулятивная функция присуща пословицам и крылатым выражениям в той же степени, что и словам и фразеологизмам как строевым единицам языка, которые используются не только для передачи информации, но и в качестве средства ее хранения. На кумулятивную функцию пословиц впервые обратили внимание русские паремиологи и фольклористы еще в XIX в. – И.М. Снегирев, В.И. Даль, Ф.И. Буслаев (Савенкова, 2002: 29–30). Языковые афоризмы – это уникальное средство хранения полученных на основе коллективного опыта (и проверенных им) знаний об универсальных закономерностях действительности как необходимой части сознания человека, совокупность которых является органичным компонентом национально-языковой картины мира – «афористической картиной мира». Основой национальной афористической картины мира является «пословичная картина мира» (Иванова, 2002; Даниленко, 2017).

Кумулятивная функция языка может проявляться в пословицах и крылатых выражениях еще и в том, что отдельные компоненты их лексического и фразеологического состава также могут (как самостоятельно, так и в составе общего плана содержания языковых афоризмов) выступать в качестве средства хранения знаний об окружающей действительности и вербального выражения определенных, в том числе национально-культурно специфических фрагментов языковой картины мира. Кроме того, содержательно пословицы и крылатые выражения и как целостные знаки, и как фразовые тексты могут быть связаны (посредством своих отдельных лексических компонентов) ассоциативными отношениями с другими языковыми единицами и с представлениями, не выраженными в языке, на основании чего в структуре плана содержания языковых афоризмов образуется «фоновая семантика», или «афористический фон» (Верещагин, Костомаров, 1990: 74), который вместе с лексическим и фразеологическим фоном образует национально-культурную семантику языка и является частью национальной картины мира. Фоновая (национально-культурная) семантика языковых афоризмов – специфический объект лингвокультурологического изучения языка, поскольку представляет собой совокупность не только эмпирических (проверенных жизненным опытом), но и теоретических (абстрактных) представлений носителей данного языка об универсальных закономерностях действительности.

¹⁴ Национальный корпус русского языка (новая версия). Основной корпус. URL : <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html> (дата обращения : 17.11.2021).

¹⁵ Там же.

Следует отметить, что когнитивная и кумулятивная функции языковых афоризмов часто объединяются исследователями в рамках общей функции – познавательной, что характерно для научно-философского и литературно-философского аспектов эмпирического понимания афоризма (Иванов, 2016: 47–54). В собственно же лингвистическом смысле познавательная функция по отношению к языковым афоризмам является факультативной.

Факультативные функции языковых афоризмов

Все иные базовые и частные функции языка (кроме коммуникативной, когнитивной, номинативной и кумулятивной) являются необязательными по отношению к пословицам и крылатым выражениям как афористическим единицам (то есть присущи определенным группам языковых афоризмов или ограничены определенными условиями своей реализации).

Эмотивная (эмоциональная) функция присуща языковым афоризмам в зависимости от соответствующей интенции адресанта речи, эмоциональной тональности контекста или целого сообщения (текста), например: «*У тебя теперь деньги будут, я знаю, но все-таки позволь мне пожертвовать хотя малость на общее дело! Ничем другим не могу, так хоть карманом! Смотри: я кладу на стол десятирублевую бумажку! Принимается? Нежданов ничего не отвечал и не пошевелился. – Молчание – знак согласия! – весело воскрикнул Паклин (И.С. Тургенев, «Новь»)»¹⁶; «*Да и кто из женщин любого возраста пропустит занятия и беседы, одно название которых звучит музыкой: „Несколько минут для красоты“, „Лет до ста расти нам без старости“, „Физкультура лечит“»* («Известия», 26 марта 1984 г.)¹⁷ и т. п.*

Метаязыковая функция реализуется в тех случаях, когда с помощью пословицы или крылатого выражения объясняется или комментируется содержание ранее высказанной мысли, например: «*Сирые и убогие – это все мы, а благосклонные профессионалы – это взяточники на госслужбе. В одной из телевизионных передач как-то выступал Никита Михалков, человек с огромным жизненным опытом и связями. Он сказал так: „Просто так ничего не делается...“ Иначе говоря, не подмажешь – не поедешь»* («Совершенно секретно», 1 сентября 2003 г.)¹⁸; «*Это совершенно справедливо. Добавлю лишь, что необходимо иметь стратегию борьбы, необходимо, говоря известными словами, чтобы каждый знал свой маневр»* («Литературная газета», 19 июня 1987 г.)¹⁹ (где перефразировано крылатое выражение А.В. Суворова «*Каждый воин должен понимать свой маневр*») и т. п.

¹⁶ Национальный корпус русского языка (новая версия). Основной корпус. URL : <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html> (дата обращения : 17.11.2021).

¹⁷ Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка. 2-е изд. Магнитогорск : МаГУ ; Greifswald : E.M.A.-Universität, 2008. Т. 1. С. 567.

¹⁸ Национальный корпус русского языка (новая версия). Основной корпус. URL : <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html> (дата обращения : 17.11.2021).

¹⁹ Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка. 2-е изд. Магнитогорск : МаГУ ; Greifswald : E.M.A.-Universität, 2008. Т. 1. С. 470.

Фатическая (контактоустанавливающая) функция присуща языковым афоризмам с семантикой «трюизма» (Иванов, 2016: 123), которые в своем прямом значении не содержат никакой полезной информации, используются для поддержания или установления межличностного контакта. Следует отметить, что в качестве реплик «к слову» в фатической функции могут употребляться также языковые афоризмы любых семантических типов, например: *Ничего сделать за день не успеваю | просто рук на все не хватает || – Да-а-а | у человека две руки | всего не переделаешь... ||* (Запись устной речи, 2016 г.); *«Так как учитель уже развернул журнал и разговор грозил иссякнуть, толстый (хохол) Нечипоренко решил „подбросить дров на огонь“: – Я бы на вашем месте, Алексан Ваныч, объяснил этому глупому Полосухину, что он сам не понимает, что говорит. Директор банка – это личность уважаемая, а борец в цирке... – Нечипоренко, – сказал учитель, погрозив ему карандашом. – Это к делу не относится. Сиди и молчи. – Сидевший на задней скамейке Карташевич, парень с очень тугой головой, решил, что и ему нужно посторонним разговором оттянуть несколько минут... Натужился и среди тишины молвил свои слова: – Молчание – знак согласия. – Что? – изумился учитель. – Я говорю: молчание – знак согласия. – Ну так что же? – Да ничего. – Ты это к чему сказал? – Вы, Алексан Ваныч, сказали Нечипоренко „молчи“. Я и говорю: „молчание – знак согласия“. – Очень кстати»* (А.Т. Аверченко, «Индийская хитрость») ²⁰ и т. п.

Волюнтаривная (регулятивная) функция свойственна, прежде всего, пословицам и крылатым выражениям дидактического содержания, но вместе с тем является специализированной для языковых афоризмов с «директивной семантикой» (Иванов, 2016: 120–122), грамматическая организация которых включает императивные формы и конструкции, например: *«Я про Дусю твою распрекрасную говорю. – А что Дуся? – с вызовом ответил Сутырин. – А то, – сказал Николай, – я тебе по дружбе говорю, Серега: брось! Не пара она тебе, и ни к чему все это... По себе дерево руби»* (А.Н. Рыбаков, «Екатерина Воронина») ²¹; *«Сам себя не похвалишь – глядишь, и никто не похвалит. Давайте говорить друг другу комплименты? А давайте! Продюсер, режиссер, артисты принимали поздравления и делились впечатлениями от проделанной работы»* («Новая газета», 11 ноября 2016 г.) ²² и т. п.

Познавательная функция присуща всем пословицам и крылатым выражениям, кроме тех, которые являются по своей семантике «трюизмами» (Иванов, 2016: 123), однако реализуется в речи только в тех случаях, когда языковые афоризмы используются непосредственно в качестве поучения, совета, средства трансляции знаний, коллективного опыта (что, как правило, маркируется в контексте соответствующими речевыми формулами – *давно известно, народ говорит, народная мудрость учит, пословицы советуют,*

²⁰ Национальный корпус русского языка (новая версия). Основной корпус. URL : <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html> (дата обращения : 17.11.2021).

²¹ Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. 4-е изд. М. : Русский язык, 1991. С. 275.

²² Национальный корпус русского языка (новая версия). Газетный корпус. URL : <https://ruscorpora.ru/new/search-paper.html> (дата обращения : 23.11.2021).

как сказал имярек и т. д.), например: «Давно известно, что красота требует жертв. И пользователи Windows Vista вынуждены будут принести такую жертву в виде дополнительных ресурсов своего компьютера» («Наука и жизнь», 2007 г.)²³; «„Да, жалок тот, в ком совесть нечиста“ – это крылатое выражение Пушкина известно, наверное, всем и каждому. Гению можно во всем довериться, но зададимся все же вопросом: почему человек с нечистой совестью достоин жалости, а не презрения? Да потому, что такова природа совести: она сама судит и сама карает пострашнее людского суда» («Правда», 24 ноября 1983 г.)²⁴ и т. п.

Аксиологическая (оценки) функция реализуется, во-первых, в рамках самих языковых афоризмов как фразовых текстов, в которых используется оценочная лексика (например: *Все к лучшему в этом лучшем из миров; Плох тот солдат, который не надеется быть генералом; Правда хорошо, а счастье лучше; Там хорошо, где нас нет; Худой мир лучше доброй ссоры* и т. п.), а во-вторых, посредством выражения социальных, нравственных, культурных ценностей в тех языковых афоризмах, которые своим содержанием отражают аксиологические доминанты картины мира данного народа, например: «*Обижать вас я не хотел, но и знакомства продолжать не намерен. – Молодой человек, – сказал с внезапной наглостью Коцебу, переходя на русский язык – в вашем хорошем русском языке есть поговорка: „Насильно мил не будешь“, и еще: „Прежде отца в петлю не суйся“. Вам со мною знакомство иметь придется, даже если вы этого не захотите*» (А.К. Виноградов, «Повесть о братьях Тургеневых») ²⁵ и т. п. Вместе с тем принято считать, что пословицы являются одним из наиболее продуктивных вербальных средств «концептуализации общечеловеческих ценностей» (Ломакина, 2021).

Следует отметить, что функции оценки лишены многие пословицы и крылатые слова, которые являются аксиологически нейтральными единицами, например: *Аппетит приходит во время еды; Долгие проводы – лишние слезы; Мертвым телом хоть забор подпирай; Смерть причину найдет* и т. п. В связи с этим, на наш взгляд, ошибочно полагать, что каждый языковой афоризм (в первую очередь из числа пословиц) непременно должен отражать ту или иную национальную или общечеловеческую ценность в языковой картине мира. Скорее пословицам приписывается такое отражение в силу традиционно аксиоцентрического характера предметно-тематической рубрикации целого ряда широко известных сборников русских паремий, например В.И. Даля и др. (именно поэтому одна и та же пословица может описываться как средство выражения различных, а нередко и прямо противоположных ценностей).

Референциальная функция свойственна языковым афоризмам, которые всегда используются в речи по отношению к конкретным лицам, предметам,

²³ Национальный корпус русского языка (новая версия). Основной корпус. URL : <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html> (дата обращения : 17.11.2021).

²⁴ Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка. 2-е изд. Магнитогорск : МаГУ ; Greifswald : E.M.A.-Universität, 2008. Т. 1. С. 286.

²⁵ Национальный корпус русского языка (новая версия). Основной корпус. URL : <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html> (дата обращения : 17.11.2021).

качествам, явлениям, действиям. Такие единицы (референтные) образуют отдельный семантический класс афористических единиц. Так, пословица «*С паршивой овцы хоть шерсти клок*» имеет обобщенно-универсальное общее значение ‘если нельзя от кого-либо получить многое, то рады взять хоть что-либо незначительное’, однако не используется в речи как нереперентное, всегда соотносится говорящим с тем лицом или объектом, который является (именуется, подразумевается) *паршивой овцой*, и/или с тем объектом, который определяется как *шерсти клок*.

Также референциальная функция всегда реализуется при употреблении языковых афоризмов в фактологическом смысле, который является частным проявлением их обобщенно-универсального содержания, например: «*Напрасно мы его давеча подзадоривали на хозяина. Эти головы меры не знают: либо он молчит, хоть ты его бей, либо того натворит, что с ним заплачешься. Пословица-то эта про них говорится: заставь дурака богу молиться, так он себе лоб расшибет*» (А.Н. Островский, «Не все коту масленица») ²⁶ и т. п. Следует отметить, что употребление языковых афоризмов в одном из референциальных (фактологических) значений может сопровождаться или быть детерминировано их преобразованием в речи, например: «*Фу, ворона с места, а сокол на место, – проговорила она. – Вы, однако, себя-то соколом считаете, а mademoiselle Юлию вороной! – заметил ей Вихров – Тьфу, что я! – отплюнулась она. – Сокол с места, а ворона на место*» (А.Ф. Писемский, «Люди сороковых годов») ²⁷ (где используется инверсия ключевых лексических компонентов в пословице «*Сокол с места, а ворона на место*») и т. п.

Поэтическая (эстетическая) функция реализуется, во-первых, в тех афористических единицах, которые представляют собой «результат не только мыслительной, но и художественной деятельности» (Иванов, 2016: 56), а во-вторых, при употреблении языковых афоризмов с целью украшения речи, придания ей большей выразительности, в-третьих, при использовании языкового афоризма в речи ради самого его употребления (воспроизведения не как устойчивой единицы языка, а как фразового текста – фольклорного, если это пословица, или литературного, если это крылатое выражение), и в-четвертых, при применении языкового афоризма в речи для определенной художественной цели (в языке художественной литературы). Эти проявления поэтической функции при использовании языковых афоризмов в речи могут сочетаться (в различных комбинациях), например: «*Есть старинная русская пословица: „Каждый по своему с ума сходит“.* Я с юности слышу чудаком, оттого что имею эту слабость» (Г.М. Марков, «Соль земли») ²⁸ (где пословица употребляется для украшения речи как фольклорный текст с целью характеристики литературного героя) и т. п.

При использовании языковых афоризмов в поэтической (эстетической) функции они часто перефразируются, в том числе в эстетических целях (для

²⁶ Национальный корпус русского языка (новая версия). Основной корпус. URL : <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html> (дата обращения : 17.11.2021).

²⁷ Там же.

²⁸ Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. 4-е изд. М. : Русский язык, 1991. С. 79.

«совершенствования» словесной формы, повышения ее выразительности, а также для языковой игры и др.). Все «антипословицы» и «антицитаты» как пародийные или шуточные перефразирования языковых афоризмов (Вальтер, Мокиенко, 2005; Иванов, 2016: 36–45) являются, прежде всего, результатом реализации поэтической (эстетической) функции языка.

Ритуальная (магическая) функция присуща языковым афоризмам, как правило, из числа народных суеверных примет (*Муравьи в доме – к счастью; Не свисти в доме – все деньги просвиштишь; Нельзя выносить мусор после заката солнца; Постучи по дереву три раза, чтобы не сглазить* и т. п.), хотя спорадически ее могут выполнять (благодаря интенции адресанта речи) также и такие пословицы, у которых внутренняя форма отражает мифологическую картину мира, например: *«Сказал бы словечко, да волк недалечко, – сказал, нахмурясь, Гаврила Афанасьевич, – а признаюсь – ассамблеи и мне не по нраву: того и гляди, что на пьяного натолкнешься, аль и самого на смех пьяным напоят»* (А.С. Пушкин, *Арап Петра Великого*)²⁹ (где в пословице отражено древнее народное поверье о том, что нельзя в речи употреблять прямые номинации *волка, медведя*, иначе позовешь их, накличешь их появление себе на беду) и т. п.

Облигаторные и факультативные функции афористических единиц способны широко и разнообразно комбинироваться, благодаря чему языковые афоризмы практически не ограничены в своем использовании в качестве средства мышления и речи. Вместе с тем реализация облигаторных и факультативных функций в их различных комбинациях имеет неодинаковую продуктивность по отношению к пословицам и крылатым выражениям разных семантических типов.

Уникальные функции языковых афоризмов

Исследование показало, что функции языковых афоризмов могут быть общими с другими типами устойчивых единиц (присущими как языковым афоризмам, так и иным разновидностям устойчивых фраз, фразовых текстов) либо уникальными (присущими только языковым афоризмам). Общие функции языковых афоризмов – это интертекстуальная, текстообразующая, образная, концептуальная и др. (также свойственны фразеологизмам, различного рода речевым формулам, текстовым клише и т. д.). Уникальных функций языковых афоризмов всего две – универсализирующая и стилеобразующая, которые не реализуются прямо и непосредственно никакими другими сверхсловными устойчивыми единицами (хотя и могут проявляться благодаря различным комбинациям в речи отдельных лексико-семантических, грамматических, стилистических средств языка).

Универсализирующая функция манифестирует в речи такое свойство семантики афоризма, как универсальное обобщение действительности, которое противопоставлено фактологическому обобщению (Иванов, 2016: 115). Так, «афористическими в строгом смысле слова можно называть только те обобщенные высказывания, которые не применимы для обозначения регистри-

²⁹ Национальный корпус русского языка (новая версия). Основной корпус. URL : <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html> (дата обращения : 17.11.2021).

рующих множеств объектов, то есть являются универсальными по степени обобщения действительности (невозможно сказать «Педагоги обязаны быть терпеливыми», имея в виду только некоторое определенное количество педагогов») (Лингвистика афоризма, 2018: 151). Языковые афоризмы предназначены в речи прежде всего для выражения обобщенно-универсального содержания, универсализации действительности.

Универсализирующую функцию не способны прямо и непосредственно выполнять никакие иные языковые единицы, кроме языковых афоризмов. Эта функция маркирует их субстанциональное качество – «афористичность», что проявляется в семантическом противопоставлении афоризмов и всех иных, фактологических по своему содержанию фраз в тексте даже в том случае, когда афоризм лишен всякого смысла, например: «Мужчина тоже может ошибаться. Но знаете ли, какая разница между ошибкою нашего брата и ошибкою женщины? Не знаете? Вот какая: мужчина может, например, сказать, что дважды два – не четыре, а пять или три с половиною; а женщина скажет, что дважды два – стеариновая свечка» (И.С. Тургенев, «Рудин») ³⁰.

Стилеобразующая функция манифестирует такой облигаторный признак языковых афоризмов, как дискурсивная автономность – способность использоваться в тексте в семантически и структурно (resp. грамматически) независимой позиции (Teslenko, Ivanov, 2021), что при широком употреблении афористических единиц обуславливает прерывистый, так называемый рваный характер речи.

Стилеобразующая функция прямо и непосредственно соотносится с универсализирующей функцией языковых афоризмов, то есть, с одной стороны, ее выявляет, а с другой – ею обусловлена в случаях неединичного использования пословиц и крылатых выражений в речи. Стилеобразующая функция в своем полноценном виде реализуется в результате комбинации языковых афоризмов с окказиональными (индивидуально-авторскими) афористическими единицами, которые могут количественно превалировать в тексте, при этом языковые афоризмы, как правило, занимают содержательно и композиционно доминантную позицию. Это особенно наглядно видно на примере крылатых выражений, которые доминируют уже в авторском контексте своего текстового источника, например: «[Пепел:] Никто здесь тебя не хуже... напрасно ты говоришь... [Клец:] Не хуже! **Живут без чести, без совести...** [Пепел (равнодушно):] А куда они – честь, совесть? **На ноги, вместо сапогов, не наденешь ни чести, ни совести... Честь-совесть тем нужна, у кого власть да сила есть...** [Бубнов (входит):] У-у... озяб! [Пепел:] Бубнов! У тебя совесть есть? [Бубнов:] Чего-о? Совесть? [Пепел:] Ну да! [Бубнов:] На что совесть? Я – не богатый... [Пепел:] Вот и я то же говорю: **честь-совесть богатым нужна, да! А Клец ругает нас, нет, говорит, у нас совести...**» (М. Горький, «На дне») ³¹.

³⁰ Национальный корпус русского языка (новая версия). Основной корпус. URL : <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html> (дата обращения : 17.11.2021).

³¹ Там же.

Обе уникальные функции афористических единиц наиболее полно и разнообразно реализуются в произведениях художественной литературы, публицистических и научно-философских текстах. Универсализирующая и стилеобразующая функции языковых афоризмов могут быть реализованы как в языке отдельного произведения (цикла произведений), так и в языке одного автора (в разных произведениях в той или иной степени, в большем или меньшем объеме).

Примером реализации уникальных функций афористических единиц в отдельно взятом тексте может служить одно из стихотворений Ф.И. Тютчева, например: *«Не рассуждай, не хлопочи!... Безумство ищет, глупость судит; Дневные раны сном лечи, А завтра быть чему, то будет. Живя, умей все пережить: Печаль, и радость, и тревогу. Чего желать? О чем тужить? День пережит – и слава богу!»* (Ф.И. Тютчев, «Не рассуждай...»)³², где весьма удачно как в композиционном, так и в содержательном плане комбинируются однословные афоризмы (*Не рассуждай; Не хлопочи*), окказиональные афористические единицы (*Безумство ищет, глупость судит*); перифразированные пословицы (*А завтра быть чему, то будет* ← *Будь, что будет; День пережит – и слава богу!* ← *День прошел, и слава Богу*), крылатые латинские выражения (*Дневные раны сном лечи* ← *Время лечит раны от лат. *Tempus vulnera sanat**), рекуррентные фразы (*Живя, умей все пережить* ← *Все можно пережить / Все переживем / Пережить все можно*).

Реализация уникальных функций афористических единиц в рамках отдельных фрагментов определенного текста характеризуется, как правило, последовательным «нанизыванием» в контексте одного афоризма на другой, связь между которыми маркируется как содержательно (общей темой или проблемой, логической взаимодейтерминацией), так и структурно (различными лексическими, грамматическими, выразительными средствами), например: *«Тургенев часто не щадил себя в своих беседах, забывая старое правило житейской мудрости: „Не говори худо о себе, твои ‘друзья’ об этом позаботятся“ – и испанскую поговорку: „Избави меня бог от друзей, а с врагами я сам справлюсь“»* (А.Ф. Кони, «Похороны Тургенева»)³³ (где основными структурными средствами связи между афористическими единицами служат лексический повтор и синтаксический параллелизм). Или: *«Как не согласишься после этого, что от высокого до смешного один только шаг! Наполеон прав; но не менее его прав и Державин, который сказал: Каких ни вымышляй дружин, Чтоб мужу-бую умудриться, – Не можно век носить личин, И истина должна открыться. Да! кто создан Поль де Коком, тому не бывать Шиллером!..»* (В.Г. Белинский, о книге «Постоялый двор. Записки покойного Горянова, изданные его другом Н.П. Маловым»)³⁴ (где афористические единицы связаны общей темой рассуждения).

³² Национальный корпус русского языка (новая версия). Поэтический корпус. URL : <https://ruscorpora.ru/new/search-poetic.html> (дата обращения : 08.10.2021).

³³ Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. 4-е изд. М. : Русский язык, 1991. С. 206.

³⁴ Национальный корпус русского языка (новая версия). Основной корпус. URL : <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html> (дата обращения : 17.11.2021).

Индивидуализация использования афористических единиц в тексте в их уникальных функциях может порождать такой стилистический феномен, как «афористический стиль» (Розанова, 1982; Иванов, 2016: 134–137), который заслуживает специального изучения в русском языке в рамках отдельного исследования.

Заключение

Рассмотренный материал позволяет утверждать, что в русском языке афористические единицы (поговорки и крылатые выражения) выполняют все базовые и производные от них (частные) функции языка/речи, которые реализуются либо как облигаторные (коммуникативная, познавательная, номинативная и кумулятивная), либо как факультативные (все остальные). Частные функции языка могут приобретать спецификацию при употреблении языковых афоризмов (например, конативная реализуется как аргументативная и т. д.).

Специфические функции языковых афоризмов дифференцируются на две неравновесные группы – общие с близкими по характеристикам единицами (свойственны как языковым афоризмам, так и другим устойчивым фразам, клишированным однофразовым текстам) и уникальные (свойственные только языковым афоризмам). К уникальным функциям языковых афоризмов можно отнести только две – универсализирующую и стилеобразующую.

Универсализирующая функция манифестирует такое семантическое свойство языковых афоризмов, как универсальный характер обобщения действительности в противоположность фактологическому обобщению. В свою очередь, стилеобразующая функция поговорок и крылатых выражений не только прямо и непосредственно соотносится с универсализирующей функцией, но и обусловлена ею при неединичном употреблении языковых афоризмов в данном тексте.

Перспективой исследования является выявление специфики реализации функций языковых афоризмов, а также особенностей афористического стиля в языке произведений русской художественной литературы, различных видов дискурса (публицистическом, научно-философском, научно-популярном, устной публичной речи и др.) в описательном и сопоставительном аспектах с целью создания функциональной модели поговорок и крылатых выражений как единиц афористического состава русского языка.

Список литературы

- Бредис М.А., Димогло М.С., Ломакина О.В.* Паремии в современной лингвистике: подходы к изучению, текстообразующий и лингвокультурологический потенциал // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. № 2. С. 265–284. <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284>
- Бредис М.А., Ломакина О.В., Мокиенко В.М.* Пословица в современной лингвистике : определение, статус, функционирование // Вестник Московского университета. Серия 19 : Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 3. С. 34–43.
- Вальтер Х., Мокиенко В.М.* Антипословицы русского народа. СПб. : Нева, 2005. 577 с.

- Верецагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура : лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 4-е изд. М. : Русский язык, 1990. 246 с.
- Даниленко В.П.* Картина мира в пословицах русского народа. СПб. : Алетейя, 2017. 373 с.
- Дядечко Л.П.* «Крылатый слова звук», или Русская эптология. Киев : Изд-во КНУ, 2006. 335 с.
- Иванов Е.Е.* «Основной паремиологический фонд» русского языка и его соотношение с «паремиологическим минимумом» // Мир русского слова и русское слово в мире : материалы XI Конгресса МАПРЯЛ. София : Heron Press, 2007. Т. 2. С. 152–156.
- Иванов Е.Е.* Лингвистика афоризма. Могилев : МГУ имени А.А. Кулешова, 2016. 156 с.
- Иванова Е.В.* Пословичные картины мира (на материалах английских и русских пословиц). СПб. : Изд-во СПбГУ, 2002. 153 с.
- Королькова А.В.* Русская афористика. М. : Флинта : Наука, 2005. 344 с.
- Котова М.Ю.* Очерки по славянской паремиологии. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2003. 230 с.
- Котова М.Ю., Сергиенко О.С.* Принципы паремиографирования в электронном словаре современных активных восточнославянских пословиц (на материале русско-белорусских пословичных параллелей) // Slavica Slovaca. 2021. Vol. 56. No 2. Pp. 242–251. <https://doi.org/10.31577/SlavSlov.2021.2.7>
- Лингвистика афоризма : хрестоматия / сост. Е.Е. Иванов. Минск : Вышэйшая школа, 2018. 304 с.
- Ломакина О.В.* Концептуализация общечеловеческих ценностей в пословицах (на материале русского, узбекского и таджикского языков) // Когнитивные исследования языка. 2021. № 3 (46). С. 172–175.
- Ломакина О.В., Мокиенко В.М.* Крылатика в современном культурном контексте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. № 2. С. 256–272. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-2-256-272>
- Паремиология без границ / под ред. М.А. Бредиса, О.В. Ломакиной. М. : Изд-во РУДН, 2020. 244 с.
- Паремиология в дискурсе / под ред. О.В. Ломакиной. М. : URSS : Ленанд, 2015. 294 с.
- Паремиология на перекрестках языков и культур / под ред. Е.Е. Иванова, О.В. Ломакиной. М. : Изд-во РУДН, 2021. 246 с.
- Пермяков Г.Л.* К вопросу о структуре паремиологического фонда // Типологические исследования по фольклору. М. : Наука, 1975. С. 247–274.
- Пермяков Г.Л.* Основы структурной паремиологии. М. : Наука, 1988. 236 с.
- Пермяков Г.Л.* От поговорки до сказки (заметки по общей теории клише). М. : Наука, 1970. 240 с.
- Розанова Л.А.* Об афоризмах и афористичности стиля в поэме Н.А. Некрасова «Современники» // Н.А. Некрасов и русская литература второй половины XIX – начала XX веков. Ярославль : ЯГПИ, 1982. С. 50–68.
- Савенкова Л.Б.* Русская паремиология : семантический и лингвокультурологический аспекты. Ростов н/Д. : Изд-во Ростовского ун-та, 2002. 239 с.
- Слюсарева Н.А.* Функции языка // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. М. : Большая российская энциклопедия, 1998. С. 564–565.
- Теплякова А.Д.* О функциях крылатых слов в речи // Фразеология во времени и пространстве. Greifswald : E.M.A.-Universität ; СПб. : Изд-во СПбГУ, 2012. С. 149–151.
- Шулежкова С.Г.* Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие. М. : Азбуковник, 2002. 288 с.
- Шулежкова С.Г., Макарова А.С.* Крылатые выражения французского происхождения в интернациональном блоке лозунгов современной Европы и России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Теория языка. Семиотика. Семантика. 2016. № 4. С. 65–73.

- Ivanov E. Paremiological minimum and basic paremiological stock (Belarusian and Russian). Prague : RSS, 2002. 136 p.
- Kotova M.Y. To the question of the Russian – Czech – Slovak – Bulgarian – English paremiological core // *Bohemistyka*. 2019. № 1. Pp. 3–18. <https://doi.org/10.14746/bo.2019.1.1>
- Lomakina O.V. Concepts of God and Faith in Uzbek and Tajik proverbs in terms of culture and language transfer theory // *European Journal of Science and Theology*. 2021. Vol. 17. No 2. Pp. 125–135.
- Mokienko V.M. Polská přísloví ve sbírce Václava Flajšhanse Česká přísloví // *Bohemistyka*. 2019. No 1. Pp. 33–48. <https://doi.org/10.14746/bo.2019.1.3>
- Sergienko O.S. Main trends of the current research of Czech paremiology // *Bohemistyka*. 2019. No 1. Pp. 49–70. <https://doi.org/10.14746/bo.2019.1.4>
- Tepljakova A. Die Arten geflügelter Worte in der modernen deutschen Schriftsprache // *Acta Germano-Slavica*. 2007. No 1. Pp. 141–157.
- Tepljakowa A. Über den Aufbau des Wörterbuchs der geflügelten Worte der modernen deutschen Schriftsprache (für Belarussen, die Deutsch als Fremdsprache studieren oder lernen) // *Językoznawstwo*. 2020. No 1 (14). Pp. 107–127.
- Teslenko E., Ivanov E. Autonomous aphorisms (aphorism in the non-aphoristic text) // *West – East*. 2021. Vol. 5. No 1. Pp. 26–36.

Сведения об авторе:

Иванов Евгений Евгеньевич, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова, Республика Беларусь, 212022, Могилев, ул. Космонавтов, д. 1. Член фразеологической комиссии Международного комитета славистов. *Сфера научных интересов*: теория языка, сопоставительное языкознание, лингвокультурология, русистика, белорусистика, фразеология, паремиология, лексикография, лингводидактика. Автор более 340 научных публикаций. ORCID: 0000-0002-6451-8111 E-mail: ivanov_ee@msu.by; ivanov-msu@mail.ru

DOI 10.22363/2618-8163-2022-20-2-167-185

Research article

Functions of aphoristic units in the Russian language

Eugene E. Ivanov

Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev, Belarus

✉ ivanov_ee@msu.by

Abstract. In modern Russian studies, much attention has been paid to the study of proverbs and catch phrases as the main varieties of language aphorisms (aphoristic units). In this regard, it is relevant to determine their own linguistic characteristics, including functional ones. The aim of the study is to establish and describe the obligatory and optional functions of proverbs and catch phrases as aphoristic units, to establish unique functions of language aphorisms in speech and text. The material of the study includes the most popular proverbs and catch phrases among the units of the paremiological minimum and the basic paremiology used in written speech. The main method in the research is the descriptive method based on functional modelling of language units with the help of contextual and stylistic analysis. It was found that all the basic functions of the language (basic and derivatives) are inherent in

proverbs and catch phrases as aphoristic units. The obligatory functions of language aphorisms are communicative, cognitive, nominative and cumulative ones; the optional functions are emotive, metalinguistic, phatic, volunative, empirical, axiological, referential, aesthetic, and ritual ones; the unique functions are universalizing and style-forming ones. The unique functions of aphoristic units determine each other, are completely and diversely used in fiction, journalistic and scientific-philosophical texts.

Keywords: Russian language, aphoristic unit, proverb, catch phrase, function, language, text

Article history: received 15.11.2021; accepted 16.01.2022.

Acknowledgments: The research was funded by the State Program of Scientific Research 2021–2025, the task No 20211335 (Republic of Belarus).

For citation: Ivanov, E.E. (2022). Functions of aphoristic units in the Russian language. *Russian Language Studies*, 20(2), 167–185. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-2-167-185>

DOI 10.22363/2618-8163-2022-20-2-186-202

Научная статья

Новая общественно-политическая фразеология в русском языке: тенденции развития

Т.В. Леонтьева , А.В. Щетинина

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия

 t.v.leontieva@urfu.ru

Аннотация. Представлены результаты наблюдений над устойчивыми выражениями, ограниченными общественно-политической тематикой, извлеченными из современных публицистических текстов. Актуальность изучения новой фразеологии, появляющейся и функционирующей в текстах средств массовой информации, обусловлена необходимостью осмысления трансформаций социума и изменения общественно-политических реалий. Цель исследования – охарактеризовать выражения, появившиеся в сфере институциональных отношений, номинирующие властные отношения и явления конфликтной коммуникации, как новые фразеологизмы политической сферы. Вводится в научный оборот новый материал: большая часть исследуемой фразеологии сравнительно недавно появилась в русском языке и не зафиксирована в словарях, поэтому методом сплошной выборки извлекалась из текстов СМИ и Национального корпуса русского языка. С целью определения модели фразеологической номинации применялся метод компонентного анализа, а для формулировки значения – метод контекстного анализа и реконструкции на его основе значения устойчивого выражения. Проанализированы фразеологические единицы, называющие общественные акции, общественные акторы, формы коммуникации. Сделан вывод о том, что появление и функционирование проанализированных фразеологизмов в речи обусловлено тем, что говорящий или пишущий решает какую-либо прагматическую задачу. В общественно-политической среде его намерение особенно часто происходит из необходимости подобрать эффективные речевые средства для выполнения коммуникативных задач рекрутирования (по этому принципу разрабатываются названия общественных акций для вовлечения большего количества участников), ранжирования (для этого годятся фразеогруппы с градуированием понятий одного ряда) и хеджирования (непрямое обозначение позволяет снизить конфликтность коммуникации).

Ключевые слова: неология, фразеологизм, идиоматика конфликта, романтизация общественных конфликтов, фразеогруппа, хеджирование, русский язык

История статьи: поступила в редакцию 04.12.2021; принята к печати 15.01.2022.

Благодарности: Исследование выполнено в УрФУ за счет средств гранта Российского научного фонда, проект № 20-68-46003 «Семантика единения и вражды в русской лексике и фразеологии: системно-языковые данные и дискурс».

Для цитирования: Леонтьева Т.В., Щетинина А.В. Новая общественно-политическая фразеология в русском языке: тенденции развития // Русистика. 2022. Т. 20. № 2. С. 186–202. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-2-186-202>

Введение

Во второй половине XX в. в полемике о статусе фразеологии высказывалась точка зрения, что «фразеологизм в языковой системе – побочный материал <...> Фразеологизмы входят в язык, не создавая в языке существенного для языка явления» (Никитин, 1968: 68). Однако за прошедшее с тех пор пятидесятилетие утвердилось широкое понимание фразеологии, которое позволяет включать в ее состав не только метафорические выражения, но и сочетания, не обладающие образностью, а их немало среди журналистских клише и вообще публицистической фразеологии, которая будет предметом нашего внимания в данной статье.

Считается, что во фразеологическом фонде русского литературного языка преобладают разговорные и просторечные единицы, и носители языка, осваивавшие в школе материал соответствующих разделов учебников, склонны думать, что фразеологизмы – дань прошлому, атавизм, архаическое явление, часть народной речи, упуская из внимания новые устойчивые речевые обороты, пополняющие и жаргон, и просторечие, и литературный язык.

Об этом же говорит Н.А. Завьялова, отмечая, что идиоматика «нередко помещается на периферию современного лингвистического знания, ее принято соотносить скорее с прошлым, нежели с современной повседневностью» (Завьялова, 2013: 62), и возражает: «Напротив, на наш взгляд, фразеология используется для описания острейших фрагментов повседневности, маркирует болевые точки современного социума» (Там же).

Язык СМИ ясно демонстрирует тенденцию метафоризации языка за счет введения в речь устойчивых сочетаний, характеризующих общественно-политические феномены. Такие языковые единицы всегда обеспечивали стандартизованность языка журналистской сферы, о чем свидетельствует и множество научных трудов, посвященных осмыслению единиц этого языка (ср. анализ сочетаний *свобода слова, свобода выбора, политика открытых дверей* (Юсупова, 2017: 90–91) и др.).

Фразеологический фонд русского языка аккумулирует оценочные смыслы, в том числе репрезентирующие отношения человека и государства. В начале XXI в. активно создаются устойчивые выражения с институциональной семантикой, называющие явления, процессы, события, связанные с конфликтом. Фразеологизмы фиксируют закрепившиеся, обладающие устойчивостью в лингвокультуре ментальные единицы.

Новая фразеология постоянно находится в центре внимания лингвистов. В «Словаре русского языка коронавирусной эпохи»¹, подготовленном

¹ Словарь русского языка коронавирусной эпохи / сост. Х. Вальтер, Е.С. Громенко, А.Ю. Кожевников, Н.В. Козловская, Н.А. Козулина, С.Д. Левина, В.М. Мокиенко, А.С. Павлова, М.Н. Приемьшева, Ю.С. Ридецкая / отв. ред. М.Н. Приемьшева. СПб. : Институт лингвистических исследований РАН, 2021. 550 с.

санкт-петербургскими исследователями, собрана новая лексика, появившаяся лишь за один год пандемии, в том числе выражения, многие из которых приобрели статус фразеологизмов. К ним относятся в первую очередь выражения с институциональной семантикой (*вакцинная гонка, вакцинная дипломатия* и др.), поскольку они называют известные явления и активно тиражируются в текстах СМИ.

Лингвисты, выявляя и описывая новые фразеологизмы, отмечают: «Процесс перехода свободного сочетания слов во фразему сокращается, что дает исследователю возможность наблюдения за фразеологизацией в режиме реального времени» (Чурилина, 2020: 132). А.В. Жуков в докладе, посвященном потенциальности фразеологических единиц, говорит о недостаточной изученности данного вопроса (Жуков, 2018: 372), что свидетельствует об актуальности явления, к анализу которого активно обращаются специалисты (Вальтер, 2011; Генералова, 2021; Гусельникова, 2011; Григоренко, 2018; Елисеева, 2000; Зыкова, 2015; Мельник, 2019; Мокиенко, 2002; Свиридова, 2013; Шипицина, 2010 и др.). Лингвисты фиксируют группы неофразем, сложившиеся в разных сферах: в интернет-коммуникации, где сформировался компьютерный подязык (Бузарова, Сасина, 2006; Еремина, 2012 и др.); в здравоохранении в период пандемии коронавируса (Новые слова..., 2020; Чернова и др., 2021), в образовании (Заварзина, 2016) и др. При этом исследователями отмечаются сходные процессы в разных языках (Благоева, 2005; Гасек, 2019; Дружиловска, 2015; Шулежкова, 2019; Blagoeva et al., 2018; Cáceres-Lorenzo, 2021; Gregor, Tomášková, 2017 и др.).

Сегодняшний день характеризуется существенным обновлением фразеологического фонда языка СМИ, что обусловлено трансформацией социума и изменениями общественно-политических реалий, свободой публичного выражения мнений и повышением градуса конфликтности в коммуникации, поэтому далее в статье предметом рассмотрения станут устойчивые выражения, номинирующие властные и общественно-политические реалии. В центре внимания будут различия в номинативной плотности тех или иных участков общественно-политической фразеологии. Новизна исследования заключается в решении важной научной проблемы изучения моделей образования новых фразеологизмов и определения их статуса в современном языке.

Цель исследования – охарактеризовать выражения, появившиеся в сфере институциональных отношений, называющие явления конфликтной коммуникации, как новые фразеологизмы политической сферы.

Методы и материалы

Методы исследования обусловлены спецификой материала – устойчивыми выражениями, появившимися в русском языке преимущественно в XX в., активно функционирующими в СМИ, называющими политические реалии конфликтных отношений. Большая часть исследуемой фразеологии сравнительно недавно появилась в русском языке и, соответственно, не зафиксирована в словарях, поэтому методом сплошной выборки извлекалась из текстов СМИ, а также способом поискового запроса из текстов Национального

корпуса русского языка² и других источников. Для оценки устойчивого характера выражения использовался квалиметрический метод, который позволял подтвердить повторяемость словосочетания в определенном значении и таким образом выявить его воспроизводимость в речи. С целью определения модели фразеологической номинации применялся метод компонентного анализа, а для формулировки значения – метод контекстного анализа и реконструкции на его основе значения устойчивого выражения. Таким образом, были описаны новые фразеологические единицы, большая часть которых не зафиксирована словарями и ждет своего описания в лексикографических источниках.

Результаты

Результаты исследования подтверждают гипотезу о том, что неофразеология создается и укореняется в языке под влиянием внутренней логики его развития. Об этом свидетельствует системность создания устойчивых выражений, их эвфемистический потенциал.

Результаты исследования подтвердили также предположение о прагматической функции новых фразеологизмов в языке социально-политических отношений. Более того, механизм создания ряда выражений, в частности названий протестных выступлений, свидетельствует о манипулятивном потенциале идиом, которые используются для романтизации конфликта, нивелирования тех негативных явлений, которые сопровождают протестные выступления. Таким образом, с помощью внедрения новой фразеологии решается ряд коммуникативных задач (вовлечения, ранжирования и хеджирования).

Обсуждение

Фразеология на службе политтехнологий: вовлечение в общественные акции

Ярче всего среди фразеогрупп нового периода представлена конфликтная идиоматика.

Сравним языковые обороты разных лет, называющие выступления общественности против власти или выдвинутых ею реформ, инициатив. *Соляной, медный, чумной, холерный, картофельный...* – эти прилагательные характеризуют известные в истории России XVII–XIX вв. бунты в зависимости от того, что являлось причиной протеста населения против власти. Так номинации протестов, созданные на основе метонимического переноса значения, указывали на то, в связи с чем произошли эти события.

Затем, что интересно, существительное *бунт* преимущественно заменилось словом *революция*. *Поющая, оранжевая, шафрановая...* – революции конца XX – начала XXI вв., названия которых созданы по иному типу номинации, поэтому, не владея информацией об атрибутике этих событий (пение народных песен во время шествий, оранжевые флаги, такого же цвета повязки на одежде протестующих, одежда желто-оранжевого (шафранового) цвета буддистских монахов как лидеров протеста), трудно определить, с чем

² Национальный корпус русского языка. URL : <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения : 10.11.2021).

они связаны. Если в бытовавших до начала XX в. названиях исторических бунтов преобладала прагматичность характеристики, выраженная идеей соотносительности с предметом несогласия, то в названии современных протестов явственна романтизация события, носящего отнюдь не романтический характер. В основе новых идиоматических выражений лежит оксюморон, так как в составе конструкции, обозначающей общественное столкновение и актуализирующей семантику вражды, присутствует прилагательное, значение которого вне «конфликтного» контекста вызывает обычно положительные ассоциации, сравним: «... люди с цветущим сердцем и *поющей душой*»³; «Когда-то Арканов с Гориным и Певзнером делали для „Рэро“ программу и вместе написали прекрасную „*Оранжевую песню*“, которую пела молодая Ирма Сохадзе: *оранжевая мама, оранжевый папа... оранжево поют*»⁴; «*Шафрановый оттенок излучает свет и теплоту, с какими оттенками его можно сочетать на работах, как считаете?*»⁵ В то же время в значении лексемы *революция* «коренное изменение социально-политического строя, которое в отличие от реформирования и социальной эволюции характеризуется резким разрывом с предшествующей традицией, обычно насильственным преобразованием общественных и государственных институтов, а также совокупность событий, результатом которых являются такие изменения»⁶ выделяются семы, репрезентирующие действия, направленные на конфликт: ‘резкий разрыв’, ‘насильственное преобразование’, семы противопоставления ‘в отличие от реформирования и социальной эволюции’. Семантика вражды «нивелируется» сочетанием существительного *революция* с прилагательными, у которых ни в значении, ни в сочетаемости с другими словами чаще всего связи с конфликтом, враждебностью не наблюдается.

В ряду новых фразеологизмов можно выделить несколько моделей номинации протестных политических событий на основе переноса значения с ключевым компонентом *революция/бунт/марш*. Рассмотрим далее примеры, часть из которых уже описана в «Идеографическом словаре социальной лексики»⁷, а для новых номинаций составим дефиниции.

Метонимическая модель предполагает перенос значения на основе смежности понятий, фигурирующих в понятийном комплексе фразеологизма и выраженных лексемами, составляющими устойчивый оборот. При этом существительное (*бунт, революция, марш*) выступает постоянным компо-

³ *Алейников В.* Тадзимас // Национальный корпус русского языка. URL : https://processing.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&api=1.0&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&dpp=&spp=&spd=&mydocsize=&mode=main&lang=ru&sort=i_grtagging&nodia=1&text=lexform&req=поющей+душой (дата обращения : 13.11.2021).

⁴ *Кио И.Э.* Иллюзии без иллюзий // Национальный корпус русского языка. URL : https://processing.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&api=1.0&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&dpp=&spp=&spd=&mydocsize=&mode=main&lang=ru&sort=i_grtagging&nodia=1&text=lexform&req=Оранжевую+песню (дата обращения : 10.11.2021).

⁵ *Якимова Е.* Теория цвета – оттенок Шафран // Школа декупажа и декора. 2021, 7 июля. URL : <https://yadecor.ru/teorija-cveta-ottenok-shafran/> (дата обращения : 10.11.2021).

⁶ *Морковкин В.В., Богачёва Г.Ф., Луцкая Н.М.* Большой универсальный словарь русского языка. М. : Словари XXI века, 2017. С. 1002.

⁷ *Щетинина А.В.* Идеографический словарь русской социальной лексики : государство, власть, внутренняя политика. Екатеринбург : Ажур, 2018.

нентом, а второй компонент (прилагательное или зависимое существительное в форме косвенного падежа с предлогом) выполняет функцию конкретизатора, и этот переменный элемент в составе фразеологизма маркирует самые различные реалии и соотносимые с ними понятия.

1. Переменную позицию в составе фразеологизма часто замещают обозначения предметов атрибутики и символических аксессуаров: повязок, ленточек на одежде или цвета одежды: *белоленточная революция* («многократные массовые политические выступления граждан России, организованные оппозицией в 2011–2013 гг., против результатов выборов в Государственную Думу и выборов президента; одним из символов выступлений была белая лента»⁸); *революция розовых шапок* («массовые акции протеста в США против 45-го президента Дональда Трампа, избранного 20 января 2017 г.; одним из символов выступлений был розовый головной убор»⁹); уже упомянутый выше фразеологизм *оранжевая революция* (символ – оранжевые ленточки). В качестве определения революции может служить указание на одежду как маркер статуса протестующих, групповой идентичности: *революция норковых шуб* (*норковая революция*) («массовые политические выступления в Москве, организованные оппозицией в 2011–2013 гг., из-за участия в них представителей класса богатых людей»¹⁰), *шафрановая революция* (символ – цвет одежды протестующих буддийских монахов), *джинсовая революция* (*васильковая революция*) (массовые акции протеста в Белоруссии против результатов выборов президента страны в 2006 г.). В отношении последнего примера отметим, что из контекстов сложно определить, названа протестная акция *джинсовой* по сходству цвета джинсов с васильковым (ср. второе (или первое?) название) либо из-за участия мужчин, которые были одеты преимущественно в джинсы. В 2020 г. появилось новое выражение, называющее акции протестов в Минске, которое в СМИ употребляется в нескольких вариантах «*Блестящий марш*»/*блестящий марш*»/«*блестящий*» *женский марш*»/«*блестящий марш женской солидарности*». Наиболее часто используется вариант из двух компонентов *блестящий марш* ‘акции протеста оппозиции в Минске против результатов президентских выборов, на который участниц-женщин просили прийти в блестящей, яркой одежде’: «У Комаровского рынка в Минске начался так называемый „блестящий марш“ оппозиции, сообщают очевидцы. <...> „Блестящим“ марш назван по ярким одеждам – организаторы призвали желающих принять участие в шествии придти в яркой блестящей одежде с красочно оформленными плакатами»¹¹. В Яндексе это выражение набрало уже 2 млн запросов, в связи с чем, мы полагаем, есть основание его фиксировать как новый фразеологизм.

⁸ Щетинина А.В. Идеографический словарь русской социальной лексики : государство, власть, внутренняя политика. Екатеринбург : Ажур, 2018. С. 701–710.

⁹ Щетинина А.В. Лексика гражданского протеста в лингвокреативном сознании // Социокультурное пространство России и зарубежья : общество, образование, язык. Вып. 6. Екатеринбург : Ажур, 2017. С. 179.

¹⁰ Там же.

¹¹ В Минске начался «блестящий марш» оппозиции // РБК. 2020, 19 сентября. URL : <https://www.rbc.ru/politics/19/09/2020/5f6604759a794774a25164c6> (дата обращения : 10.11.2021).

2. Идентификация с социальной группой может быть репрезентирована в новых фразеологизмах номинациями, характеризующими:

– состав участников, например, гендерный: *женский марш* («массовые акции протеста в США против 45-го президента Дональда Трампа, избранного 20 января 2017 г.»¹²); национальный: *русский марш* «протестные шествия и митинги представителей русских националистических организаций и движений в различных городах России и стран СНГ, приуроченные ко Дню народного единства 4 ноября»¹³); идейный: *марш несогласных* (то же, что *марш миллионов*, см. дальше);

– количество участников (гиперболизированное): *марш миллионов* («акция протеста, организованная оппозицией 6 мая 2012 г. в Москве, против инаугурации Владимира Путина»¹⁴).

3. Перенос значения по смежности может осуществляться на основании включения в устойчивое выражение фитонимов, поскольку цветочные образы, помимо отсылки к атрибутике проведенной акции протеста, приносят семантику красоты и хрупкости, корреспондирующую с целенаправленно продвигаемыми идеями «прекрасного», которое составляет оппозицию «дурному, безобразному», и «живого», якобы противостоящего «бездушию власти»: *революция роз/розовая революция* – «мирные массовые акции протеста в Грузии в ноябре 2003 г., основным мотивом которых стала предполагаемая фальсификация на парламентских выборах 2 ноября 2003 г.; на одной из демонстраций участники шли с розами в руках»¹⁵; *тюльпановая революция* – «массовые акции протеста в марте 2005 г. в Киргизии, которые привели к революции и свержению президента республики»¹⁶, *жасминовая революция* – «массовые акции протеста в Тунисе в январе 2011 г., в результате которых произошла смена власти»¹⁷, *революция кедров* – «мирные массовые акции протеста в 2005 г. в Ливане за вывод сирийских войск с его территории».

4. Замещающий компонент в метонимической модели идиомы может называть место протестных действий. Так, идиомы *арабская весна* и *арабская зима* обозначают политические протесты в арабских странах – это «волна антиправительственных народных выступлений, начавшихся в арабском мире в 2010 г., следствием которых стали перевороты, гражданские войны, гражданские восстания, массовые протесты в странах Ближнего Востока»¹⁸. Другой фразеологизм *болотная революция* соотносится с российской политической действительностью, замещающий компонент обозначает одну из локаций, с которой связаны события – это «многократные массовые политические акции протеста в России, проходившие с декабря 2011 г. до марта 2012 г., про-

¹² Щетинина А.В. Идеографический словарь русской социальной лексики : государство, власть, внутренняя политика. Екатеринбург : Ажур, 2018. С. 703.

¹³ Там же. С. 708.

¹⁴ Щетинина А.В. Лексика гражданского протеста в лингвокреативном сознании // Социокультурное пространство России и зарубежья : общество, образование, язык. Вып. 6. Екатеринбург : Ажур, 2017. С. 180.

¹⁵ Там же. С. 179.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 180.

тив результатов выборов в Государственную Думу и президентских выборов; одним из основных мест проведения была Болотная площадь»¹⁹.

5. Время проведения протестной акции в переносном значении представлено во фразеологизме *снежная революция*, где компонент *снежная* указывает на зимний период – «массовые политические выступления граждан России, организованные оппозицией зимой в 2011–2012 гг., против результатов выборов в Государственную Думу»²⁰.

Временные маркеры могут появляться и в качестве опорного слова в устойчивом обороте, указывая на длительность и этапность протестного события: *арабская весна* и *арабская зима*. Заметим, что эта группа идиом имеет потенциал к расширению на основании вариативности субстантивного компонента (*зима, весна, осень* и т. д.) при общем повторяющемся дескрипторе (*арабская*). Приведем несколько примеров из СМИ и научной литературы: «„*Арабская весна*“ перешла в „*арабское лето*“ и продолжится жаркой осенью. Муаммар Каддафи, видимо, какое-то время еще продержится против авиации НАТО»²¹; «*Арабская зима*. Однако за десятилетие эйфорию сменило разочарование. Вместо веры в собственные силы и надежды на перемены к лучшему жители затронутых „весной“ стран получили рост нестабильности, экстремизма и терроризма...»²² и др. Более того, данные выражения используются и в научной литературе: «Глава 4. Ненастная „*Арабская осень*“: Йемен в 2014–2015 гг. 1. *Арабская весна* в Йемене: от революции к революции (2011–2014 гг.)»²³. Обратим внимание, что в примере из научного текста выражения оформляются по-разному: «*арабская осень*» – кавычками, а *Арабская весна* уже без них, хотя, по нашим наблюдениям, в научных текстах чаще используется первый вариант оформления.

6. В составе устойчивого выражения, созданного на основе метонимического переноса, может присутствовать указание на инструмент организации протеста, в частности технологическую платформу, использованную для осуществления коммуникации – чтобы руководить действиями участников акции: *твиттерная революция* (варианты: *Твиттер-революция/ Twitter-революция*) – это «акция протеста, организуемая и регулируемая с использованием социальной сети Twitter как инструмента информирования участников»²⁴. Ср. также отсылку к привлечению техники; например, во время протестов в Белграде в 2000 г. один из участников протаранил на бульдозере ограду телецентра, в результате чего переворот, который привел к смене власти, получил название *бульдозерная революция*: «*Патовая ситуация спрово-*

¹⁹ Щетинина А.В. Идеографический словарь русской социальной лексики : государство, власть, внутренняя политика. Екатеринбург : Ажур, 2018. С. 702.

²⁰ Там же. С. 708–709.

²¹ Арабское лето // Новая газета. 2011, 17 июля. URL : <https://novayagazeta.ru/articles/2011/07/17/44618-arabskoe-let0> (дата обращения : 10.11.2021).

²² Шварцман В. Буря в пустынях // Lenta.ru. 2020, 17 декабря. URL : https://lenta.ru/articles/2020/12/17/tenyear_spring/ (дата обращения : 12.11.2021).

²³ Гринин Л.Е., Исаев Л.М., Коротаев А.В. Революции и нестабильность на Ближнем Востоке. М. : Московская редакция издательства «Учитель», 2016. С. 102.

²⁴ Леонтьева Т.В., Щетинина А.В. Словарь актуальной лексики единения и вражды в русском языке начала XXI века. Екатеринбург : Ажур, 2021. С. 343.

цировала массовые беспорядки в Белграде. Они вошли в историю как „бульдозерная революция“ и привели к свержению Милошевича...»²⁵.

7. Форма выражения протеста, избранная организаторами акции, лежит в основе устойчивого выражения *поющая революция* ‘протестные акции, проходившие в 1987–1991 гг. в прибалтийских республиках, направленные на выход из состава СССР Эстонии, Латвии и Литвы и установление их государственной независимости’. Серия протестов началась на певческом фестивале и впоследствии одной из форм мирной части протестов стало пение народных песен: «В июне 1988 г. в Таллине прошла так называемая *поющая революция* – на певческом фестивале распространялись значки с изображением бело-сине-черного флага Эстонии»²⁶.

8. Показательно, что номинации протестного движения создаются с привлечением идеологических инструментов: оппозиция делает ставку на ценностные категории, на идею, которая должна служить центром притяжения для людей, маркером групповой мировоззренческой идентичности. Так, *революция достоинства (Евромайдан)* – «массовая акция протеста на Украине против действующей власти, начавшаяся в 2013 г. в ответ на приостановку украинским правительством подготовки к подписанию соглашения об ассоциации между Украиной и Евросоюзом, переросшая из мирного протеста в борьбу за смену режима силовыми методами»²⁷ – устойчивое выражение, репрезентирующее призыв к евроинтеграции через конструируемую референцию с одной из этических ценностей – достоинством. Апелляцию к высшей ценности – жизни (*марш за жизнь/марш за нашу жизнь*) – встречаем в вариациях названий социально-политических акций, состоявшихся в разных странах и организованных против различных видов угрозы жизни человека: абортов (*марш за жизнь*), продажи оружия (*марш за нашу жизнь*): «Десятки тысяч американцев приехали со всей страны в Вашингтон на ежегодный „Марш за жизнь“ – главное мероприятие противников абортов»²⁸; «Помимо десятков тысяч французов к Маршу за жизнь присоединились несколько про-лайф групп из Нидерландов, Испании, Германии, Италии и Португалии»²⁹; «Сотни тысяч жителей США прибыли в Вашингтон для участия в масштабной акции „Марш за нашу жизнь“. Школьники, их родители, учителя, активисты общественных организаций и обычные американцы потребуют от Конгресса США скорейшего принятия законов, уже-

²⁵ Окунев Д. 20 лет назад в Югославии пал режим Милошевича // Газета.Ru. 2020, 7 октября. URL : https://www.gazeta.ru/science/2020/10/07_a_13284217.shtml (дата обращения : 13.11.2021).

²⁶ Даты // Огонек. 2010, 8 февраля. URL : <https://www.kommersant.ru/doc/1311437?query=В%20июне%201988%20года%20в%20Таллине%20прошла%20так%20называемая%20поющая%20революция> (дата обращения : 13.11.2021).

²⁷ Щетинина А.В. Идеографический словарь русской социальной лексики : государство, власть, внутренняя политика. Екатеринбург : Ажур, 2018. С. 706.

²⁸ «За жизнь, за Трампа» : тысячи американцев вышли на марш против абортов // РИА Новости. 2020, 25 января. URL : <https://ria.ru/20200125/1563853729.html> (дата обращения : 10.11.2021).

²⁹ Несмотря на сильный ливень, 40 тысяч в Париже приняли участие в Марше за жизнь // Седмица.ru. 2018, 23 января. URL : <https://sedmitza.ru/text/7819745.html> (дата обращения : 12.11.2021).

сточающих контроль оборота огнестрельного оружия в стране, а в идеале и вовсе запрещающих его продажу»³⁰ и др.

Метафорическая модель основана на переносе значения, в основе которого находится сходство понятий, входящих в понятийный комплекс идиомы и выраженных лексемами, составляющими устойчивый оборот. Данная модель номинации менее продуктивна. Она воплотилась в нескольких выражениях, среди которых фразеологизм *цветная революция* (мн. *цветные революции*). В речевой практике идиома является гиперонимом по отношению ко все типам новых фразеологизмов, в составе которых есть слово *революция* (см. выше: *жасминовая революция*, *поющая революция* и др.), не случайно активно используется множественное число: «„Бульдозерная революция“ в Югославии, в результате которой был свергнут Слободан Милошевич, произошла более 16 лет назад. Она дала старт целой цепи аналогичных событий на территории бывшего СССР, получивших название „цветные революции“: „революция роз“ в Грузии, „оранжевая революция“ на Украине, „тюльпановая“ в Киргизии...»³¹.

Выражение *бархатный терроризм* – «ненасильственное запугивание или устрашение для достижения каких-либо (чаще – политических) целей»³² – создано, вероятно, по аналогии с давно существующим фразеологизмом *бархатная революция* – «гражданское мирное восстание в Чехословакии в ноябре-декабре 1989 г., которое привело к отстранению от власти коммунистической партии и демонтажу социалистического режима»³³. В номинации актуализировано сравнение мирных методов борьбы и мягкой ткани, которое в результате закрепления в речевой практике легло позже в основу второго и третьего значений фразеологизма *бархатная революция*, не зафиксированных пока словарями:

– ‘любой протест против официальной государственной власти с использованием мирных методов борьбы’: «Тогда в Белграде случилась **бархатная революция**, Милошевич потерял власть и скоро оказался в Гааге, где началось его умирание под присмотром гаагских врачей и судей»³⁴; «„**Бархатная революция**“ началась в Армении весной 2018 г. с акции Паши-няна „Мой шаг“»³⁵;

³⁰ «Марш за нашу жизнь» собрал сотни тысяч американцев // Вести. 2018, 24 марта. URL : <https://www.vesti.ru/article/1425241> (дата обращения : 12.11.2021).

³¹ *Перевозкина М.* Откровения участника сербского «Майдана»: «Запад хотел разделить православных славян» // Московский комсомолец. 2017, 6 февраля. URL : <https://www.mk.ru/politics/2017/02/06/otkroveniya-uchastnika-serbskogo-maydana-zapad-khotel-razdelit-pravoslavnykh-slavyan.html> (дата обращения : 14.11.2021).

³² *Щетинина А.В.* Идеографический словарь русской социальной лексики : государство, власть, внутренняя политика. Екатеринбург : Ажур, 2018. С. 663.

³³ *Щетинина А.В.* Лексика гражданского протеста в лингвокреативном сознании // Социокультурное пространство России и зарубежья : общество, образование, язык. Вып. 6. Екатеринбург : Ажур, 2017. С. 180.

³⁴ *Проханов А.* 15 лет после казни // Известия. 2014, 23 марта. URL : <https://iz.ru/news/567970> (дата обращения : 10.11.2021).

³⁵ Пашинян рассказал об источниках финансирования революции // Lenta.ru. 2019, 13 мая. URL : <https://lenta.ru/news/2019/05/13/pashinyan/> (дата обращения : 10.11.2021).

– ‘любой протест без использования насильственных методов’: *«И „бархатная» революция“ в МХАТе не состоялась. Но при активном участии М.П. Прудкина и М.М. Янишина произошел переворот... „Старики“ собрались на квартире у Янишина и сговорились позвать О.Н. Ефремова править МХАТом»*³⁶; *«Бархатная революция. 15 лет назад Алан Темпльтон прославился в палеоантропологических кругах своей серьезной атакой на предложенную незадолго до того теорию „митохондриальной Евы“»*³⁷ и др.

В ходе исследования новой фразеологии, называющей конфликтные политические события, установлено, что наиболее распространенной моделью номинации современных форм протестной деятельности можно назвать метонимический перенос значения, где главное слово (*революция/бунт/марш*) выражает значение ‘форма социально-политического протеста’, а зависимое слово романтизирует конфликтное событие (*поющая, жасминовая, тюльпановая, оранжевая, достоинства, за жизнь* и др.). Чаще всего, даже в случае так называемых мирных акций, событие сопряжено с насилием (*«В Минске начались задержания участниц „блестящего марша“»*³⁸), которое заинтересованными акторами представляется как незначительное, сравним: *«Цель революции (речь идет о поющей революции. – Т.Л., А.Щ.) была достигнута ценой сравнительно малых жертв: погибли четырнадцать защитников вильнюсской телебашни и один сотрудник КГБ в ходе событий 13 января 1991 г. в Вильнюсе, семь человек во время баррикад 1991 г. в Риге, были расстреляны восемь литовских таможенников и полицейских на границе Литвы с Белорусской ССР 31 июля 1991 г. и несколько единичных жертв»*³⁹.

Систематико-градационный потенциал «гнезд» фразеологизмов

Ряды имеют различную плотность, ср. с предшествующей группой, впечатляющей количеством входящих в нее единиц, малочисленный ряд: *первая власть, вторая власть, третья власть, четвертая власть, пятая власть*.

Приведенный ряд идиом, имеющих в своем составе числительные, ясно показывает, что фразеологизмы, образовавшие группу по критерию наличия общего повторяющегося компонента (*власть*), присутствующего в составе всех идиом, могут дополнительно иметь второе основание к системной организации в виде строгой соотнесенности прочих, неповторяющихся компонентов в их составе. В данном случае это набор количественных числитель-

³⁶ Давыдов В. Театр моей мечты // Национальный корпус русского языка. URL : https://processing.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&api=1.0&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&dpp=&spp=&spd=&mydocsize=&mode=main&lang=ru&sort=i_grtagging&nodia=1&text=lexform&req=И+«бархатная»+революция+в+МХАТе+не+состоялась (дата обращения : 10.11.2021).

³⁷ Бухбиндер А. Бархатная революция // Национальный корпус русского языка. URL : https://processing.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&api=1.0&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&dpp=&spp=&spd=&mydocsize=&mode=main&lang=ru&sort=i_grtagging&nodia=1&text=lexform&req=Алан+Темпльтон+ (дата обращения : 13.11.2021).

³⁸ В Минске начались задержания участниц «блестящего марша» // Взгляд. 2020, 19 сентября. URL : <https://vz.ru/news/2020/9/19/1061302.html> (дата обращения : 13.11.2021).

³⁹ Поющая революция // Википедия. 2010, 9 января. URL : https://ru.wikipedia.org/wiki/Поющая_революция (дата обращения : 10.11.2021).

ных. Иначе говоря, единицы этой группы скреплены сразу двумя факторами: общностью субстантивного компонента *власть* и строгостью числового ряда.

Любопытно, что первые три возможных единицы ряда в речевой практике встречаются редко, то есть невозможно признать за сочетаниями **первая власть*, **вторая власть*, **третья власть* статус реально функционирующих устойчивых сочетаний, так как нет достаточного количества подтверждений их употребительности, несмотря на то, что у говорящего или пишущего, который апеллирует, как правило, к наиболее «стабильной» единице из этой системы языковых знаков (*четвертая власть*), есть понимание того, какие общественные структуры подразумеваются. Обратим внимание, что в приведенном далее примере описывается вся «линейка властей», но фразеологизм употребляется только один: *«Литература не может претендовать на первые четыре властные позиции. Народными депутатами (законодательная власть) были С. Аверинцев, Е. Евтушенко, В. Астафьев – последствия неоцутимы. В исполнительной власти потрудились А. Приставкин, Е. Сидоров – плетью обуха не перешибли. В судебной писателю вовсе не место, он по природе своей не обвинитель, а защитник – частное и желательное честное лицо. Четвертая власть (СМИ) с писателями не церемонится»*⁴⁰.

Пристально нужно взглянуть и на выражение *пятая власть*, которое в словаре «Новых слов и значений» фиксируется как *‘публ. о коррумпированных и мафиозных структурах’*⁴¹. В то же время этому выражению в речевой практике приписываются различные значения: *‘блогосфера’*, *‘мир идей’* и др. (*«Но есть высшая власть, с моей точки зрения, это власть идей (есть даже такое понятие как идеократия). Эта власть называется пятой»*⁴²). Фразеологизм *пятая власть* интересен как раз тем, что он представляет собой потенциальный член подразумеваемого ряда, основанного на числовой последовательности, и при всей своей «потенциальности», которая обычно означает нереализованность, он функционирует в речи. Семантическая мощь категорий числа и счета имеет достаточный потенциал для появления уникального феномена: выражение *пятая власть* бытует прежде всего как «опустошенная языковая форма», которая постоянно ждет своего наполнения и совершенно безболезненно для себя и перспективы своего существования временно предоставляет свой «ресурс формы» в пользование носителям языка, желающим предложить свою версию в обсуждении управляющих начал и влиятельных игроков общественно-политической сферы. Примеры показывают, что говорящий может полагать под *пятой властью* церковь, идею, литературу и т. д.: *«Видимо, и желтая „четвертая власть“, и сусальная казенная религиозность (статья „пятой властью“ было бы ужасно прежде всего для самой Церкви!)»*⁴³; *«... Четвертая власть (СМИ) с писателями не*

⁴⁰ Новикова О., Новиков В. Пятая власть // Известия. 2005, 13 октября. URL : <https://iz.ru/news/307156> (дата обращения : 10.11.2021).

⁴¹ Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века : в 3 т. Т. 1 / отв. ред. Т.Н. Буцева. СПб. : Дмитрий Буланин, 2009. С. 321.

⁴² Рогожин В. Пятая власть – концептуальная власть // Четвертая власть. 2011, 26 апреля. URL : <https://www.4vsar.ru/articles/pyt-rossii/15308.html> (дата обращения : 14.11.2021).

⁴³ Соколянский А. Подлец? Кто подлец? // Национальный корпус русского языка. URL : <https://processing.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&api=1.0&mycorp=&mysent=&mysize=&mysent>

*церемонится: старательно доказывает, что литература была, а теперь ее нет. Мы-то протестуем, но захватывать „Останкино“ не отправимся. Не удастся. И не литературный прием. Нужна **пятая власть**, хоть телега современной жизни вроде и так катится без пятого колеса. Куда – вот вопрос»⁴⁴.*

Кроме того, любой ряд может спорадически пополняться другими фразеологическими единицами за счет окказиональных элементов (иногда авторских), например, ср. применительно к комментируемому материалу оборот *шестая власть* в книге Валерия Аграновского: «*А **шестая власть** (вы совершенно правы) – коррупция*»⁴⁵. Очевидно, что такие фиксации единичны и имеют совсем другой языковой «вес» (статус), несравнимый с устойчивым положением двух других номинаций.

Заметим, что количество номинативных реализаций обусловлено не столько возможностями языка, сколько умножением реалий, для которых потребовались названия.

Эвфемистический потенциал фразеологизмов, представляющих язык публичной дипломатии

Еще одна особенность фразеологизмов, давно оцененная лингвистами, предопределена, с одной стороны, их эвфемистическим потенциалом, с другой – проницаемостью публицистики, ее открытостью к чуждым, иноприродным, иностилистическим элементам. В тексты СМИ все чаще проникают научные термины и номинации, специфичные для официально-делового языка. Так, среди клише, составляющих журналистский языковой стандарт, получает все большее развитие кластер фразеологизмов, смыкающийся с языком публичной дипломатии. В этом случае на первый план выходит функция хеджирования. Эта особенность фразеологии коррелирует с ориентированностью политики и дипломатии на ослабление конфликтности коммуникации. Приведем в качестве примера выражение, к которому нередко прибегают в своих заявлениях официальные лица: *адекватный ответ* ‘реакция официальных государственных органов на политическое давление со стороны других участников политической, как правило международной, коммуникации; ответные меры давления, принуждающие к прерыванию попыток давления’: «*Президент Польши подписал закон „о сносе“ советских памятников, Госдума пообещала „адекватный ответ“*»⁴⁶; «*Как сообщил Пшидач, в связи с решением Белоруссии „о высылке очередных двух польских дипломатов“*»

size=&dpp=&spp=&spd=&mydocsize=&mode=main&lang=ru&sort=i_grtagging&nodia=1&text=lexform&req=пятой+властью (дата обращения : 10.11.2021).

⁴⁴ Новикова О., Новиков В. Пятая власть // Известия. 2005, 13 октября. URL : <https://iz.ru/news/307156> (дата обращения : 10.11.2021).

⁴⁵ Аграновский В. Вторая древнейшая. Беседы о журналистике // Национальный корпус русского языка. URL : https://processing.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&api=1.0&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&dpp=&spp=&spd=&mydocsize=&mode=main&lang=ru&sort=i_grtagging&nodia=1&text=lexform&req=шестая+власть+ (дата обращения : 10.11.2021).

⁴⁶ Президент Польши подписал закон «о сносе» советских памятников // Настоящее время. 2017, 17 июля. URL : <https://www.currenttime.tv/a/28621114.html> (дата обращения : 10.11.2021).

Варшава „оставляет за собой право **адекватного ответа**“ Минску»⁴⁷; «Недружественные шаги австралийских правящих кругов не останутся без **адекватного ответа** с нашей стороны»⁴⁸.

Невозможно представить, чтобы *адекватным ответом* была названа поддержка, оказываемая в качестве благодарности за чью-либо благосклонность, хотя, в сущности, это тоже ответ, притом тоже адекватный (‘соответствующий чему-либо’), однако анализируемое нами нейтральное выражение применяется исключительно к ситуации конфликта, о чем свидетельствует близкая сочетаемость, маркирующая предшествующие акту номинации действия другой коммуницирующей стороны как агрессивные и несправедливые: *адекватный ответ на игнорирование/на эскалацию репрессий/на усиление военной активности/на размещение танков/на конфронтационную политику*.

Заключение

Новая фразеология, изменяющаяся под влиянием экстралингвистических факторов, между тем сохраняет и развивает тенденции, обусловленные внутренней логикой развития языка:

– язык средств массовой информации пополняется фразеологизмами особого качества, а именно такими устойчивыми выражениями, которые обладают эвфемистическим потенциалом;

– идиомы образуют множества, внутри которых можно наблюдать своего рода интегративные механизмы, позволяющие взглянуть на эти группы как системно организованные;

– обзревая пространство современной общественно-политической идиоматики, можно констатировать пополнение отдельных тематических групп, в частности фонда обозначений общественно-политических акций;

– фразеологические выражения обладают манипулятивным потенциалом, который успешно используется как инструмент политтехнологий; с целью романтизации протестных событий, которые могут привести к трагедии как непосредственно в процессе мероприятия (смерть, увечье участников и пр.), так и в дальнейшей перспективе (военные действия, экономический спад в стране и др.), используются названия на основе переноса значения по смежности и сходству с понятиями, которые вызывают позитивные ассоциации.

Появление и функционирование проанализированных фразеологизмов в речи обусловлены тем, что говорящий или пишущий решает какую-либо прагматическую задачу. В общественно-политической среде его намерение особенно часто происходит из необходимости подобрать эффективные речевые средства для выполнения коммуникативных задач рекрутирования (по этому принципу разрабатываются названия общественных акций для вовлечения большего количества участников), ранжирования (для этого годятся фразеогруппы с градуированием понятий одного ряда) и хеджирования (непрямое обозначение позволяет снизить конфликтность коммуникации).

⁴⁷ Варшава заявила о праве на «адекватный ответ» Минску // ryb.ru. 2021, 12 марта. URL : <https://ryb.ru/2021/03/12/1745348> (дата обращения : 11.11.2021).

⁴⁸ МИД пообещал «адекватный ответ» на санкции Австралии // РБК. 2021, 31 марта. URL : <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/60649e869a794720b63874f5> (дата обращения : 11.11.2021).

Список литературы

- Благоева Д.* Синонимия в компьютерном жаргоне русского и болгарского языков // Электронно списание LiterNet. 2005. № 1 (62). URL : https://litenet.bg/publish13/d_blagoeva/sinonimija.htm (дата обращения : 22.10.2021).
- Бузарова Е.А., Сасина С.А.* Метафоризация профессиональных фразеологизмов как особый случай вторичной номинации (на примерах английского и русского языков) // Вестник Адыгейского государственного университета. 2006. № 3. С. 176–178.
- Вальтер Х.* Лексические и фразеологические неологизмы : общее и различное // Мир русского слова. 2011. № 2. С. 14–19.
- Гасек Б.* Несколько замечаний о мнимых фразеологических эквивалентах (на материале современного русского и польского языков) // Поволжский педагогический вестник. 2019. Т. 7. № 2 (23). С. 13–19.
- Генералова Е.В.* По барабану : лексико-грамматический статус и лексикографическое представление устойчивых двухкомпонентных предложно-падежных сочетаний // Вопросы лексикографии. 2021. № 19. С. 32–51. <https://doi.org/10.17223/22274200/19/2>
- Григоренко О.В.* Неофраземы в современном политическом медиадискурсе // Известия Воронежского государственного педагогического института. 2018. № 2 (279). С. 151–155.
- Гусельникова О.В.* Новые тенденции во фразеологии // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 5. С. 297–299.
- Дружиловска Д.М.* Некоторые характеристики языковых метафор во фразеологии делового общения на материале русского и польского языков // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия : Филология. Теория языка. Языковое образование. 2015. № 3 (19). С. 98–105.
- Елисеева О.В.* Механизмы фразеологизации словосочетаний в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2000. 23 с.
- Еремينا Н.К.* Лексика и фразеология компьютерного подъязыка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пенза, 2012. 26 с.
- Жуков А.В.* О потенциальности фразеологических единиц // Пушкинские чтения – 2018. Художественные стратегии классической и новой словесности : жанр, автор, текст : материалы XXIII Международной научной конференции. СПб. : Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, 2018. С. 371–380.
- Заварзина В.А.* Новая лексика и фразеология в тематической подсистеме «российское образование» // Вестник науки и творчества. 2016. № 5 (5). С. 162–167.
- Завьялова Н.А.* Идиомы и политика : седая старина или острейшие вопросы повседневности? // Политическая лингвистика. 2013. № 1 (43). С. 62–71.
- Зыкова И.В.* Разновидность процесса фразеологизации с позиций лингвокультурологического подхода // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2015. № 22 (733). С. 79–91.
- Мельник Ю.А.* Актуальные неологические процессы в русском языке новейшего времени (по материалам социолингвистических интернет-проектов) // Нефилология. 2019. Т. 5. № 17. С. 62–71. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2019-5-17-62-71>
- Мокиенко В.М.* Проблемы европейской фразеологической неологии // Słowo. Tekst. Czas: Mat. VI Międzynarodowej Konferencji Naukowej. Szczecin, 2002. S. 63–79.
- Никитин В.М.* Проблема классификации фразеологизмов и их относительная устойчивость и варьирование // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц : материалы межвузовского симпозиума. Тула : Тул. гос. пед. ин-т, 1968. С. 68–76.

- Новые слова и словари новых слов. 2020 : сборник научных статей / отв. ред. Н.В. Козловская. СПб. : ИЛИ РАН, 2020. 220 с. <https://doi.org/10.30842/9785604483862>
- Свиридова А.В. Некоторые аспекты развития фразеологической науки // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2013. № 7. С. 207–213.
- Чернова О.Е., Осипова А.А., Позднякова Н.В. «Мир никогда не будет прежним» : актуальные фразеологизмы в период пандемии коронавируса // Научный диалог. 2021. № 5. С. 140–153. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-5-140-153>
- Чурилина Л.Н. Интернет-дискурс как среда формирования новой фразеологии // Вестник Череповецкого государственного университета. 2020. № 3 (96). С. 126–135. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2020-3-96-11>
- Штицица Г.М. Фразеологизация свободных словосочетаний в русском языке XXI века // Вестник Брянского государственного университета. 2010. № 2. С. 236–239.
- Шулежкова С.Г. Русские и болгарские фразеологические неологизмы как объект словарного описания // Научный диалог. 2019. № 9. С. 173–189. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-9-173-189>
- Щетинина А.В. Лексика гражданского протеста в лингвокреативном сознании // Социокультурное пространство России и зарубежья : общество, образование, язык. Вып. 6. Екатеринбург : Ажур, 2017. С. 172–182.
- Юсупова С.М. Ценность свободы во фразеологии // Вестник Московского университета. Серия 22 : Теория перевода. 2017. № 2. С. 86–93.
- Blagoeva D., Sosnovski V., Kolkovska S. Phraseological innovations in Bulgarian and Polish languages // Balkanistic Forum. 2018. No. 3. Pp. 9–20.
- Cáceres-Lorenzo M.-T. Herencia medieval y neologismo en el léxico cromático de textos historiográficos en el siglo de Oro según el Corpus diacrónico del español // Neophilologus. 2021. No. 105 (4). Pp. 521–538.
- Gregor J., Tomášková E. Socio-political reality of Western countries in the mirror of Russian media : new lexis and phraseology // Slavica Slovaca. 2017. No. 52 (1). Pp. 27–34.

Сведения об авторах:

Леонтьева Татьяна Валерьевна, доктор филологических наук, заведующая кафедрой языков массовых коммуникаций, Школа государственного управления и предпринимательства, Институт экономики и управления, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Российская Федерация, 620002, Екатеринбург, ул. Мира, д. 19. Автор более 100 публикаций, член диссертационных советов. *Сфера научных интересов*: лексическая семантика, этнолингвистика, когнитивная лингвистика, диалектная лексика, дискурс, социоллингвистика, идеография, лексикография, социальная лексика русского языка. ORCID: 0000-0002-7213-1582. E-mail: t.v.leontieva@urfu.ru

Щетинина Анна Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры языков массовых коммуникаций, Школа государственного управления и предпринимательства, Институт экономики и управления, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Российская Федерация, 620002, Екатеринбург, ул. Мира, д. 19. *Сфера научных интересов*: лексическая семантика, когнитивная лингвистика, идеография, лексикография, социальная лексика русского языка, преподавание русского языка как неродного и иностранного. ORCID: 0000-0002-9085-8697. E-mail: anna-73.schetinina@yandex.ru

New Russian socio-political phraseology: development trends

Tatayna V. Leontyeva , Anna V. Shchetinina

*Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russia*

 t.v.leontieva@urfu.ru

Abstract. The results of observations on stable expressions limited to socio-political topics, extracted from modern publicist texts, are presented. The relevance of studying the new phraseology that appears and functions in media texts is due to the need to comprehend the society transformations and changes in socio-political realities. The purpose of the research is to characterize expressions in institutional relations, nominating power relations, and the phenomena of conflict communication as new phraseological units of the political sphere. The article introduces the new material: most of the studied phraseology have appeared relatively recently in the Russian language, is not recorded in dictionaries and was extracted from media texts and the National Corpus of the Russian language. In order to determine the model of phraseological nomination, the authors used the method of component analysis, and in order to formulate the meaning – the method of context analysis and reconstruction of the set expression meaning. Phraseological units that call public actions, social actors, forms of communication were analyzed. It is concluded that the emergence and functioning of the analyzed phraseological units in speech are due to the fact that the speaker or writer solves some pragmatic problem. In the socio-political environment, his intention especially often stems from the need to select effective speech means for performing the communicative tasks of recruiting (according to this principle, the names of public actions are developed to involve a larger number of participants), ranking (phraseological groups with grading concepts of the same row are used) and hedging (indirect nomination reduces the communication conflict).

Keywords: neology, phraseological unit, the idioms of the conflict, romanticizing of social conflicts, phraseogroup, hedging, the Russian language

Article history: received 04.12.2021; accepted 15.01.2022.

Acknowledgments: The study is supported by Russian Science Foundation, project No. 20-68-46003 “The Semantics of Unity and Animosity in Russian Lexis and Phraseology: Language System and Discourse.”

For citation: Leontyeva, T.V., & Shchetinina, A.V. (2022). New Russian socio-political phraseology: Development trends. *Russian Language Studies*, 20(2), 186–202. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-2-186-202>

DOI 10.22363/2618-8163-2022-20-2-203-216

Научная статья

Образ врага в русской фразеологии и паремиологии

В.М. Мокиенко

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия

✉ mokienko40@mail.ru

Аннотация. Интенсивность современных исследований, посвященных реконструкции языковой картины мира и лингвокультурологии, обусловила интерес к таким концептным оппозициям, как «друг» – «враг». Цель исследования – многоаспектный семантический анализ концепта «враг», проведенный на максимально полном русском фразеологическом и паремиологическом материале, представленном в словарном трехтомнике. Отмечается, что в корпус этих паремиологических словарей вошли как классические собрания русских пословиц и поговорок, так и извлечения из новейших диалектных словарей и записи самих составителей. При таком подходе концепт «враг» получает детализированную характеристику с учетом всего набора паремиологических вариантов. Тем самым обеспечивается возможность структурно-семантического моделирования анализируемой паремиологии, благодаря которому выявляются доминанты концепта «враг». Одна из задач анализа – определить, в какой мере и каким способом семантические характеристики лексемы «враг» и некоторых ее синонимов реализуются в составе паремий трех типов – устойчивых сравнений (компаративов), поговорок (resp. фразеологизмов) и пословиц. Выявленные семантические доминанты коррелируются с характеристиками концепта «враг» в толковых словарях. Предложенный анализ показывает, что концепт «враг» и представленные им лексемы составляют активную часть фразеологического и паремиологического фонда русского языка. Слово «враг» (ворог), образующее основную часть этого фонда, сохраняет древние семантические импульсы и актуализируется в русских паремиях. При этом семантические характеристики соответствующего лексикона во многом определяют коннотативный и аксиологический потенциал пословиц и поговорок. В то же время количественно и качественно они представлены в них по-разному. С одной стороны, такие различия наблюдаются в трех разных группах русской паремиологии: в составе устойчивых сравнений они относительно немногочисленны, в качестве компонентов фразеологизмов семантически избирательны, как образные доминанты пословиц чрезвычайно активны и многоаспектны. Их образность, воспроизводящая как древнюю, так и современную семантику и коннотативность этого концепта, позволяет реконструировать яркий и многомерный «образ врага» в зеркале русского языка.

Ключевые слова: концепт, друг, враг, фразеология, паремиология, пословица, поговорка, структурно-семантическая модель паремий, русский язык

История статьи: поступила в редакцию 06.11.2021; принята к печати 18.12.2022.

© Мокиенко В.М., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Благодарности: Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда (проект № 20-68-46003 «Семантика единения и вражды в русской лексике и фразеологии: системно-языковые данные и дискурс»).

Для цитирования: *Мокиенко В.М.* Образ врага в русской фразеологии и паремиологии // *Русистика*. 2022. Т. 20. № 2. С. 203–216. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-2-203-216>

Введение

При интенсивности современных исследований, посвященных реконструкции языковой картины мира и лингвокультурологии, такие концептные оппозиции, как «друг» – «враг», естественно, не остались без внимания лингвистов (Н.Н. Балабас, О.М. Лунцова, В.Ю. Орлова, О.Е. Похаленков, Й. Кириллова, К.Н. Капитанова и др.). Положительному полюсу этой оппозиции, как нам кажется, уделяется большее внимание (Мокиенко, 2021), чем отрицательному. Но и концепт «враг» стал объектом анализа на материале разных языков. Чаще всего он рассматривается именно в контексте названной оппозиции. Так, на французском материале Н.Н. Балабас раскрывает смысловое содержание вербальных средств выражения ключевых и универсальных концептов *amitié* (дружба) и *hostilité* (вражда), которые автор справедливо относит к универсальной антропоцентрической парадигме (Балабас, 2010). О.М. Лунцова предлагает сопоставительный лексико-фразеологический анализ градиент-концепта «дружба – мир – вражда» в русской и английской лингвокультурах (Лунцова, 2007). В.Ю. Орлова интересуется языковая реализация концепта «враг/enemy» в английском языке на фоне русского (Орлов, 2013). Для О.Е. Похаленкова (Похаленков, 2011) концепт «враг» становится ключевым при характеристике контактных связей и типологических схождений в творчестве Э.М. Ремарка и советской «лейтенантской прозе» 1950–1960-х гг. Развернутую характеристику концептов «друг – враг» в болгарской языковой картине мира на паремиологическом материале предлагает Й. Кириллова (Кириллова, 2013). К.Н. Капитанова демонстрирует дидактические возможности реализации концепта «враг» в школьной практике, используя собрание В.И. Даля «Пословицы русского народа».

Слово «враг» ‘беспощадный противник, непримиримый недруг, безжалостный супостат, вступающий в военные действия лично против субъекта’ привлекает внимание лингвистов и лингвокультурологов как прямолинейный опозит лексеме «друг». Не случайно ему уделено особое место в «Словаре русской ментальности» В.В. Колесова, где, как видно из приведенной дефиниции, враг толкуется с помощью синонима «недруг». Здесь же предлагается и развернутая характеристика этого концепта, маркирующего специфику русского менталитета: «Как средоточие злости (изверг), расширительно отождествляется со всем мировым злом (противник рода человеческого, дьявол, сатана). Враг не статичен по отношению к субъекту как противник, но проявляет себя в действии и требует ответного действия, в отличие от оценочно нейтрального неприятеля являясь объектом эмоционального отношения (от страха до ненависти, вражды) и оценки (вражина). В то же время

Враг может лицемерить и надевать личину друга, поэтому человек всегда должен быть осторожен („что не должен знать враг, не говори другу“) и не поддаваться на обман („если враг кажется мышью, смотри на него как на льва“»). Далее (со ссылкой на М.М. Маковского) отмечается, что понятие «враг» соотносится с понятием «потусторонний, находящийся на периферии», что коррелирует его с понятием «волк», также восходящим к понятию «чужой».

Семантическая эволюция слова «враг», по мнению В.В. Колесова, отражена в нашем языке хронологически: др.-рус. из ст.-сл. В значении ‘ненавидный, враждебный’ – ‘черт, враг (рода человеческого)’ (1037) и ‘противник, недруг’ (XII в.) при русской форме «ворог» ‘противник’ (1095), ‘недоброжелатель’ (1147) или ‘злодей’ (1175), а впоследствии ‘колдун’ (ворожит). В современном же русском языке значение этого слова обрело определенную расширительность: ‘о принципиальном противнике’, ‘о том, кто приносит зло’ (ср. диал.: врагун, врагуша ‘враг, недоброжелатель, недруг’). Петербургский историк языка приводит и целый ряд эпитетов, ярко подчеркивающих актуальную негативную оценочность слова «враг»: «безжалостный, бессильный, внешний, внутренний, дерзкий, злейший, злой, кровный, лукавый, лютый, наглый, невидимый, непримиримый, принципиальный, подлый, убежденный, хищный, яростный». К этому ряду можно добавить и ставшее устойчивым словосочетание «заклятый враг» – ‘вековечный, непримиримый’, непримиримость к которому скреплена ритуалом заклинания, заклития. Отсюда – оксюморонность современных шутивно-иронических выражений «заклятый друг» и «неразлучный враг».

Цель исследования – показать, как намеченные В.В. Колесовым и описанные в толковых словарях семантические доминанты лексемы «враг» и ее синонимов отразились в русской фразеологии и паремиологии. Тем самым предлагается многоаспектный семантический анализ концепта «враг» на максимально полном русском фразеологическом и паремиологическом материале. Одна из задач анализа – определить, в какой мере и каким способом семантические характеристики лексемы «враг» и некоторых ее синонимов реализуются в составе паремий трех типов – устойчивых сравнений (компаративов), поговорок (resp. фразеологизмов) и пословиц.

Методы и материалы

Материалами для исследования послужили пословицы, поговорки и устойчивые сравнения, зафиксированные в трехтомном паремиологическом словаре, редактором и одним из составителей которого был автор статьи. В корпус этих паремиологических словарей вошли как классические собрания русских пословиц и поговорок, так и извлечения из новейших диалектных словарей и записи самих составителей. Количественно этот материал в семь раз превышает словник классического собрания В.И. Даля «Пословицы русского народа» и насчитывает в целом около 300 000 паремий. Такой материал соответствует принципу лексикографической полноты, сформулированному Б.А. Лариним (Мокиенко, 1999), и обеспечивает системность лингвистического анализа. В исследовании применялись сравнительно-исторический,

лингвокультурологический и лингвокогнитивный методы. Особое внимание уделено методике структурно-семантического моделирования паремий, разработанной автором статьи (Мокиенко, 1989).

Результаты

В результате комплексного исследования концепт «враг» получает детализированную характеристику с учетом всего набора паремиологических вариантов, обеспечивающего возможность структурно-семантического моделирования анализируемой паремиологии. Благодаря такому подходу выявляются доминанты концепта «враг». Анализ показывает активность и динамизм паремиологии, характеризующей концепт «враг». Лексемы, номинирующие этот концепт, сохраняют древнюю праславянскую семантику, которая получает в паремиологической системе креативное развитие и особую коннотативность. При этом анализ демонстрирует существенные количественные и качественные различия в трех структурно-тематических группах русской паремиологии – устойчивых сравнениях, поговорках и пословицах. Общим для этих групп при этом остается их аксиологическая доминанта – негативная оценочность концепта в паремиологическом воплощении.

Обсуждение

Глубокое погружение в этимологию слова «враг» позволяет выявить диахроническую последовательность филиации его значений. Показательно, что этимологические словари восточнославянских языков помещают слово «враг» под его полногласным вариантом «ворог» (вораг), считая (как увидим, справедливо) неполногласную форму «враг» старославянским заимствованием (врагъ). Значения его в славянских языках в целом обнаруживают сходство, характеризуя человека, противопоставленного «другу», но в некоторых из них допускают конкретизацию, обозначая ‘убийцу’: рус. устар. и разг. и укр. *ворог* ‘недруг, злодей’, бел. *вораг*, пол. *wróg* ‘враг’, чеш., слвцк. *vrah* ‘убийца’, в.-луж. устар. *wróh*, болг. *враг* ‘недруг’, макед. *враг* ‘черт, дьявол’, словен. *vróg* ‘черт, дьявол’, ст.-слав. *врагъ* ‘враг, дьявол’. Все они восходят к прасл. **vorgъ* ‘враг, злодей’ – вероятное производное от глагола **vьrgati* ‘бросать кидать’, родственное лит. *vargas* ‘горе, беда, злыдни’, латыш. *vargs* ‘слабый, напрасный, причиняющий зло’ и др. В основе этих слов, возможно, лежит и.-е. корень **urg* – ‘преследовать, бросать, мучить’. Поскольку и.-е. **urg* (*ureg*) значило и ‘гнать’, то исходное значение прасл. **vorgъ* реконструируется и как ‘изгнанный из рода, выброшенный, извергнутый’ – ср. ст.-сл. *извергъ* и рус. *изверг* и фразеологизм «изверг рода человеческого» (Трубачев, 1959: 176).

Некоторые этимологи считают прасл. **vorgъ* заимствованием из германских языков: др.-норв. *vargr*, швед., норв., датск. *varg* ‘волк’. А др.-норв. *vargr* и др.-англ. *wearg* обозначало также преступника, разбойника, злодея. При этом др.-сакс. и др.-верхн.-нем. *warg* ‘разбойник, преступник’ восходит к готск. *ga wargjan* ‘проклинать’. Следовательно, такой ‘злодей, убийца человека’ провозглашался «волком на священном месте», то есть нигде не желанным, проклипаемым существом, отвергаемым людьми, к которому люди имели право относиться как к волку, попавшему на священное место. Отсюда понятно, что

у славян «враг» был не только ‘убийца’, но и вообще – ‘недруг, неприятель’. В германских языках слово было табуизировано. Признает связь этого слова с др.-норв. и другими германскими языками в значении ‘волк’ и автор словенского этимологического словаря, реконструируя исходную семантику для прасл. * *vogǫ* ‘мучитель, палач’. По мнению автора хорватского этимологического словаря, о том, что прасл. * *vogǫ* имело исходное значение ‘недруг, который убивает, убийца’, свидетельствует прасл. **vraǫьda* (по модели **pravьda*, **krivьda*), которое обозначало кровную месть, круговое убийство, когда собирались все старейшины на суд за пролитую кровь убитого родственника и определялась плата за такое преступление, поэтому слово **vraǫьda* в разных славянских языках развило значения ‘убийство’ или ‘отношения и действия, проникнутые неприязнью, взаимной ненавистью’. Значение же ‘дьявол’ прасл. * *vogǫ* получило лишь с приходом христианства. Ср. также ум. форму от укр. ворог – вражена, вражча ‘чертенок’.

Как видим, исходное семантическое ядро слова «враг» с древнейших времен достаточно синкретично. Собственно, и в русском языке дифференциация его значений невелика. Так, толковый словарь под редакцией Д.Н. Ушакова выделяет пять значений, причем первые три из них достаточно близки друг к другу: «1. (как о мужчине, так и о женщине). Человек, борющийся за иные, противоположные интересы, противник. Классовый враг. Идеальный враг // Недоброжелатель, человек, стремящийся причинить вред. После этой ссоры мы стали врагами на всю жизнь. 2. только ед., собир. То же, что неприятель (во 2 знач. (воен. ритор.)). Человек, враждебно, неприязненно относящийся к кому-чему-н. Враг перешел нашу границу. 3. Все, что приносит вред, неприятности, зло. Язык мой – враг мой. Вино – его враг. 4. чего. Ненавидящий что-л., чувствующий отвращение к чему-н., противник чего-н. Я – враг спиртных напитков. 5. Дьявол, черт (церк. и прост.). Враг попутал». Близка к этому и филиация значений слова «враг» в современном толковом словаре под редакцией С.А. Кузнецова.

«Семантический диапазон, характерный для лексемы „враг“, в разной степени свойственен и некоторым ее синонимам, количество которых довольно значительно: антагонист (книжн.), ворог (народн.-поэт.), вражина (разг.), недруг, противник, супостат (устар.), супротивник (устар.). 1. зложелатель, злопыхатель, недоброжелатель, недоброхот (устар.), ненавистник, *противная сторона (разг.). 2. недруг (народн.-поэт.), неприятель, *военный противник. 3. см. дьявол. Враг попутал; враг рода человеческого» (Кожевников, 2009: 104).

Известно, что в составе фразеологизмов и пословиц их словные компоненты семантически избирательны. Часть из них сохраняет – точнее даже консервирует древнейшие значения той или иной лексемы, другая – вписывает в состав воспроизводимых единиц общеизвестные значения, а часть – развивает свои собственные фразеологические и паремиологические коннотации. Избирателен здесь и тот набор синонимов компонента, ставшего стержнем фразеологизмов и паремий.

Посмотрим, какой семантический диапазон имеют интересующие нас языковые единицы с компонентом «враг» и некоторые ее синонимы.

Образ врага в русских устойчивых сравнениях

Компаративная фразеология использует «образ врага» выборочно – лишь в двух значениях слова «враг», отмеченных словарями, а именно – в первом и пятом.

В первом значении это характеристика человека, который борется за иные, чем у противника и вредоносного недоброжелателя, интересы, отражена в семи сравнениях (в неполногласной и полногласной форме): *как враг, смотреть/посмотреть на кого как на врага народа; услужливый дурак опаснее врага* (последнее сравнение представляет собой цитату из басни И.А. Крылова «Пустынник и медведь», пословица вошла и в собрание В.И. Даля); *добивался что города, избываю что ворога, лошадь холь (корми) как сына, а берегись как ворога; биться как вороги; (делать что) как вороги* [лютые].

В пятом значении лексема как номинация дьявола, черта более востребована в народных сравнениях, что можно объяснить более высокой квотой образности в этой семантике по сравнению с оценивающим, но безобразным значением 'враг': *гудеть как враг (кричать как враг); как враг наторочил кому что* (букв. «как черт предсказал (нагадал, надоумил)»); *кричать (орать) как враг; трясоголовый как враг* (трясоголовый – 'болтливый'); *худющий как враг*.

Ср. также выражения с производными слова «враг» в этом же демонологическом значении «вражененок» – чертенок и «вражина» – нечистая сила: *(ребятишки) как враженята; как вражина; будто ворогуша кого подхватила*, где ворогуша – лихорадка.

Устойчивые сравнения образуются и с синонимами слова «враг». Так, компонент недруг входит в состав однотипных пословиц исключительно в первом значении – 'противник, вредоносный недоброжелатель': *в недруге стрела как копьё; в недруге стрела как во пне; в недруге стрела что (как) во пне, а в друге [стрела] – что (как) во мне*. Выражения имеют общее значение восприятия своей и чужой боли.

Компонент «противник» зафиксирован лишь в значении, синонимичном значению «враг» 'черт, бес, дьявол' в одном диалектном компаративе: ругаться противником 'бранясь, употреблять слова'. Своеобразной серией диалектных устойчивых сравнений, отражающих «образ врага», являются обороты с компонентами «сведенцы», «сведенки», «сведеньши» 'сводные дети', «сведеник» 'сводный сын или брат'. Все они отталкиваются лишь от первого значения синонима слова «враг» 'противник, вредоносный недоброжелатель': *сидеть [молча] как сведенцы; Что вы точно сведенцы!* (фраза, когда мать разнимает детей, когда они начинают браниться); *терпеть друг друга не могут как два сведеника; браниться будто сведеники; жить как сведеники* и др. Характерно при этом, что одно из таких сравнений прямо семантизируется с помощью слова «враг»: *аки свиденцы*.

Образ врага в русских фразеологизмах (resp. поговорках)

Компонент «враг» и его синонимы развивают в составе некомпаративной фразеологии более разнообразные, иногда диффузные и насыщенные экспрессией значения. Нами выявлено пять значений:

1. Характеристика человека, борющегося за что-либо противоположное интересам противника, отражена в 21 фразеологизме. При этом такая семан-

тика без дополнительных коннотаций воспроизводится, пожалуй, лишь в одном из них: *врагу не пожелаешь* ‘народн. неодобр. о чем-л. очень плохом, скверном’. Ряд других называет политические реалии: *враг народа* ‘полит., разг. политический преступник в годы репрессий’; по этой же модели в уже другом времени и иной политической ситуации образовано выражение «враг перестройки» ‘публ. неодобр. противник изменений в обществе’; *образ врага* ‘публ., полит. совокупность насаждаемых пропагандой представлений о ком-л., о чем-л. как о чуждой силе, представляющей опасность’.

Некоторые из таких оборотов в современном диалектном и социолектном узусе претерпевают карнавализацию, становясь шутливо-ироническими характеристиками бытовых явлений: *враги народа* ‘селигер. бран. о разбежавшихся курицах’; *враг народа* ‘жарг. мол. шутл. то же, что враг детей’; *враг детей* ‘жарг. мол. шутл. презерватив’.

Шутливо-ироническое преобразование некоторых свободных словосочетаний приводит и к возникновению фразеологических жаргонизмов: *партизаны в тылу врага* ‘жарг. шк. шутл.-ирон. ученики в учительской’; *в тылу врага* ‘жарг. шк. шутл.-ирон. о сидящих на первой парте’, ‘жарг. шк. об ученике в учительской’, ‘жарг. арм. ирон. о солдатах в самовольной отлучке из части’.

2. Характеристика человека, враждебно, неприязненно относящегося к кому-чему-н., отражена в 2 фразеологизмах, имеющих военно-риторическую окраску. Один из них – устаревший, восходящий к Библии (1 Кор. 15.25): *положить вся враги под ногама своими* ‘устар. победить врага’. Второй – диалектный, но, возможно, также навеянный старообрядческими библейскими реминисценциями: *враг-супротивник* ‘Низ. Печора. Противник, враг, неприятель’.

3. Реализуется фразеологическими средствами и значение ‘все, что приносит вред, неприятности, зло’: *белый враг* ‘публ. соль’, ‘сахар’.

4. Близки по стилистической тональности к перифразам 3-го типа и обороты, где слово «враг» имеет значение ‘ненавидящий что-л., чувствующий отвращение к чему-н., противник чего-н.’: *враг бутылки* ‘разг. шутл.-ирон. трезвенник’; *враг солдата* ‘жарг. арм. шутл. водка’. Последний оборот – результат семантической конденсации пословицы «Водка – враг солдата, а солдат врагов не боится».

5. Самым активным во фразообразовательном отношении в народно-просторечной сфере является демонологическое значение ‘дьявол, черт, нечистая сила’: *враг дернул за язык кого* ‘прост. неодобр. о чем-л. сказанном необдуманно, некстати’; *враг знает что, кого* ‘сиб. ничего неизвестно о чем-л., о ком-л.’; *враг креста Христова* ‘пск. (1607) о сатане, дьяволе’; *не подстереги враг лихого слова* ‘прост. не сглазить бы, не навлечь беды’; *сопленосый враг* ‘перм. бран. (1967) о грязном, неопрятном и злобном человеке’ и др.

Только к этому последнему демонологическому значению относятся и диалектные фразеологизмы с производными слова «враг»: *ворогуша* ‘нечистая сила’, ‘лихорадка’ и *вражонок* ‘бесенок, чертенок’: *ворогуша несет (принесла) кого* ‘новг. неодобр. о нежелательном приходе кого-л.’; *ворогуша носит кого* ‘новг. неодобр. о проказнике, хулигане’; *ворогуша проклятая* ‘смол. бран. о неприятном, приносящем зло человеке’; *Как бы у тебя не уши, был бы*

ты вместо ворогуши ‘арх. шутл-ирон. (1877). поговорка о старой и недоброжелательной женщине’; *вражонок попутал кого* ‘вят. неодобр. кто-л. поддался соблазну сделать что-л. предосудительное’ и др.

Такие диалектные фразеологизмы с компонентом-производным от слова «враг» в полногласной форме, как кажется, позволяют опровергнуть утверждения некоторых этимологов, приведенные выше, о книжном, старославянском источнике демонологического значения слова «враг», «ворог». Не случайно именно оно весьма активно востребовано в сербской и хорватской фразеологии с компонентом «враг». Скорее всего, и эта семантика – наследие древнего праславянского этимона *vorgъ.

Образ врага в русских пословицах

Образ врага наиболее ярко, множественно и диалектично представлен в паремиологии. Компонент «враг» и его синонимы в составе пословиц полифонично отражают как коннотативную оценку этой лексемы, так и дидактические истины, характеризующие отношение к недругам и возможности борьбы с ними.

Враг. Характеристика человека (коррелирует с первым значением из словаря под редакцией Д.Н. Ушакова), борющегося за иные, чем у противника и вредоносного недоброжелателя, интересы, в зеркале паремиологии многогранна и детализирована. Наметим ее общие семантические контуры.

1. Враг (ворог) последовательно выступает как отрицательный антипод друга. При этом, однако, парадоксально, но факт: положительная оценка друга в этой оппозиции представлена лишь ограниченным числом пословиц: *Не щади врага – сбережешь друга; Чем врагу яму рыть – построй дом другу; Враг врага всегда друг.*

Паремиологическая мудрость и здесь диалектична, ибо далеко не всегда можно с уверенностью определить границу между истинным другом и врагом: *Где враг, где друг, не узнаешь вдруг.* При этом большинство пословиц в этом оппозиционном «тандеме» выражает такое же (если не большее) недоверие к другу, как и к врагу (ворогу): *Самый опасный враг – это твой друг; Не бойся врагов нападающих, бойся друзей, льстящих тебе; Нет заклателей (опаснее) врага, как обиженный друг; Лучшие иметь откровенного врага, чем лживого друга; Что враг, что плут – только в земле тебе друг; Лучшие умный враг, чем глупый друг и др.*

Ср. также ряд пословиц, где концепт «друг» не выражен соответствующей лексемой, а представлен имплицитно: *Не тот враг, что перед тобой, а тот, что за спиной; Домашний враг сильнее всего; Тайный враг опасный самый; Тайный враг страшнее явного; Враг не тот, кто говорит, а тот, кто предаст; У счастливого врагов много; Ворогу – коровушку, доброту – две (где доброт – доброхот).*

Недруг как синоним слова враг столь же активен как компонент пословиц, хотя частотность его семантических характеристик неодинакова.

Так, слово «недруг» последовательно выступает как отрицательный антипод друга. В отличие от оппозиции компонентов «враг» – «друг», где последний ее член представлен чаще негативно, здесь положительная оценка друга эксплицирована очень большим числом пословиц. В таком «тандеме»

характеризуются конкретные нюансы противопоставлений этих двух концептов: *У друга лучше пить воду, чем у недруга – меду; Жить было с другом, да помешал недруг; Друг терем ставит, а недруг гроб ладит; Друг – целый клад, недругу никто не рад; На службе – ни друга, ни недруга; Друг научит, недруг проучит; Друг спорит – недруг поддакивает; От друга отстал, а к недругу не пристал; Бедный знает и друга, и недруга; Другу и недругу закажу, и сам вперед не стану; И сам зарекусь (закаюсь), и другу и недругу закажу; У счастливого умирает недруг, [а] у несчастного друг.*

Единственным исключением в такой четкой аксиологической оппозиции является, пожалуй, пословица «Дай Бог недруга, да умного; а друг да дурак – наплачешься с ним!»

2. В ряде пословиц актуализируется значение безжалостности как свойства врагов: *Врага в слезах не утопишь; Врага лаской не возьмешь; Когда враг берет за ворот, то собака хватает за полы.*

То же значение отражено и в пословицах с синонимом слова «враг» – недруг: *Кручиною поля не изъездишь, а недруга слезами не утетишь; Дорога добра не выкупишь, а недруга слезами не утетишь; Что у меня болит, то у недруга не свербит; Сердцем копыя у недруга не переломишь; Зябнет сердце, видя недруга во лбе; Зябнет сердце, видя недруга своего.*

3. В некоторых пословицах подчеркивается необходимость решительно бороться с врагами всеми способами: *Чем сильнее враг, тем крепче держи кулак; Коль встал на врага, не жалей кулака; На врага злоба до гроба; Врага пощадить – в беду угодить; Что с врагом, что с ослом один разговор – батогом.*

В том же значении используется в составе пословиц и синоним слова «враг» – недруг: *Хотя себе досадить, а недруга победить; С недруга хоть шапка долой; Хребтом гоняя недруга, устал; Нахвалу недруга берегись.*

4. В пословица воплощается представление о том, что враги коварны, хитры и лживы; их надо хорошо знать и не доверять им: *У врага змеиная злоба – поглядывай в оба!; У врага ищи камень за пазухой; Врага лучше знать в лицо; Надо всем знать, как врага распознать; Учиться надо и у врага; От врага не жди пирога; Врагам не прощай, людям не завидуй; Не всяк враг, кто тебя опоганил и др.*

В том же значении используется в составе пословиц и синоним слова «враг» – недруг: *Вояка кормленный, да недруг примиренный – не надежное; Ведаючи недруга, не по что в пир ходить; Знаючи (Знавши) недруга – не почто в пир и др.*

5. Ряд пословиц акцентирует внимание на том, что все враги опасны, как сильные, так и слабые: *Все враги опасны; И слабого врага надо опасаться; Маленький враг – большая беда; Остерегайся врага, будь он хоть с муравья; Не бойся врага умного, [а] бойся врага глупого.*

6. Нужно помнить, что особо опасны враги, которые кем-либо возвращены и выпестованы: *Вспоил, вскормил на себя ворога; Без поя, без корма ворога не увидишь; Не вспоив, не вскормив, врага не наживешь; Не напоишь, не накормишь – врага не наживешь. Ср. пословицу с компонентом «недруг»: Не поя, не кормя недруга не наживешь.*

7. Одной из народных мудростей, воплощенных в пословицах, является утверждение «верный способ нажить врагов – дать им деньги взаймы»: *Если хочешь врага нажить – дай денег взаймы; Если хочешь врага нажить, так дай в долг денег!; Хочешь заиметь врага – дай в долг и др.*

8. В то же время пословицы гласят, что с врагами возможно примирение: *Помиришь с врагом – легче жить потом; Трех ворогов не держи себе, а с двумя помиришь.* Такие пословицы созвучны с одним из евангельских принципов: *Не мѣщай врагу; Не мѣщай врагу: пожди Господа, да ти поможетъ.* Ср. аналогичные пословицы с компонентом «недруг»: *Еще станешь беситься, когда не умеешь с недругом ужиться; Не вреди и недругу (и недруга).*

9. В то же время нужно помнить, что никто не бывает врагом самому себе или своим близким: *Сам себе никто не враг; Кто сам себе враг, кто злодей?; Сам себе ворог, что без денег в город и др.*

10. Враждебной человеку может быть и глубокая старость: *Долго живешь – врагом умрешь.*

Характеристика человека, враждебно, неприязненно относящегося к кому-чему-н. (коррелирует со вторым значением из словаря под редакцией Д.Н. Ушакова) получает в пословицах военно-риторическую стилистическую окраску, при этом актуализируются следующие значения:

– врагов-неприятелей нужно бить коллективом, объединяясь: *Один ворога не побьешь; Враг боек, да наш народ стоек; Если враг у ворот, за воротами весь народ;*

– с врагом необходимо расправляться безжалостно: *Бей врага не в бровь, а в глаз – таков народа наказ; Бей врага гранатой, пулей и лопаткой; Врагов не считают – их бьют; Когда бьют врагов, не надейся на Богов; Если враг не сдается – его уничтожают; Врага не бить – живу не быть; Лучшие врага бить, чем битым быть; Бей по врагу на каждом шагу и др.*

Заметим, что большинство этих пословиц в силу их риторичности навеяны патриотическими настроениями времен Великой Отечественной войны. Не случайно их источниками являются паремиологические сборники послевоенного времени. Некоторые из них даже маркированы соответствующим именословом, например: *Гони и бей врага, как бил Чапай; Громи врага по-советски, бей врага по-молодецки; Всем врагам отпор будет дан, как у озера Хасан.*

Близки к типу пословиц с патриотической стилистикой и пословицы с компонентом «недруг»: *Сбруя добра при рати, чем [бы] недруга попрали; Сбруя при рати недруга карати:*

– поражение врага неизбежно: *Собрался враг пировать, да пришлось ему бежать; Враг хотел пировать, а пришлось горевать; Как враг ни пыжится – будет ему ижица; Русский бьет, где враг не ждет и др.;*

– близкий коварный и скрытый враг опаснее дальнего неприятеля: *Грозен враг за горами, а грозней за плечами; Открытый враг – к победе шаг.*

Соотношение с третьим значением слова «враг» из словаря под редакцией Д.Н. Ушакова представлено только в двух пословицах: «Язык мой – враг мой» и «Лучшее – враг хорошего». При этом первая пословица представлена в литературном языке и народной речи в разных вариантах, например: *Язык мой – враг мой; Язык мой – враг мой: прежде ума моего рыщет и др.*

Вторая пословица фиксируется лишь в последнее время, причем в первом словаре приводятся только современные контексты (Б. Поплавский «Аполлон Безобразов» и «Час пик»).

«Дуэтность» пословиц с абстрактным значением слова «враг» – знак их «нерусскости». И действительно: историко-этимологический экскурс позволяет доказать, что они – кальки с европейских паремий.

Сама высокая назидательная стилистика первой пословицы выдает ее книжное происхождение. В то же время обилие вариантов свидетельствует о том, что она успела давно укорениться в русском языке. Это и понятно: ведь источник пословицы – Священное Писание. М.И. Михельсон приводит целый ряд библейских афоризмов, «подсказавших» ее рождение в русском языке: *Уста глупого – близкая погибель; Язык глупого – гибель для него; Кто даст мне стражу к устам моим и печать благоразумия на уста мои, чтобы мне не пасть чрез них и чтобы язык мой не погубил меня!* и др. Именно соотнесение с такими сентенциями позволяет признать его статус как библеизма.

Судьба второй пословицы в русском языке несколько иная. Как мы видели, она активизировалась в последнее время. Любопытно, что в начале прошлого века ее зафиксировал в форме «Лучшее есть враг хорошего» М.И. Михельсон, но – в отличие от большинства словарных статей его двухтомника – в этой словарной статье нет ни одного контекста, что может свидетельствовать о том, что это была свежая (может быть даже авторская) калька с европейских языков. Тем более, что сам М.И. Михельсон их и приводит: нем. *Das Bessere ist oft des Guten Feind* (букв. «Лучшее – враг хорошего»); англ. *Striving to better, oft we mar what's well* (букв. «Ища лучшее, часто ухудшаем (теряем) хорошее». В. Шекспир «Король Лир»); фр. *Le mieux est l'ennemi du bien* (Вольтер); итал. *Il meglio è il nemico del bene* (Бокаччо). Они восходят к латинской пословице *Spe meliori amittitur bonum*.

Четвертое словарное определение слова враг ‘ненавидящий что-л., чувствующий отвращение к чему-н., противник чего-н.’ в качестве компонента пословиц отсутствует.

В то же время пятое значение, связанное с семантической мифологемой «враг» как ‘дьявол, черт’, в составе русской паремиологии довольно активно. Характерно, что многие «ипостаси» нечистой силы в зеркале пословиц органично вписываются в соответствующую «картину мира», созданную Н.И. Толстым в его очерках «Каков облик дьявольский?» (Толстой, 1976) и «Откуда дьяволы разные?» (Толстой, 1974). Так, дьявол:

– вездесущ и агрессивен: *Врагу места много* (ср. пословицу со словом «ворогуша» ‘враг, ворог’, ‘дьявол’, имеющим, как кажется, также «пространственное» значение: *В чужую часть не ворогушей (не ворогушею) впасть*);

– обладает недюжинной силой, принося несчастья, разрушения: *Силен враг и горами качает* [а людьми что вениками трясет] и др.;

– охотится за человеческими душами: *Враг рыщет, в душу лазейку ищет*;

– оборотень, то есть способен к перевоплощению и к превращению каких-л. существ в людей или животных: *Враг и таракана выдаст за великана* (ср. *Не смога со врага – да черта в рога; Покинь врага – возьми черта за рога*);

– боится осенения крестом, с ним могут помочь бороться обереги, запреты: *Не поминай врага, а то он тут же явится и сделает гадость; Закрести (перекрести) врага, и он присмирееет.*

К последнему типу можно, пожалуй, условно отнести и две пословицы, где враг выступает в обличье волка: *Враг, что волк: без зубов не бывает; Не ставь врага овцою, а ставь волком.* Ср. также: *Волк кормленный, конь леченый, жид крещеный, да недруг замиренный; Не ставь недруга овцою, а ставь его волком; Не считай недруга овцою, считай волком.*

Здесь уместно вспомнить приводимый выше этимологический и мифологический параллелизм прасл. *vorgъ.

Заключение

Концепт «враг» и представленные им лексемы составляют активную часть фразеологического и паремиологического фонда русского языка. Слово «враг» (ворог), образующее основную часть этого фонда, сохраняет древние семантические импульсы прасл. *vorgъ и актуализируется в русских паремиях, особенно – в народных пословицах и поговорках. При этом семантические характеристики соответствующего лексикона во многом определяют коннотативный и аксиологический потенциал пословиц и поговорок. В то же время количественно и качественно они представлены в них по-разному. С одной стороны, такие различия наблюдаются в трех разных группах русской паремиологии: в составе устойчивых сравнений они относительно немногочисленны, в качестве компонентов фразеологизмов (resp. поговорок) семантически избирательны, как образные доминанты пословиц чрезвычайно активны и многоаспектны. Их образность, воспроизводящая как древнюю, так и современную семантику и коннотативность этого концепта, позволяет реконструировать яркий и многомерный «образ врага» в зеркале русского языка. Перспективой будущего исследования данной проблемы представляется широкое сопоставление русской паремиологии с пословицами и поговорками других языков и погружение в историко-этимологический анализ отдельных паремий, представляющий особый лингвокультурологический интерес.

Список литературы

- Балабас Н.Н.* Концепты «amitié» (дружба) и «hostilité» (вражда) во французском языке : дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 152 с.
- Кириллова Й.* Концепты «друг – враг» в болгарской языковой картине мира // *Славянский мир в третьем тысячелетии*. 2013. № 8–2. С. 254–283.
- Кожевников А.Ю.* Словарь синонимов современного русского языка. Речевые эквиваленты: практический справочник. М.: ОЛМА медиагрупп, 2009. 800 с.
- Лунцова О.М.* Градиент-концепт «дружба – мир – вражда» в русской и английской лингвокультурах (на материале лексики и фразеологии) : дис. ... канд. филол. наук. Магнитогорск, 2007. 260 с.
- Мокиенко В.М.* Новая русская фразеология. Opole : Uniwersytet Opolski : Instytut Filologii Polskiej, 2003. 168 с.
- Мокиенко В.М.* Паремиологическое пространство лексико-фразеологического комплекса «ДРУГ» // *Время языка : сборник статей памяти профессора Владимира Викторовича Колесова*. СПб. : Златоуст, 2021. С. 246–272.

- Мокиенко В.М. Принцип лексикографической полноты и славянская фразеология // Славянская филология. 1999. Вып. 8. С. 56–70.
- Мокиенко В.М. Славянская фразеология. М. : Высшая школа, 1989. 287 с.
- Орлов В.Ю. Языковая реализация концепта «враг/енему» // Успехи современного естествознания. 2013. № 8. С. 92–93.
- Похаленков О.Е. Концепт «враг» в творчестве Эриха Марии Ремарка и советской «лейтенантской прозе» 1950–1960-х гг. : контактные связи и типологические сходжения : дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2011. 224 с.
- Толстой Н.И. Из заметок по славянской демонологии. Каков облик дьявольский? // Народная гравюра и фольклор в России XVII–XIX вв. : материалы науч. конф. / под ред. И.Е. Даниловой. М. : Советский художник, 1976. С. 288–319.
- Толстой Н.И. Из заметок по славянской демонологии. Откуда дьяволы разные? // Материалы Всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам. 1974. Т. 5. № 1. С. 27–32.
- Трубачев О.Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М. : Изд-во АН СССР, 1959. 242 с.

Сведения об авторе:

Мокиенко Валерий Михайлович, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Российская Федерация, 620002, Екатеринбург, ул. Мира, д. 19; научный руководитель Межкафедрального словарного кабинета имени профессора Б.А. Ларина, главный научный сотрудник Института филологических исследований, профессор кафедры славянской филологии, филологический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11; профессор Института славистики, Грайфсвальдский университет имени Эрнста Морица Арндта (Германия); почетный председатель Фразеологической комиссии при Международном комитете славистов. *Сфера научных интересов*: славянская паремология, диалектная и ареальная фразеология славянских языков, сопоставительная фразеология, диалектология, лексикография. Автор более 700 публикаций в области лингвистики. ORCID: 0000-0002-0264-0576; SPIN-код автора: 10804012; Scopus ID: 55676245400. E-mail: mokienko40@mail.ru

DOI 10.22363/2618-8163-2022-20-2-203-216

Research article

Image of the enemy in Russian phraseology and paremiology

Valery M. Mokienko

*Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russia*

✉ mokienko40@mail.ru

Abstract. With the intensity of modern research devoted to the reconstruction of the linguistic world picture and cultural linguistics, such conceptual oppositions as “friend” – “enemy,” naturally, rose the scientific interest. The purpose of the study is a multifaceted semantic analysis of the concept “enemy” on the most complete Russian phraseological and paremiological material reflected in a three-volume dictionary. The corpus of these paremio-

logical dictionaries includes the classic collections of Russian proverbs and sayings, extracts from the latest dialect dictionaries and the records made by the compilers. With this approach, the concept “enemy” receives a detailed description, taking into account the entire set of paremiological variants. This ensures the possibility of structural-semantic modeling of the analyzed paremiology, and the dominants of the concept “enemy” are revealed. One of the tasks of the analysis is to determine to what extent and in what way the semantic characteristics of the lexeme “enemy” and some of its synonyms are implemented as part of three types of paremias – stable comparisons (comparatives), sayings (resp. phraseological units) and proverbs. The revealed semantic dominants correlate with the characteristics of the concept “enemy” in explanatory dictionaries. The proposed analysis shows that the concept “enemy” and its lexemes constitute an active part of the Russian phraseology and paremiology. The word “enemy” (vorog), which forms the main part of this fund, preserves the ancient semantic impulses and is actualized in Russian paremias. At the same time, the semantic characteristics of the corresponding lexicon largely determine the connotative and axiological potential of proverbs and sayings. However, quantitatively and qualitatively, they are represented in them in different ways. On the one hand, such differences are observed in three different groups of Russian paremiology: in stable comparisons they are relatively few in number, in phraseological units they are semantically selective, in proverbs they are extremely active and multifaceted. Their imagery, reproducing both ancient and modern semantics and connotation of this concept, allows to reconstruct a bright and multidimensional “enemy image” in the mirror of the Russian language.

Keywords: concept, friend, enemy, phraseology, paremiology, proverb, saying, structural-semantic model of paremias, Russian language

Article history: received 06.11.2021; accepted 18.12.2022.

Acknowledgments: The study is supported by Russian Science Foundation (project No. 20-68-46003 “The Semantics of Unity and Animosity in Russian Lexis and Phraseology: Language System and Discourse”).

For citation: Mokienko, V.M. (2022). Image of the enemy in Russian phraseology and paremiology. *Russian Language Studies*, 20(2), 203–216. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-2-203-216>

DOI 10.22363/2618-8163-2022-20-2-217-232

Научная статья

Устойчивые словесные комплексы, отражающие трансформацию менталитета славян в период христианизации

С.Г. Шулежкова

*Магнитогорский государственный технический университет имени Г.И. Носова,
Магнитогорск, Россия*

✉ shulezkova@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются вопросы, связанные с социально-исторической и аксиологической информативностью старославянских устойчиво словесных комплексов (УСК) применительно к истории формирования русской фразеологической системы. В центре внимания устойчивые словесные комплексы славянских памятников X–XI веков. Цель исследования – установить сквозь фразеологическую призму истоки ключевых ценностей славян, подвергшихся трансформации в период христианизации, и их сверхсловесных именовании. Новизна лингвистических поисков видится в том, что к анализу, помимо признанных каноническими, привлекаются источники, которые ранее не учитывались составителями старославянских словарей. Объектом исследования послужил корпус старославянских УСК, реконструированный на основе сплошной выборки из текстов, созданных в разных частях средневековой Славии. Для анализа языкового материала использованы сравнительно-исторический, лингвокультурологический, лингвокогнитивный методы исследования, а также приемы компонентного и контекстуального анализа. По результатам исследования внесены коррективы в представление о составе и характере деятельности средневековых христианских сообществ. Старославянские УСК свидетельствуют о том, что бывших язычников-русичей христиане привлекали своей безграничной верой в истинность учения Христа, их способность отстаивать свои убеждения, личное мужество, любовь к ближнему и милосердие. Актуальность исследования состоит в том, что в условиях глобализации христианские ценности, усвоенные восточными славянами во время христианизации, которая способствовала мощному взлету русской культуры, сегодня нуждаются в защите. Намеченный в данной работе путь открывает перспективу установления истоков русского фразеологического корпуса христианской тематики и закономерностей его формирования.

Ключевые слова: аксиологическая система, нравственные ценности, устойчивые словесные комплексы, русский язык, славяне, христианство, фразеология

История статьи: поступила в редакцию 16.11.2021; принята к печати 11.01.2022.

Для цитирования: Шулежкова С.Г. Устойчивые словесные комплексы, отражающие трансформацию менталитета славян в период христианизации // Русистика. 2022. Т. 20. № 2. С. 217–232. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-2-217-232>

Введение

Несмотря на то, что в статье речь идет о языке, который просуществовал как общий литературный язык славян только два века, неизменный интерес лингвистов к нему вполне объясним: Н.И. Толстой назвал «наличие международного надэтнического литературного языка» «самой яркой культурно-языковой особенностью средневековой Славии» (Толстой. Кирилло-мефодиевская традиция..., 1998: 49). Открытие старославянских рукописей в конце XVIII – начале XIX в. положило начало сравнительно-исторической славистике. В ней, помимо деятельности Кирилла и Мефодия, истории появления глаголицы и кириллицы, издания старославянских памятников, значительное место заняли исследования в области палеографии, фонетики и грамматики древнейших славянских текстов, что нашло отражение и в практике преподавания курса старославянского языка на славистических отделениях университетов России и Европы. Лишь во второй половине XX в. появились собственно старославянские словари. Первый из них увидел свет в Гейдельберге. Это был учебный словарь Л. Садник и Р. Айтцетмюллера, адресованный студентам, где славянская лексика из 20 рукописей, переданная латинской графикой, сопровождается комментариями на немецком языке¹. Почти 40 лет спустя под редакцией Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой в Москве был опубликован старославянский словарь по рукописям X–XI вв. В нем описано происхождение (с указанием их греческих аналогов) и значение около 10 000 старославянских слов из 18 памятников; приведены примеры употребления лексем с точной их «паспортизацией»². Параллельно в Болгарии шла работа над двухтомным словарем древнеболгарского литературного языка, который был издан под редакцией Д. Ивановой-Мирчевой в Софии³. Авторы этого словаря опирались на большее число источников X–XI вв., однако ограничились рукописями и надписями, выполненными на болгарской земле.

Успехи старославянской лексикографии способствовали активизации системного описания лексики общеславянского литературного языка Средневековья. По материалам «Старославянского словаря» 1994 г. руководителем Центра ареальной лингвистики Института славяноведения РАН Т.И. Вендиной была написана уникальная книга «Средневековый человек в зеркале старославянского языка» (Вендина, 2002). Позднее с ориентацией на тот же словарь известным славистом В.С. Ефимовой были опубликованы монографии «Старославянская словообразовательная морфемика» (Ефимова, 2006) и «Наименования лиц в старославянском языке» (Ефимова, 2011).

Несмотря на значительные успехи, достигнутые лингвистами за два с лишним века существования, у славистики остается немало нерешенных проблем. В связи с темой данной статьи остановимся только на двух из них. К числу острейших следует отнести, во-первых, проблему, связанную с составом ис-

¹ *Sadnik L., Aitzetmüller R. Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten. Heidelberg : Carl Winter-Universitätsverlag, 1955. 341 s.*

² Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) : около 10 000 слов / под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. М. : Русский язык, 1994. 842 с.

³ Старобългарски речник : в 2 т. / отв. ред. Д. Иванова-Мирчева. София : Валентин Траянов, 1999–2009.

точников изучения общеславянского литературного языка Средневековья. Большинство славистов не считают старославянскими рукописи X–XI вв., в том числе датированные, которые были созданы на восточнославянских землях. К *старославянским каноническим памятникам* обычно относят 18 рукописей, созданных в Болгарии, исключая богатейшее рукописное наследие восточных славян. Памятники X–XI вв., возникшие на территории Древней Руси, Р.М. Цейтлин включает в число «косвенных источников» изучения старославянского языка (Цейтлин, 1977: 12, 15–17).

С недооценкой значимости памятников восточнославянского происхождения, оказавших огромное влияние на формирование русского литературного языка, связана вторая проблема современной славистики – малая изученность фразеологического фонда старославянского языка. Ученые, которые во второй половине XX в. начали системно изучать старославянскую лексику, к возможности выделения фразеологизмов из старославянских текстов относились весьма скептически. Оправдывается такая позиция малочисленностью старославянских текстов, мнимой, по нашему мнению: ведь даже Остромирово евангелие, которое А.Х. Востоков обоснованно причислял к памятникам, наиболее близким к кирилло-мефодиевским переводам, большинством исследователей не признается старославянским. При таком подходе к источникам старославянского языка вполне ожидаемым оказалось высказывание Р.М. Цейтлин: «Следует учитывать, что в старославянском языке определить границы между устойчивым и свободным словосочетанием при ограниченности материалов, которые дают рукописи, нередко бывает чрезвычайно трудно» (Цейтлин, 1994: 52). Не случайно фразеологи-слависты конца XX – начала XXI вв. изучают по преимуществу современное состояние корпуса библейских устойчиво словесных комплексов (УСК). Из исследований этой тематики особого внимания заслуживают очерк известного польского фразеолога В. Хлебды *Biblizmy jako skrzydlate jednostki polszczyzny* (Chlebda, 2005; Chlebda, 2015), рассматривающего УСК библейского происхождения как крылатые языковые единицы; монография «Библейские фразеологизмы в русской и европейской культуре» (Дубровина, 2012) автора энциклопедического словаря библейских фразеологизмов⁴; сопоставительные исследования лидеров Фразеологической комиссии при Международном комитете славистов В.М. Мокиенко и Х. Вальтера (Мокиенко, 2010; Mokienko, 2018), являющихся одновременно авторами современных библейских словарей⁵, а также других – западнославянских, южнославянских и отечественных специалистов (Kozłara, 2007; Федуленкова, 2019; Balakova, 2020; Бакина, 2021 и др.).

Но историческая славистика не стоит на месте, ибо «...кирилло-мефодиевский вопрос, кирилло-мефодиевская традиция по-прежнему остается краеугольным камнем славянской исторической филологии, потому что это

⁴ Дубровина К.Н. Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов. М. : Флинта : Наука, 2010. 808 с.

⁵ Мокиенко В.М., Лилич Г.А., Трофимкина О.И. Толковый словарь библейских выражений и слов : ок. 2000 единиц. М. : АСТ : Астрель, 2010. 639 с.; Walter H. *Biblische Sprichwörter. Deutsch-Russisch-Polnisches Wörterbuch mit historisch-etymologischen Kommentaren*. Greifswald : Universität Greifswald, 2018. 158 s.

вопрос начала, исконности славянской письменной словесности, древних славянских литератур, литературных языков, наконец, славянского народного самосознания, без которого не могло быть ни славянской государственности, ни полноценного исторического развития славянских народов» (Толстой. Древняя славянская письменность..., 1998: 43–44). Во втором десятилетии XXI столетия были внесены коррективы в теоретические установки относительно источников изучения старославянского языка и старославянской фразеологии, а также в практическую словарную работу относительно возможности или невозможности выявлять УСК в старославянских текстах. Одному из ведущих палеославистов России, доктору филологических наук Е.М. Верещагину удалось поставить точку в извечном споре о месте Остромирова евангелия среди прочих памятников древнейшей славянской письменности. Сравнив месяцесловные записи Остромирова евангелия с месяцесловами древнейших рукописей болгарского происхождения, Верещагин установил: «...антиграф *Остр* был переписан до 885 г. (то есть еще при жизни Мефодия. – С.Ш.), антиграф *Сав* – после 885 г., а антиграф *Асс* – после 916 г.» (Верещагин, 2012: 470). Кроме того, фонетико-морфологический и лексический анализ памятника показал, что «*Остр* в целом написано на языке Кирилла и Мефодия (или, в согласии с привычным термином, на старославянском языке)» (Там же: 477). О богатстве старославянского корпуса УСК и его значимости для изучения истории русских фразеологизмов свидетельствуют результаты, полученные научными сотрудниками Магнитогорской словарной лаборатории (см., например, изданный в 2011 г. «Фразеологический словарь старославянского языка»⁶, публикующийся «Большой фразеологический словарь старославянского языка»⁷, а также теоретические работы: Мишина, 2007; Жигулина, 2013; Комшина, 2014; Шулежкова, 2017; Shulezhkova, Kostina, 2020 и др.). Анализ УСК X–XI вв. показал, во-первых, что созданные на территории Древней Руси рукописные тексты, объединенные христианской тематикой, одними и теми же временными рамками, близкие в жанровых проявлениях, не говоря уже о единой грамматической и фонетической системах, имеют общий с южнославянскими памятниками не только лексический, но и фразеологический состав. Во-вторых, общность фразеологического корпуса памятников, писанных в разных частях Славии, – доказательство реального существования в IX–XI вв. живого наддиалектного общеславянского *п्राзыка*. Активное же варьирование УСК – естественный результат при «диахроническом переводе библейских текстов» (см. об этом: Хухуни и др., 2021). В-третьих, фразеологический корпус старославянского языка является неопределимым источником для изучения влияния на средневековых славян христианства, которое оставило заметный след и в русской языковой картине мира.

Цель исследования – через анализ УСК старославянского языка реконструировать мир ценностей и идеалов новообращенных христиан-славян,

⁶ Фразеологический словарь старославянского языка : свыше 500 единиц / отв. ред. С.Г. Шулежкова. М. : Флинта : Наука, 2010. 415 с.

⁷ Большой фразеологический словарь старославянского языка: в 5 т. Т. 1 / гл. ред. С.Г. Шулежкова. М. : Флинта, 2020. 552 с.

доказав при этом значимость старославянского фразеологического корпуса христианской тематики как источника для изучения истории формирования концептов, которые занимают ключевые позиции в русской языковой картине мира.

Методы и материалы

Материалами для исследования послужили 32 памятника старославянского языка, созданные в разных частях средневековой Славии в X–XI вв. (включая рукописи, найденные на рубеже XX–XXI столетий, – Ватиканское евангелие X в., Новгородский кодекс первой четверти XI в. и часть Синайской псалтыри XI в.). По этим памятникам на основе сплошной выборки была создана фразеологическая картотека (около 4 500 единиц примерно в 25 000 употреблений). При анализе УСК в качестве основных мы руководствовались двумя принципами: прежде всего антропоцентризмом, а также и системностью, которая свойственна всем уровням языка, в том числе лексико-фразеологическому, где связь между языковыми единицами наиболее наглядно проявляется через синонимические, антонимические и гиперогипонимические отношения. При изучении фразеологического материала использовались сравнительно-исторический, лингвокультурологический и лингвокогнитивный методы исследования с привлечением приемов компонентного и контекстуального анализа.

Результаты

Наблюдения над фразеологическим корпусом старославянских памятников позволили убедиться, во-первых, в том, что, независимо от места появления рукописей, на обширной территории Славии в Средние века функционировал один и тот же общеславянский литературный язык. Во-вторых, стала очевидной недооценка лингвистами во второй половине XX – самом начале XXI вв. системы сверхсловных языковых единиц как источника описания старославянского языка и их роли в изучения истории русского языка и русского менталитета. В старославянских словарях этой поры описывалась лексика; что же касается УСК, то они, если и попадали в сферу внимания лексикографов, то помещались в словарных статьях, посвященных лексемам, которые играют роль компонентов в УСК. Кроме того, комплексное исследование УСК подтвердило наше предположение о высокой информативности старославянского фразеологического корпуса. Благодаря лингвокультурологическому и историко-этимологическому анализу сверхсловных языковых единиц была осуществлена реконструкция христианской прослойки в Римской империи эпохи Раннего Средневековья; установлено место, которое занимали христиане в структуре средневекового общества; определены группы, на которые последователи Христа делились по их заслугам и по занимаемому положению в общине; уточнены детали их поведения в условиях противостояния с властью, когда христианам приходилось, отстаивая свои взгляды, выдерживать глумления, пытки и даже умирать за свои убеждения. Процессуальные и предметные УСК дали возможность проследить процессы трансформации, которые пережила славянская система ценностей благо-

даря христианизации, и выявить блок УСК христианской тематики, которые со временем «внедрились» в русскую языковую систему и служат вербализаторами ключевых концептов нашего менталитета.

Обсуждение

В книге «Средневековый человек в зеркале старославянского языка» точно определяется взаимосвязь между языком и человеком интересующей нас эпохи: «Средневековая культура, как и современная, жила и развивалась в „языковой оболочке“, определяя тот мир смыслов, мир ценностей и идеалов, который отразился в языке. Вот почему мы надеемся, что опора на языковые средства позволит <...> избежать субъективности в оценке средневекового человека и его культуры и в известном смысле „реконструировать“ культурные факты и духовные ценности средневекового человека» (Вендина, 2002: 6).

Христиане в древнейших славянских текстах многогранно охарактеризованы не только однословными, но и сверхсловными языковыми единицами. Они были новой прослойкой в средневековом обществе, и очень часто явления, с ними связанные, особенно отвлеченные религиозные понятия, при переводе с греческого языка на славянский невозможно было передать обычными словами. В таком случае Кирилл и Мефодий использовали переводческий прием, который теоретически сформулировал на основе своего опыта известный библеист Ю.А. Найда в середине прошлого века: отказываясь от «пословного перевода» (Nida, 1947). Как и Найда в XX в., солунские братья тысячу лет тому назад применяли «контекстное перефразирование», а также «покомпонентное конструирование новых словосочетаний, пригодных для определенного контекста <...> К использованию двух данных приемов в общих чертах сводится концепция функциональной эквиваленции» (цит. по: Верещагин, 2012: 245).

По одной из версий, средневековое общество «делилось на „властвующих и управляющих“, „сражающихся“, „молящихся“ и „трудящихся“» (Вендина, 2002: 28). На первый взгляд, можно было бы причислить христиан к «молящимся». Но они, как свидетельствуют данные старославянских текстов, представляли собой не отдельную социальную группу, а нравственно-религиозную прослойку в Римской империи, которая пронизала разные социальные слои. Христиане появлялись и среди «трудящихся» (рабы и свободные), и среди «сражающихся» (воины, стражники, охранники), и среди «властвующих» (цари, князья, воеводы), и среди «молящихся» (монахи, отшельники), и среди «управляющих» (должностные лица в церковной иерархии). В житиях Супрасльского сборника фразы **Кръстине мы, Кръстина ксвѣ, Кръстининъ ксмь** звучат из уст представителей самых разных сословий. В «Мучении свв. Павла и Іуліаніи» только что ставший римским императором Аврелиан (270–275), уже задумавший гонения на христиан, обращается к Павлу (о социальной принадлежности которого автор не упоминает), схваченному воинами за то, что тот осенил себя крестным знаменем, когда Аврелиан триумфально после очередной победы проходил через Финикию. Императору было необходимо, чтобы Павел, отрекшись от Христа,

принес жертву римским богам: жрѣде и непрѣподовьне. доколѣ <...> хѣлиши богы. пристѣпивъ пожьри вогомъ. аште ли ни. то зѣло зѣлѣ погоубьж ва. да ник'тоже възможеть избавити ваю отъ ржкоу мою. Паулъ же и оулини възъписта коуп'но великомъ гласомъ глагол'жшта кръстина есѣвѣ. и въ х(ристо)са имавѣ надеждж. а вѣсомъ твоимъ не слоуживѣ. и мжкъ твоихъ не боивѣ са.⁸ [Глупец и безбожник! До каких пор будешь оскорблять (наших) богов? Принеси богам жертвы! Если нет, злой смерти предам вас, и никто не спасет вас. Павел же и Иулиания воскликнули: «Христиане мы! И на Христа надеемся. А бесам твоим не будем служить, и мук твоих не боимся!»]

Эта сцена характеризует типичное поведение христиан (к какой бы социальной группе они ни принадлежали), если они оказывались в руках своих гонителей-религиозных противников. Несмотря на ужасные мучения, которым их подвергали, на угрозы лишить их жизни, христиане демонстрировали непреклонную верность учению Христа. В старославянских текстах существует около полутора десятков сверхсловных наименований их вероисповедания: вѣра кръстиньска, блага вѣра, права вѣра, истиньна вѣра, вожь вѣра, нова вѣра, новын завѣтъ, новын законъ, христо(со)во оученик, свѣта вѣра кръстиньска и др. Все они, будучи отмечены позитивной коннотацией, называют 'религиозное учение, основанное на признании Святой Троицы – Триединого божества (Бога-Отца, Бога-Сына и Святого Духа)', дополнительно оценивая его притягательные качества – новизну, истинность, благодатность, святость, законность. Не случайно одним из ключевых концептов трансформирующейся языковой картины мира южных и восточных славян стал концепт, получивший в XI в. имя «Православие». Православие стало основой нравственных ценностей Древней Руси, а затем и России. В качестве антонимов к ядерным вербализаторам концепта «Православие» в старославянских памятниках используются обороты вѣра арианьска, боговорьна ересь, идольска слоужьба, погана вѣра, а также УСК зѣла вѣра, занимающий положение гиперонима в данном антонимическом ряду.

Новообращенные христиане-персонажи старославянских текстов серьезно относились к важнейшим догматам учения Христа – к вере в *единого Бога*, в *бессмертие* человеческой души, в *воскрешение умерших*; ожидали *Второго пришествия/явления божьего*, боялись *Страшного суда*, надеялись на *спасение Христом человечества* и мечтали после окончания земной жизни попасть в *Царствие Небесное*, а потому старались блюсти *заповеди/законы божьи*. В доказательство приведем лишь некоторые примеры из различных памятников X–XI вв.:

Аще ли естѣ живъ. ти гл(агол)етѣ. вѣко нѣсмь доврѣ наоученъ закону в(о)жью. Ни разоумѣлѣ истиньныхъ вѣры крестьньскы. то сице и гл(агол)ище. Слыши чѣдо ѿ разоумѣи доврѣ. в(ог)ъ единъ естѣ сътворен в'сѣхъ тварь. не имѣя ни отъкъждоу же начѣтъка.⁹ [Если он

⁸ Супрасльская рукопись. Трудъ Сергѣя Северьянова // Памятники старославянскаго языка: в 4 т. Т. 2. Вып. 1. СПб. : Тип. Императ. акад. наук, 1904. С. 12.

⁹ *Nachtigal R. Euchologium sinaiticum. Fotografiski posnetek. Ljubljana, 1941–1942. S. 179–180.*

жив, (и) говорит тебе: «Я плохо знаю закон божий, не понял истинной веры христианской», то так (надо) научить его, говоря: «Слышишь, чадо, и разумей: Бог един сотворил всех (людей и животных), не имея ниоткуда начала...»; **о въскрѣшени же мрѣтвѣхъ нѣсте ли чѣли реченаго вамъ в(о)г(о)мъ гл(а)голѣмъ. азъ есмъ в(о)гъ <...> авраамъ и в(о)гъ исаковъ. и в(о)гъ нѣковъ нѣстъ в(о)гъ мрѣтвѣхъ нъ живѣхъ.**¹⁰ [О воскрешении же мертвых не читали ли сказанного вам Богом?: «Я бог Авраама, и бог Исаака, и бог Иакова, бог не мертвых, но живых»]; **Ѣна оба на десѣте послѣла и(со)у(с)ъ. заповѣдавъ имъ гл(а)голѣ. болацѣмъ цѣлѣте. мрѣтвѣмъ въскрѣшѣте. прокаженѣмъ очишѣте. вѣсы изгонѣте. тоу не приѣсте тоу не дадите.**¹¹ [Этих 12 послал Иисус, наказав им: «Больных исцеляйте, мертвых воскрешайте, бесов изгоняйте. Даром приняли, даром отдавайте»]; **Видѣвъ пророкъ д(о)уховнама очима. боудушѣкъ с(ъ)п(а)сеникъ въсѣмъ ч(л)овѣкомъ. божимъ гавл'нимъ. молитъ да скоро подано бѣдетъ.**¹² [Пророк, увидев духовными очами будущее спасение человечества, молит, чтобы скорее это произошло...]

В общеславянском литературном языке Средневековья существовало около двух десятков УСК-названий последователей Христа. Всех вместе их иногда в старославянских памятниках называют родомъ **крѣстиньскимъ**. Так, в уже упомянутом выше «Мучении свв. Павла и Юлиани» царь Аврелиан, услышав о том, что дикие звери и птицы не коснулись тел казненных христиан, воскликнул: **о з'лочьстномъ вѣшеникъ рода крѣстианьска. тако ни оумеръшъ ихъ могохъ повѣдити.**¹³ [О безбожное беснование рода христианского! Даже мертвых я не смог их одолеть!]; А в «Мучении св. Василиска» отпущенный из темницы для того, чтобы проститься с родными, в присутствии сопровождавших его воинов христианин Василиск, **видѣвъ братиѣ и матеръ своѣ. молѣаше сѣ имъ глагола. прѣвѣдѣте о вѣрѣ христовѣ. и молитвѣ сътворите о мнѣ къ г(о)спод(о)у. да съкончѣнъ бѣдѣ въ исповѣданіи семъ. азъ бо отъхождѣ отъ васъ. и отъсели не видите мене въ плоти. шѣдѣ же къ г(о)спод(о)у молитвѣ сътвори за вы. и за всѣго рода Крѣстиньска.**¹⁴ [...увидев братьев и мать свою, попросил их: «Пребудьте в вере христианской и молитесь обо мне господу, да скончаюсь в этой вере. Я покидаю вас, и уже не увидите меня во плоти. Уходя к господу, помолюсь за вас и за весь род христианский.]

В блоке наименований христиан по различным признакам выделяется группа УСК, характеризующих всех христиан независимо от их социального

¹⁰ Quattuor evangeliorum codex glagoliticus olim Zographensis nunc Petropolitanus / edidit V. Jagić. Berolini : Apud Weidmannos, 1879. P. 32.

¹¹ *Ягич И.В.* Мариинское четвероевангелие. Памятник глаголической письменности. СПб.: Тип. Императорской акад. наук, 1883. С. 29.

¹² *Погорелов В.А.* Чудовская псалтырь XI в. Отрывок толкования Феодорита Кирского на псалтырь в древнеболгарском переводе // Памятники старославянского языка. СПб. : Тип. Императ. акад. наук, 1910. Т. III. Вып. 1. С. 88.

¹³ Супрасльская рукопись. Трудъ Сергѣя Северьянова // Памятники старославянского языка. Т. II. Вып. 1. СПб. : Тип. Императ. акад. наук, 1904. С. 15.

¹⁴ Там же. С. 16.

статуса как приверженцев новой веры (раби божи, раби бога вышняго, раби господни, раби Христа, раби христо(со)ви), и подгруппы, в которые входят наименования христиан, добившихся внутри христианского сообщества определенного статуса за какие-либо заслуги (оугодьници божи, исповѣдници божи, исповѣдници христо(со)ви) или за страдания, вынесенные во имя Христа (мѣченици христови, страстьници страсотръпци христови, прѣвомѣченици христо(со)ви), а также наименования христиан, удостоившихся какого-либо почетного звания за истовость и усердие в монашеской жизни или в церковной деятельности (прѣподобный пастырь, чьстьныи старецъ, старѣшина отьцемъ, старѣшина молитвѣникомъ, старѣшина паствинѣ, пастырь овьцамъ словесьнымъ).

Приняв новую веру, бывшие язычники скорректировали свои взгляды на мир. По их представлениям, бог-царь небесный управляет многочисленным сонмом ангелов, исполнителей его воли и посредников между ним и людьми. В старославянских текстах эти бестелесные духовные существа называются аггели/ангели божи, аггели/ангели небесьнии, аггели/ангели господни, вок небесьци, вонско небесьнок. Им противостоят аггели/ангели сотонни, то есть вонско сотонино, местом обитания которого является адово/адовьскок селище, иначе называемое адомъ прѣисподьнимъ, геонюж огньнюж и находящееся въ тьмѣ кромѣшьнон:

рече же къ немуѣ анг(е)лъ г(осподь)нь • не бои сѧ захарик • зане оуслышана бысть молитва твоѧ • жена твоѧ елисаветъ • родить с(ы)нѣ тебеѣ.¹⁵ [Сказал же ему ангел господень: «Не бойся Захарий, потому что услышана молитва твоя. Жена твоя Елизавета родит тебе сына»]; а отъвьргыи сѧ мене прѣдъ чловѣкы • отъвьргенъ бѣдетъ прѣдъ анг(е)лы в(о)жини.¹⁶ [А отказавшийся от меня перед людьми будет отвергнут перед ангелами божьими]; їсповѣмъ сѧ тебеѣ г(оспод)і в(о)же моѧ • вьсемь срѣдцем моимъ • прославляѣ имя твоѧ въ вѣкы • ѣко милость твоѣ великѣ на мнѣ естъ • їзбавилъ є д(оу)шж моѣж отъ ада прѣисподьнѣго.¹⁷ [Исповедаюсь тебе, Господи Боже мой, всем сердцем моим. Прославлю имя твое ввеки, так как милость твоя ко мне велика. Избавил ты душу мою от ада преисподнего.]

Под влиянием новой веры трансформировалась и система ценностей христианизированных народов, в том числе и средневековых славян. Переход от многобожия к единобожию потребовал переориентации в формах и в сущности религиозных обрядов; вместо языческих *капищ* с их каменными и деревянными *истуканами* строятся *церкви, храмы, соборы*. Иными стали службы (теперь уже в честь *единого бога*) и *жертвоприношения, молитвы* и сами *религиозные ритуалы*, которые должны были сопровождать христиа-

¹⁵ *Кръстанов Тр.* Ватиканско евангелие. Старобългарски кирилски апракос X в. в палимпсестен кодекс Vat Cr 2502. София : СИБАЛ, 1996. С. 183.

¹⁶ *Погорелов В.А.* Чудовская псалтырь XI в. Отрывок толкования Феодорита Кирского на псалтырь в древнеболгарском переводе // Памятники старославянского языка. СПб. : Тип. Императ. акад. наук, 1910. Т. III. Вып. 1. С. 88.

¹⁷ Синайская псалтырь. Глаголическій памятникъ XI вѣка // Памятники старославянского языка: в 4 т. Т. 4. Петроград : Рос. гос. акад. типографія, 1922. С. 115.

нина с момента его рождения до кончины. В ограниченных рамках статьи упомянем только некоторые из обнаруженных в исследуемых текстах УСК, отражающих взаимоотношения средневековых христиан с *единым богом*.

Бог, не каменный, не идол, а живой, всемогущий, всевидящий, всемилостивейший и карающий за грехи, стал важнейшей ценностью человека, принявшего христианство. Десятки УСК в старославянских памятниках называют самого бога и как триединую сущность (*свѣта троица*), и как каждую из его ипостасей: *богъ отьць – богъ боговъ, богъ всѣхъ, ѿдинъ богъ, цѣсарь небесьны/небесьскыи, господь богъ* и пр.; *богъ сынъ – агньць божи, агньць непорочьныи, сынъ божи, сынъ давидовъ, кдночадыи сынъ, сынъ чловѣчьскыи* и пр.; *доухъ свѣтыи – доухъ божи, доухъ господень, животворящии доухъ* и пр. УСК также отражают разные грани взаимоотношений верующего с Всевышним. *Всѣмь срьдьцемъ и всєж доушеж* любить Господа Бога требовала первая христианская заповедь, ибо от него исходили *благодать/благодѣть божи, любы господьн/христова*; только он мог даровать душе верующего праведника *животъ вѣчный // жизнь вѣчнжж /* ('бессмертие') в *цѣсарьствии небесьнѣмь // небесьсцѣмь* и спасти от *ада прѣисподьнаго*:

Процессуальные и предметные УСК, используемые в старославянских текстах, характеризуют чувства, которые испытывают христиане к богу (любовь, доверие, восхищение и страх); называют действия совершаемые в его честь: *любленик (къ богоу) вѣти, вѣрж (въ бога) имѣти, глаголати осана (всєвышьнюоумоу), въздати хвалж (христоу), жрьтвж (богоу) творити, молитвж (къ богоу) приносити, вѣжати граджцааго гнѣва, кати сѧ въ грѣсѣхъ, страхъ божи имѣти* и пр. В то же время фразеологический корпус древнейших славянских текстов называет действия, поступки христианина, противоречащие нравственным установкам, продиктованным новой верой: *власвимнж рещи* 'богохульствовать', *разбои творити* 'совершать грабежи, убийства', *владъ дѣти* 'развратничать, погрязнуть в разврате', *изврѣци отроча* 'избавиться от плода, сделать аборт', *законъ прѣстжпати* 'нарушать заповеди господьни', *вѣрж не имѣти* 'быть атеистом', бога не чисти 'не оказывать почестей богу', *жрѣти богомъ* 'приносить жертвы языческим богам', *лѣжж съвѣдѣтельствовати* 'лжесвидетельствовать' и т. д.

К важнейшим ценностям славяне, принявшие крещение, относили *душу человеческую*, которая, будучи противопоставлена *телу*, теснейшим образом связана была с другой ценностью – *любовью*. Неразрывная связь между *душой* и *телом* человека, в соответствии с новой верой, при ведущей роли *души* способна делать человека цельным и гармоничным, живущим в согласии с замыслом божьим, способным полностью, всем существом отдаваться чему-нибудь *благому*, соответствующему *любви к единому богу* и быть преданным идеям *Христа*. Из многочисленных УСК, отражающих отношение средневекового христианина к *душе*, упомянем лишь некоторые: *дѣшж съпасати/съспати* 'заслуживать/заслужить праведной жизнью место для своей бессмертной души в царстве небесном после физической смерти'; *дѣшж прокоуждати/*

прокоүдити ‘осквернять/осквернить душу’ и доүшж погоүбалти/погоүбити ‘вести безнравственный образ жизни и лишиться тем самым права на вечную жизнь в царстве небесном’; дүшж своѡж/полагати/положити за друґгы своѡ, за кого, за чьто ‘отдавать/отдать свою жизнь за кого/за что’:

и гла(гола) имъ• достонитъ ли въ соүботоу• добро ли сътворити• или зло сътворити• д(оү)шю съспасти ли погоүбити.¹⁸ [И сказал им (Иисус): «Надо ли в субботу добро творить или зло совершить, *душу спасти* или *погубить*?»]; иже во хоцетъ д(оү)шж своѡж съспасти погоүбитъ• а иже погоүбитъ д(оү)шж свомене ради и евангеліа• тъ с(ъ)п(ас)етъ.¹⁹ [Кто хочет *душу* свою *спасти*, погубит ее, а кто *душу* свою погубит меня ради и евангелия, тот *спасет* ее]; больше сѣа любѣве никто же не иматъ• да кто д(оү)шж своѡж положитъ за друґгы своѡ• въ друґзи мои есте• аще творите• елико азъ заповѣдахъ вамъ.²⁰ [Больше той любви, чем любовь того, кто *положит* *душу* за *други своя*, нет ни у кого. Вы мои друзья, если делаете так, как я заповедал вам.]

Формула готовности к самопожертвованию ради сородича, соратника, друга или того, кто нуждается в защите (дүшж свополагатиположити за друґгы своѡ), восходящая к 10-й главе Евангелия от Матфея, где ее произносит Иисус Христос, вошла в нравственный кодекс восточных славян, а затем и русских как соответствующая их дохристианским представлениям о необходимости защиты своего рода и своей земли. В то же время эта формула естественным образом подкрепляла обновленную в Нагорной проповеди ветхозаветную заповедь: **Възлюби ближняго своґго акы самъ сѡ**. Иисус Христос считал, что любовь не только к ближнему, но и к другим людям должна лечь в основу новых взаимоотношений между всеми людьми. Если в Ветхом Завете говорится: «Люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего», то Иисус сформулировал новый принцип жизни человечества: «Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного...» (Мф 5: 43–44). О том, насколько прочно в менталитете восточных славян закрепились эти ценности, свидетельствует их тысячелетняя история. Кто только ни писал о *загадочной русской душе*, а подвигам самопожертвования русских воинов, и не только воинов, несть числа. Основатель регулярной российской армии Петр I был уверен: «*Кто жесток, тот не герой!*» Воинские девизы не знавшего поражений легендарного полководца А.В. Суворова, а также прославленных советских полководцев непременно содержали не только призывы к самопожертвованию во имя ближнего своего («*Сам погибай, а товарища выручай!*»), но и напоминали о необходимости щадить поверженного противника, проявлять человеколюбие. Суворов наставлял: «*Победителю прилично великодушие!*»; «*С пленными поступать человеколюбиво и стыдиться варварства!*»; «*Солдат не разбойник!*»;

¹⁸ Архангельское евангелие 1092 года : евангелие апракос краткий. М., 1666. С. 196.

¹⁹ *Кръстанов Тр.* Ватиканско евангелие. Старобългарски кирилски апракос X в. в палимпсестен кодекс Vat Cr 2502. София : СИБАЛ, 1996. С. 107.

²⁰ Саввина книга. Трудъ Вяч. Щепкина // Памятники старославянского языка: в 4 т. Т. 1. Вып. 2. СПб. : Тип. Императорской акад. наук, 1903. С. 94.

«Без добродетели нет ни славы, ни чести!» На этом, собственно, и держится представление о восточном славянине вообще и о русском человеке в частности как о «соборной личности». «Мы народ поистине коллективистский, мы можем существовать только вместе с социумом, который мы постоянно устраиваем, охорашиваем, волнуемся и переживаем за него <...> наш социум, наша группа – это средостение, связующее звено между нами и этим миром. Чтобы стать личностью, самостоятельной относительно космоса, мы должны стать *соборной личностью*», – пишет автор книги, посвященной русскому национальному характеру (Касьянова, 1994: 180).

К числу ценностей, которые сформировались у славян еще в дохристианский период, относится *моногамная семья*. Христианство же поддержало эту ценность и укрепило ее позиции, освятив вступление в семейную жизнь обрядом *венчания* и введя важнейший нравственный принцип – *нерушимость брака*: сего ради оставитъ чловѣкъ о(ть)ца своего и м(а)т(е)рь• и прилѣпитъ сѧ женѣ своей• и будете оба въ плѣть единѧ.²¹ [Ради этого (супружества) оставит человек отца своего и мать и присоединится к жене своей, и будете оба, как единая плоть.] Старославянские «осуждающие» УСК *жена любодѣница, словеса любодѣнина, содомьскыи грѣхъ, въ блѣдъ въпадати/въпасти, прѣлюбы творити/сътворити* и прочие подтверждают выводы исследователей-лексикографов о том, что славяне-христиане считали большим грехом распутство и супружескую неверность. Это унаследовали и русские, которые «точно так же эмоциональны и склонны к крайностям при выражении морального восторга, как и при выражении морального осуждения» (Вежбицкая, 1997: 83). Главное предназначение мужчины и женщины, вступивших в брак, по христианскому учению, – рождение и воспитание детей.

Семья, супружеская жизнь, дети, были важнейшей ценностью у славян и в языческие времена. Но после крещения, как свидетельствуют УСК, родилась новая ценность – *религиозная аскеза*, с ее *столпничеством, отшельничеством, сухоядением, землелеганием, жестоколеганием*, которые предполагали отказ от семейной жизни. Эти формы самоограничения имели мало общего с нравственным принципом *дѣшѧ положити/полагати за другѧ своиѧ*. Иначе расценивает эту ценность другие исследователи. Так, Н.В. Уфимцева, соглашаясь с К. Касьяновой, пишет, что *самоотказ и аскеза* – «одна из <...> глубинных ценностей, которая наиболее сильно „подавляется“ идеалами и эталонами, пришедшими в наше сознание из других культур» (Уфимцева, 2006: 131). «Чего человек достигает путем самоограничения?» – спрашивает Касьянова и продолжает: «...он достигает таким путем власти над своей физической природой, а тем самым победы духа» (Касьянова, 1994: 199). Подчеркнем, что в старославянских текстах речь идет о личном самоограничении для победы собственного духа над собственной физической природой. А восточные славяне, к коим принадлежат и русские, – все же люди соборного типа. И согласиться с тем, что *религиозная аскеза* – это самая глубин-

²¹ Evangeliiar assemanuv. Kodex Vatikanski 3. slovanski. Dil II. Uvod, text v prepise cyrilskem, poznamky textove, seznamy cterni / vydal J. Kurz. Praha : Nakladatelstvi Československé Akademie Věd, 1955. S. 86.

ная славянская ценность, мы не можем. Одно дело, когда самоограничение и жертвенность совершаются во имя счастья народа или во имя спасения конкретных людей, нуждающихся в защите. Став христианами, славяне, а затем и русские люди с почтением относились к *отшельникам, столпникам, молчальникам* и прочим одиноким *молитвенникам*, порывавшим с семьями и уходившим в пустыни, жившим в пещерах вдаль от людей. Синаксарные и месяцесловные записи служебных евангелий свидетельствуют о том, что славяне, в том числе русские, чтит память сотен святых мучеников, погибших от рук палачей за веру христианскую. Но все же наибольшей любовью у них пользовались те святые, которые были канонизированы за заслуги перед отечеством, принимали участие в защите родной земли. Это князья типа Александра Невского или монашествовавшие святые, которые в годы народных бедствий выходили из своих келий на помощь к тем, кто более всего страдал, и благословляли тех, кто сражался против захватчиков.

Заключение

Мы привлекли к анализу лишь часть старославянских УСК, которые позволяют проследить появление новых этических ценностей у славян после крещения или трансформацию их важнейших дохристианских ценностей. Многие из этих УСК вошли в русскую языковую систему и по-прежнему являются вербализаторами ключевых концептов, отражающих нравственные основы национального менталитета. Каждая ценность получала «словесную одежду» в Средние века как ответ на активное неприятие негативных проявлений ее антиценности. Так, ценности *любовь к ближнему* и *любовь к врагу*, проповедуемые Иисусом Христом, рождались в эпоху, когда жизнь человека фактически ничего не стоила, а изощренные пытки и смертные казни, устраивавшиеся публично, были привычным зрелищем для толпы. Для Иисуса Христа «не было ни эллина, ни иудея», представители всех этносов могли чувствовать себя равными в общине, как равными могли себя чувствовать и представители разных сословий. Это подтверждается данными фразеологической системы старославянского языка. Благодаря лингвокультурологическому и историко-этимологическому анализу сверхсловных языковых единиц установлено, что христиане являли собой не отдельную социальную группу: их можно было обнаружить среди людей разных слоев населения огромной Римской империи. Многочисленные УСК, служащие наименованиями христианской веры, названиями последователей Христа и объекта их поклонения, дали возможность установить причины притягательности новой веры и для покоренных империей варваров, и для римлян. Процессуальные, предметные, адвербиальные, предикативные сверхсловные языковые единицы помогают реконструировать образы первых христиан. Это люди твердых убеждений, способные отстаивать свои взгляды перед сильными мира сего, готовые принять муки и даже смерть во имя новой веры.

Проведенное исследование открывает перспективу дальнейшего изучения старославянских УСК, служащих вербализаторами других фрагментов нравственной системы славян, видоизменявшейся под влиянием христианизации, а затем унаследованной русскими. Это диады ценностей и антиценностей: «Жизнь» и «Смерть», «Царство небесное» и «Царство земное», «Век

нынешний» и «Век будущий», «Бедность» и «Богатство», «Правда и «Ложь» и пр. Расширенный анализ старославянского фразеологического корпуса поможет решить одну из важнейших задач исторической славистики – научное описание общеславянского языка, что связано с проблемой «праязыковой реконструкции», требующей «системного анализа значительного по объему конкретного материала» (Глущенко, Пискунов, 2021: 27). И главное – это позволит системно и с должной полнотой описать историю становления «нравственно заряженного», связанного с христианизацией фразеологического блока русского языка.

Список литературы

- Бакина А.Д.* Концептосфера библейской фразеологии // Славянская фразеология и паремнология. Национальное и интернациональное. Стабильное и изменчивое. К 70-летию со дня рождения профессора В.И. Ковалева : сб. науч. статей / отв. ред. Е.В. Ничипорчик. Гомель : Гомельский ГТУ им. Ф. Скорины, 2021. С. 47–53.
- Вежбицкая А.* Русский язык // Язык. Культура. Познание. М. : Русские словари, 1997. С. 33–88.
- Вендина Т.И.* Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М. : Индрик, 2002. 336 с.
- Верещагин Е.М.* Кирилло-Мефодиевское книжное наследие : межъязыковые, межкультурные, межвременные и междисциплинарные разыскания. М. : Индрик, 2012. 520 с.
- Глущенко В.А., Пискунов А.В.* Феномен праязыка в трудах ученых Московской лингвистической школы // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 72. С. 27–41. <https://doi.org/10.17223/19986645/72/2>
- Дубровина Н.К.* Библейские фразеологизмы в русской и европейской культуре. М. : Флинта : Наука, 2012. 264 с.
- Ефимова В.С.* Наименования лиц в старославянском языке : способы номинации и приоритеты выбора. М. : Институт славяноведения РАН, 2011. 222 с.
- Ефимова В.С.* Старославянская словообразовательная морфемика. М. : Институт славяноведения РАН, 2006. 366 с.
- Жигулина Д.В.* Брак земной и брак духовный в Ветхом и Новом Завете // Православное наследие в культуре России : история, актуальность диалога : материалы Всероссийской научно-практической конференции : XI Славянский научный сбор «Урал. Православие. Культура». Челябинск : Челябинская гос. акад. культуры и искусств, 2013. С. 272–278.
- Касьянова К.* О русском национальном характере. М. : Институт национальной модели экономики, 1994. 367 с.
- Комшина П.М.* Ядерная зона вербализаторов концепта «Прѣстѣплѣние» в старославянских текстах X–XI вв. (опыт лексикографического описания) // Проблемы истории, филологии и культуры. 2014. № 3. С. 13–21.
- Мишина Л.Н.* Устойчивые словесные комплексы фразеосемантического поля «Мука» в тексте Супрасльской рукописи как материал для воссоздания языковой картины мира средневекового славянина // От языковой картины мира средневекового славянина к современной русской языковой картине мира : колл. монография : в 2 ч. Ч. 1. Магнитогорск : Изд-во МаГУ, 2007. С. 8–21.
- Мокиенко В.М.* Библизмы в современном русском тексте // Толковый словарь библейских выражений и слов : ок. 2000 единиц / В.М. Мокиенко, Г.А. Лилич, О.И. Трофимкина. М. : АСТ : Астрель, 2010. С. 3–14.
- Толстой Н.И.* Древняя славянская письменность и становление этнического самосознания у славян // Славянская литературно-языковая ситуация. Избранные труды : в 2 т. Т. 2. М. : Языки русской культуры, 1998. С. 49–65.

- Толстой Н.И. Кирилло-мефодиевская традиция у славян // Славянская литературно-языковая ситуация. Избранные труды: в 2 т. Т. 2. М. : Языки русской культуры, 1998. С. 43–48.
- Уфимцева Н.В. Византийское наследие в языковом сознании современных русских // Языковая личность : текст, словарь, образ мира. К 70-летию чл.-корр. РАН Ю.Н. Караулова : сборник статей. М. : РУДН, 2006. С. 124–131.
- Федуленкова Т.Н. Характеристика прототипов библейской фразеологии и способы их преобразования в языковые единицы // Язык и культура. 2019. № 1 (45). С. 108–120.
- Хухуни Г.Т., Валуцьева И.И., Осипова А.А. Вариативность при диахроническом переводе текстов Библии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Теория языка. Семиотика. Семантика и лингвoseмиотика. 2021. Т. 12. № 3. С. 547–558. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-3-547-558>
- Цейтлин Р.М. Лексика старославянского языка. Опыт анализа мотивированных слов по данным древнеболгарских рукописей X–XI вв. М. : Наука, 1977. 336 с.
- Цейтлин Р.М. Построение словарной статьи // Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) : ок. 10 000 слов / под ред. Р.М. Цейтлин и др. М. : Русский язык, 1994. С. 44–55.
- Шулежкова С.Г. Проблема единения славян в условиях глобализации на основе общих культурных истоков и ментальных ценностей // Наследие. 2017. Т. 14. Вып. 37. С. 147–156.
- Balakova D. Z výsledkov sociolingvistického slovensko-ruského výskumu (parémie biblického pôvodu) // Język i pamięć. Księga jubileuszowa dedykowana Panu Profesorowi Chlebda z okazji 70 urodzin / W. Mokienko, red. Opole : Uniwersytet Opolski, 2020. S. 63–76.
- Chlebda W. Biblizmy jako skrzydlate jednostki polszczyzny // Szkice o skrzydlatych słowach. Interpretacje lingwistyczne. Opole : Uniwersytet Opolski, 2005. S. 209–252.
- Chlebda W. Czy skrzydlate słowa są prototypowymi obiektami frazeografii? Jeszcze raz o statusie skrzydlatych słów // На крыльях слова : материалы международной заочной научной конференции / гл. ред. А.А. Осипова, Н.В. Позднякова. Магнитогорск : ЗАО «Магнитогорский Дом печати», 2015. С. 102–107.
- Koziara S. Obrazy świata biblijnego utrwalone w polskiej frazeologii (w prowadzenie do opisu) // Frazeologia a językowe obrazy świata przełomu wieków / W. Chlebda, red. naukowa. Opole : Uniwersytet Opolski, 2007. S. 183–190.
- Mokienko V.M. Bibleizmen und Europäisierung nationaler Sprichwörter und Phraseologismen // Biblische Sprichwörter. Deutsch-Russisch-Polnisches Wörterbuch mit historisch-etymologischen Kommentaren / H. Walter, ed. Greifswald : Universität Greifswald, 2018. S. 4–11.
- Nida E.A. Bible translating : an analysis of principles and procedures, with special reference to aboriginal languages. New York : American Bible Society, 1947. 362 p.
- Shulezhkova S., Kostina P. The linguistic world-image of the medieval Slavs through the phraseological prism // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. 2020. Vol. 86. Pp. 1548–1553.

Сведения об авторе:

Шулежкова Светлана Григорьевна, профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, общего языкознания и массовой коммуникации, Институт гуманитарного образования, Магнитогорский государственный технический университет имени Г.И. Носова, Российская Федерация, 455000, Магнитогорск, пр-кт Ленина, д. 38. Заслуженный работник высшей школы РФ, член Фразеологической комиссии при Международном комитете славистов. Руководит Научно-исследовательской словарной лабораторией при МГТУ им. Г.И. Носова. Является автором около 400 публикаций, в том числе учебных пособий, монографий, хрестоматии по старославянскому языку; автором и соавтором около 20 словарей. Возглавляет коллектив, работающий над первым в истории славистики «Большим фразеологическим словарем старославянского языка». *Сфера научных интересов*: историческая фразеология, славянские языки, крылатология, фразеография, крылатография, неография, методика преподавания русского языка в высшей школе. ORCID: 0000-0002-0314-6721. E-mail: shulezhkova@gmail.com

Set expressions reflecting Slavonic mentality transformation during Christianization

Svetlana G. Shulezhkova

Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia

✉ shulezhkova@gmail.com

Abstract. The article deals with the socio-historical and axiological informativity of phraseological units in the Old Church Slavonic language in the aspect of the history of Russian phraseological system. The author pays her attention to the superword language units in Slavonic manuscripts of the 10–11th centuries. The purpose of the research is to identify through the prism of phraseology the origins of Slavonic key values, which were transformed during Christianization, and their superword nominations. The novelty of the study lies in the fact that besides the canon sources, the article analyzes the sources which were ignored by the authors of the Old Church Slavonic dictionaries. The object of the research is the Old Church Slavonic phraseological units reconstructed with the continuous sampling method from the texts created in different parts of medieval Slavia. To analyze the linguistic material, comparative-historical, linguoculturological, linguocognitive methods and methods of component and contextual analysis were used. As a result, adjustments were made to the idea of the activities of medieval Christian communities. Old Slavonic phraseological units testify that the former pagan Russians were attracted to Christians by their boundless faith in the truth of Christ's teaching, their ability to defend their beliefs, personal courage, love for neighbor and mercy. The relevance of this study is that in the context of globalization, the Christian values assimilated by the Eastern Slavs during Christianization, which contributed to the powerful take off of Russian culture, today need to be protected. The research direction outlined in this article opens up the prospects of establishing the origins of the Russian Christian phraseological corpus and its rules.

Keywords: axiological system, moral values, phraseological units, Russian language, Slavs, Christianity, phraseology

Article history: received 16.11.2021; accepted 11.01.2022.

For citation: Shulezhkova, S.G. (2022). Set expressions reflecting Slavonic mentality transformation during Christianization. *Russian Language Studies*, 20(2), 217–232. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-2-217-232>

РУССКИЙ ЯЗЫК В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ RUSSIAN ON THE INTERNET

DOI 10.22363/2618-8163-2022-20-2-233-246

Научная статья

Реализация функций фразеологических единиц в дискурсивном пространстве русскоязычного интернета

М.С. Доброва *Университет имени Ф. Палацкого, Оломоуц, Чехия*✉ mariia.dobrova@upol.cz

Аннотация. Цель исследования – рассмотрение аспектов актуализации некоторых функций фразем в русскоязычном интернет-дискурсе, прежде всего в связи с их ролью в формировании значимых элементов сетевой коммуникации. Актуальность определяется тем фактом, что проблема реализации определенных функций фразеологических единиц в интернет-дискурсе до сих пор не изучена в полной мере и требует пристального внимания к взаимной обусловленности фразеологии и многих сетевых явлений. Материалом послужили контексты с фраземами, собранные методом сплошной выборки только из собственно сетевых жанров: интернет-форумов, сетевых блогов, интернет-комментариев, социальных сетей и т. д. Проанализированы характерные и специфические для виртуальной коммуникации особенности использования фразеологии и ее прагматического потенциала. Использовались метод сплошной выборки, классификационно-типологический, интерпретативный методы, а также метод дискурсивно-контекстуального анализа языковых единиц. В качестве методологической базы послужили работы по проблемам изучения функциональных аспектов фразеологии и лингвистики интернета. Исследование доказало, что, с одной стороны, интернет является актуальной средой для исследования функционирования языковых единиц, а сама фразеология в новых речевых и дискурсивных условиях остается коммуникативно востребованной. Показывается, что фразеология и ее функции в онлайн-коммуникации участвуют в создании собственно дискурсивных черт интернета: экспрессивности, разговорности, неогенности и пр., а также вовлекаются в процесс возникновения многих явлений сетевого происхождения: интернет-мемов, демотиваторов, тредов интернет-комментариев.

Ключевые слова: фразеологическая единица, фразеологизм, прагматическое изучение фразеологии, функция языкового знака, интернет-дискурс, язык интернета, интернет-мем, эвфемизм, дисфемизм

История статьи: поступила в редакцию 05.10.2021; принята к печати 18.12.2021.

Для цитирования: Доброва М.С. Реализация функций фразеологических единиц в дискурсивном пространстве русскоязычного интернета // Русистика. 2022. Т. 20. № 2. С. 233–246. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-2-233-246>

Введение

Функция языкового знака длительное время остается предметом исследования лингвистов. Как точно отмечает Ю.С. Степанов, «понятие функции пронизывает все современные системы семантики и прагматики» (Степанов, 1998: 387), а «все представления о языке, складывающиеся в современных модальных и интенциональных логиках, пронизаны разнообразными функциями, более того – понятие функции составляет самую основу системности этих представлений» (Там же: 389). Фразеологические единицы, актуализируясь в любом контексте, также реализуют свою прагматико-коммуникативный потенциал и выполняют множество функций. Количество фразеологических функций в лингвистической литературе определяется по-разному. Сложность явления и разные исследовательские задачи стали причиной возникновения отличающегося «набора» самих функций и их различных классификаций: например, на общеязыковые (номинативную и др.) и речевые (экспрессивно-образную, оценочно-характеризующую, обобщающую, стилиобразующую) разделяет фразеологические функции Ю.А. Гвоздарев (Гвоздарев, 1989: 13–14); А.М. Эмирова, в свою очередь, говорит об основной – конститутивной функции фразем, а также фразеологических субфункциях (номинативной, символической и др.) и эпифункциях (экспрессивной, фатический, эстетической и др.) (Эмирова, 1987: 38); А.В. Кунин выделяет константные (коммуникативную, познавательную и номинативную) и дополнительные (прагматическую, стилистическую, оценочную, резюмирующую, текстообразующую и др.) функции устойчивых оборотов (Кунин, 2005: 132–141). Свои классификации предлагают и многие другие лингвисты (например: Савицкий, 2006; Фокина, 2008). С опорой на приведенные исследования следует выделить две глобальные макрофункции устойчивых оборотов в речи: информативно-номинативную и прагматико-коммуникативную. При этом о ведущей роли второй макрофункции и о функционально-прагматическом потенциале фразеологических единиц точно говорит В.М. Мокиенко, отмечая, что «фразеология, одной из релевантных характеристик которой является экспрессивность (resp. коннотативность), генерируемая различными динамическими процессами семантики и структуры фразеологических единиц, является преимущественно набором прагмем. „Прагмемная“ сущность ФЕ проявляется прежде всего в том, что они с денотативной точки зрения практически не несут никакой новой информации и используются в текстах как исключительно характеризующее средство. <...> Чисто информационная «избыточность фразеологии», однако, компенсируется ее прагматической полноценностью как активного средства воздействия на адресата» (Мокиенко, 2016: 8). В исследовании Е.А. Добрыдневой (2000) также отмечается доминирование прагматического аспекта фразеологических функций.

Современные лингвисты все чаще обращаются к исследованию роли и функций фразем в речи, в формировании жанров, дискурсов, идиостилей (Мелерович, Мокиенко, 2005; Мокиенко, 2012, 2016; Фразеологизм и слово..., 2016; Фокина, 2008; Naciscione, 2010 и мн. др.), при этом функциональный потенциал устойчивых оборотов в дискурсе русскоязычного интернета только начинает рассматриваться, в основном в общем аспекте (см. напр.: Доброva,

2019; Мокиенко, 2013; Тарса, 2016), а исследованию реализации отдельных функций фразеологических единиц в виртуальном коммуникативном пространстве уделено недостаточно внимания. При этом интернет-дискурс (или сетевой дискурс, виртуальное коммуникативное пространство и т. д.), понимаемый «как особая, существующая в глобальной Сети коммуникативная среда, а также как реализация языка в этой среде, как совокупность всех языковых фактов, текстов, созданных в рамках виртуальной электронной коммуникации» (Доброва, 2019: 38–39), становится не только новым средством общения и пространством для использования языка, но и одним из актуальных объектов изучения на стыке многих гуманитарных и социальных наук, в том числе – в лингвистике (например: Boardman, 2005; Crystal, 2001; Интернет и фольклор, 2009; Кронгауз, 2013; Лутовинова, 2009; Мечковская, 2006; Трофимова, 2011 и мн. др.).

Таким образом, **цель работы** – рассмотреть аспекты актуализации некоторых функций фразем в русскоязычном интернет-дискурсе, прежде всего в связи с их ролью в формировании значимых элементов сетевой коммуникации.

Методы и материалы

В процессе исследования использовались метод сплошной выборки, описательно-аналитический, классификационно-типологический, интерпретативный методы, а также метод дискурсивно-контекстуального анализа языковых единиц. В связи тем, что поставленной целью была задача отразить функциональную специфику фразеологических единиц в сетевом коммуникативном пространстве, материалом статьи послужили контексты с устойчивыми оборотами, собранные методикой сплошной выборки только из собственно сетевых жанров (интернет-форумов, сетевых блогов, интернет-комментариев, социальных сетей и т. д.). Теоретико-методологической основой исследования послужили работы по проблемам изучения функциональных аспектов фразеологии и лингвистики интернета.

В работе мы также опираемся на приведенное во введении обобщение о двух фразеологических макрофункциях, при этом рассматриваем прагматическую функцию в ее различных частных субформах (например, экспрессивную, эвфемистическую, жанрообразующую функции и т. д.), а также признаем и обязательный экспрессивный компонент номинативной функции фразеологии. Важно отметить, что некий атомистический взгляд на отдельные функции фразем в данной работе применяется лишь с аналитическими целями, при этом учитывается фразеологический функционально-прагматический синкретизм каждого устойчивого оборота в речи, заключающийся в способности фраземы выполнять в тексте несколько функций одновременно.

Результаты

Научная значимость исследования определяется тем, что в нем впервые рассмотрены особенности реализации отдельных функций фразеологизмов в коммуникативном пространстве русского интернета в их связи с важными явлениями виртуального дискурса.

Доказано, что многие традиционные фразеологические функции в виртуальной коммуникации действительно имеют прагматическую специфику: так, номинативная функция фразем используется в назывании релевантных для сетевого общения реалий, сопровождающемся появлением целого корпуса интернет-фразеологизмов; экспрессивная, эвфемистическая и дисфемистическая – участвуют не только в формировании эрративной интернет-фразеологии, но и в появлении новых способов эвфемизации и обновлении экспрессивности сетевого общения; жанрообразующая, символическая и людическая – играют важную роль в возникновении многих уникальных явлений медиавирусного и сетевого происхождения: интернет-мемов, демотиваторов, тредов интернет-комментариев. При этом можно утверждать, что фразеология и различные ее функции активно участвуют и в поддержании собственно дискурсивных черт самого интернета: экспрессивности, разговорности, мгновенности передачи информации и др.

Обсуждение

Фразеология во всем своем структурном и типологическом многообразии активно используется в сетевом общении: в блогах, комментариях, социальных сетях, на интернет-форумах и т. д., демонстрируя высокую дискурсивную востребованность. В целом можно констатировать, что состав фразеологических функций в интернет-дискурсе «традиционен» и представлен номинативной, экспрессивной, эмоционально-оценочной и подобными функциями, использующимися и в других дискурсивных пространствах. При этом необходимо отметить, что в виртуальной коммуникативной среде некоторые из этих функций имеют специфические черты, важные для формирования самой сетевой коммуникации.

Так, номинативная функция фразеологических единиц приобретает особую роль в виртуальной коммуникации в связи с названием (разумеется, с обязательным для фразеологии экспрессивным компонентом) наиболее актуальных и релевантных для интернет-дискурса явлений и понятий, зачастую происходящим при помощи фразеологических неологизмов. С обязательной реализацией номинативной функции, например, появляется и функционирует корпус «собственно сетевой» фразеологии и фразеологии «компьютерщиков», получивший распространение именно благодаря интернету, например, *горелые дрова* ‘шутливо о компьютерной программе, графическом редакторе Corel Draw’: *ХЗ почему, но с каждой новой версией горелых дров приходится их себе ставить*¹; *топтать (жать) батоны* ‘нажимать на кнопки клавиатуры; пользоваться компьютером’: *Мы сейчас не на завалинке сидим, семки лузгаем, а топчем батоны перед монитором*²; *код с запашком* ‘компьютерная программа, имеющая явные признаки проблем в системе’: *Клянусь без пощады выпиливать код с запашком, И свято следить за работой*

¹ Здесь и далее все примеры из интернета приводятся с сохранением оригинальной авторской орфографии и пунктуации. LiveJournal. URL : <https://belkino.livejournal.com/1370210.html> (дата обращения : 01.12.2021).

² LiveJournal. URL : <https://xomme.livejournal.com/182987.html?thread=3010763> (дата обращения : 01.12.2021).

принципов SOLID³; *писать/написать под замок* ‘оставлять в социальных сетях или блоге записи, доступные только ограниченному числу подписчиков, которых выбирает сам автор’: *Я много пишу под замок, а тут оказалось, что одна особь спокойно читает все мои подзамки*⁴ и мн. др. Например, в словаре «Так говорят в русском Интернете»⁵ отмечается и множество других устойчивых выражений, называющих новые явления и реалии, значимые для «компьютеризированной» среды и виртуального общения и формирующие целый корпус или «квазистерминосистему»: *ад зависимостей, полный аут, фикснуть/пофикснуть баги, отправляться/отправиться (идти/пойти) в бан, теневой бан, ковровая бомбардировка, почтовая бомбардировка, война правок, голубой гигант, компьютерное железо, уйти (отправиться) на золото, синий (голубой) зуб, отправлять/отправить в игнор, тискать клавишу, горячая клавиша, таблетка (лекарство) от жадности, гадить/нагадить в коментах, король дров* и мн. др.

Представляется важным отметить, что многие фразеологизмы из «компьютерных» и сетевых жаргонов, появившиеся и функционирующие вначале лишь внутри субкультурных интернет-сообществ, под влиянием популярности виртуального общения «вышли» в сферу обычной, «непрофессиональной» коммуникации, перестали номинировать лишь реалии компьютерной и смежных сфер и приобрели более широкие значения. Так, например, произошло со следующими устойчивыми выражениями: *делать/сделать левелап, делать/сделать апгрейд, делать/сделать апдейт, делать/сделать даунгрейд, отправлять/отправить в игнор, прокачивать/прокачать скилл, фикснуть/пофикснуть баги* и др. Подобные примеры подтверждают как факт значительного влияния интернет-жаргонов на современный русский язык, так и факт информогенности самой сетевой субкультуры. В данном контексте важное значение приобретает парольная функция подобных фразеологизмов (особенно на этапе их узкого, «субкультурного» использования и незнания широкими массами), позволяющая отделить «своих» от «чужих». Важность парольной функции фразеологизмов в интернет-дискурсе подчеркивают и экспрессивные наименования для некомпетентных или начинающих пользователей интернета или компьютера типа *мастдайный ламер, полное ламо, нубский нуб* и мн. др.

В интернет-дискурсе номинативная функция фразеологических единиц ярко проявляет себя не только в «обозначении» новых технических средств и явлений «компьютеро-ориентированных» субкультур, но и тех связанных с политическими, социальными и экономическими изменениями реалий, которые наиболее актуальны для общества в данный момент и требуют при этом экспрессивного обозначения. Практически мгновенное отражение наиболее «острых» и обсуждаемых тем в интернете можно объяснить его конститу-

³ LiveJournal. URL : <https://bukov-ka.livejournal.com/96740.html> (дата обращения : 01.12.2021).

⁴ LiveJournal. URL : <https://v-top100.livejournal.com/234577.html> (дата обращения : 01.12.2021).

⁵ Доброва М. Так говорят в русском Интернете. Словарь. Оломоуц : Университет им. Ф. Палацкого, 2020. С. 17–167.

тивными дискурсивными характеристиками: социальной детерминированностью, экспрессивностью, анонимностью, мгновенностью и т. д. Так, в интернет-дискурсе активно функционируют (а также возникают) следующие фразеологические обороты, связанные с актуальными социальными и политическими темами: *диванные войска, диванные эксперты, кухонные генералы, дробильщик вкладов, пылесосить вклады, тефлоновый рейтинг, креативный класс, железный занавес* и мн. др. (Доброва, 2019: 152–154).

В контексте вышесказанного сближается с номинативной, но тем не менее отстоит от нее символическая функция фразеологических единиц, понимаемая нами в данном случае как способность устойчивых выражений отражать «символы» или маркеры определенного времени, представляющие собой максимально значимые для конкретного общества реалии. Подробнее о роли символической функции фразем и адекватности ее выделения было написано нами ранее (Доброва, 2019: 209–227). Подобные «ключевые фразеологизмы эпохи» всегда являются очень популярными элементами текстов СМИ. Как отмечает В.М. Мокиенко, подобные фраземы служат «своеобразным стилистическим и хронологическим «маркером» публицистического материала. <...> Специфика публицистической фразеологии проявляется также в отборе таких выражений, которые своей внутренней формой отражают наиболее актуальные для современности реалии и явления» (Мокиенко, 2016: 12). При этом в интернет-дискурсе символическая функция фразеологизмов приобретает особое значение в связи с их участием в так называемых интернет-мемах, одном из ключевых явлений виртуальной коммуникации, представляющем собой идею-символ в форме вирально распространяющегося контента, тесно вплетенного в конъюнктурное пространство современной культуры: «интернет-мемы транслируют нормы, миропредставление, производят и воплощают актуальные смыслы, социальный опыт и социальные перспективы, вводят модификации языка, организуют досуг индивида» (Зиновьева, 2016: 11). Наш анализ подобного материала позволяет выделить два типа участия фразеологических единиц в интернет-мемах (Доброва, 2019: 231–227): первый, условно называемый «фразеологизация» мема, при котором мем как явление первичен, а его частое употребление формирует новую фразеологическую единицу, в результате популярности часто выходящую в своем употреблении за пределы интернета, и второй – «меметизация» (или «мемизация») фраземы, при котором первичен фразеологизм (или поговорка, крылатое выражение и т. д.), благодаря своей популярности превращающийся в интернет-мем. Безусловно, вопрос о первичности или вторичности фразеологической единицы и интернет-мема должен восприниматься условно и иногда не может быть решен однозначно, что лишний раз подтверждает сложность проблемы соотношения и тесной связи данных явлений и необходимость ее дальнейшего изучения.

Процесс «фразеологизации мема» можно считать одним из новых источников и факторов возникновения устойчивых оборотов. Первичность мема (или «медиавируса») в таких случаях обычно легко определяется изначальным приматом визуального над вербальным, то есть наличием подкрепления в виде конкретного изображения до момента «превращения» интернет-мема

во фразеологическую единицу. Из медиавирусных явлений возникли следующие фразеологические единицы: *как упоротый лис кто* ‘ирон. о ком-либо странном; о ком-либо уставшем, плохо выглядящем’; *британские ученые* ‘ирон. вымышленные, несуществующие авторитеты’; *знаменитость российского уровня* ‘ирон. о человеке, ведущем себя вызывающе, снобски и требующем, чтобы к нему относились, как к знаменитости’; *Капитан Очевидность* ‘ирон. о человеке, приводящем в качестве аргументов прописные истины’; *80-го уровня кто, что* ‘ирон. о ком- или чем-либо максимально высокого уровня (о мастерстве, профессионализме)’ и мн. др.

Второй процесс, получивший название «меметизация фразеологизма», связан с первичностью фразеологической единицы, популярность и очень частое использование которой превращает ее в интернет-мем. В рамках данного процесса на основании виральной популярности некоторых устойчивых оборотов возникают следующие популярные мемы: *духовные скрепы, вежливые люди, зеленые человечки, Отец Пигидий, пчелы против меда, хруст французской булки* и мн. др. Большинство из этих устойчивых выражений носят иронический оттенок, быстро десемантизируются сначала до состояния мема, а затем и до превращения в хэштег (вид тематической метки, ключевое слово, начинающееся со значка # и облегчающее поиск по определенной теме или содержанию в социальных сетях или интернет-блогах), под которым располагается информация шуточного содержания, связанная с конкретной темой. Таким образом, процесс превращения фразеологической единицы в интернет-мем связан с ее последующей «визуализацией» и креолизацией, а также зачастую – дефразеологизацией и утратой определенного значения. Кроме участия в создании интернет-мемов, фразеология играет важную роль в возникновении и функционировании одного из ключевых развлекательных интернет-явлений – демотиваторов, представляющих собой классический креолизованный текст, состоящий из забавной картинке с шуточной подписью. Основой текста демотиватора часто выступают именно фразеологические единицы, в том числе афоризмы, поговорки и др., как в узуальной, так и в трансформированной форме, выполняя также людическую функцию и становясь важным элементом языковой игры (подробно о людической функции фразем, в том числе участия устойчивых оборотов в демотиваторах см., напр.: Доброва, 2019: 194–209; Тарса, 2016). Популярность и сложность реализации символической функции фразем в интернете доказывает тот факт, что фразеология играет важную роль не только в «символизации» значимых социальных, политических и культурных явлений, но и в формировании медиавирусных сетевых явлений.

Основная функция фразеологических единиц – экспрессивная – также имеет особенности своей реализации в виртуальной коммуникации. Присущая интернет-дискурсу в качестве конститутивного признака повышенная экспрессивность и ориентация на разговорность, во-первых, требует появления новых способов обновления выразительности устойчивых оборотов (при этом в сетевой коммуникации, безусловно, активно используются и «традиционные» способы обновления экспрессивности фразеологизмов, например, все многообразие приемов трансформации), а во-вторых, сама способствует формиро-

ванию экспрессивной фразеологии нового типа – эрративной фразеологии, представляющей собой целый пласт изначально узко-жаргонной сетевой фразеологии, созданной на основе искаженного, эрративного написания и выражающей, как правило, лишь положительную или отрицательную оценку. Например, *аццкий ад* ‘о чем-либо плохом, неприятном’; *аццкий сотона* ‘одобрительно о чем-либо, вызывающем восхищение’; *аффтар, выпей йаду!*, *аффтар, убей себя (сбя) ап стену (об стену)!* ‘негативная оценка чего-либо (обычно о тексте, материале, новости)’; *аффтар жжот* ‘выражение одобрения или восхищения чем-либо (обычно о тексте, материале, новости)’; *аффтар жжот напалмом* ‘выражение максимального одобрения или восхищения чем-либо (обычно о тексте, материале, новости)’; *аффтар, пеши исчо (изчо, есчо, ищо)!* ‘одобрительное высказывание о тексте, материале, новости’; *полный ацтой* ‘о чем-либо плохом, низкокачественном, скучном’; *канаццкий баян* ‘неодобрительно о чем-либо устаревшем, неинтересном’; *многа букаф* ‘неодобрительно о чем-либо устаревшем, неинтересном’; *в меморис!* ‘высокая положительная оценка чего-либо’; *ф топку!*, *выпей йаду* ‘негативная оценка чего-либо’; *убицца веником* ‘выражение удивления или восхищения’ и мн. др. Системный характер подобных экспрессивных выражений (как в Сети, так и за ее пределами), а также и зафиксированность современными словарями позволяет говорить об их неокказиональности и принадлежности к фразеологии. К специфическим фразеологическим интернет-эрративам, по нашему мнению, можно условно отнести и такое явление, как «фразеологический кириллический варваризм», представляющий собой буквальное заимствование из английского языка, записанное кириллицей и носящее при этом системный характер употребления, например: *джаст бизнес (онли бизнес)* ‘это всего лишь бизнес; говорится об отсутствии личных мотивов или личной заинтересованности в чем-либо’; *джаст ин тайм* ‘точно в срок, точно вовремя’; *джаст фор (фо) лулз (фан)* ‘ради удовольствия; для смеха, веселья’; *траст ми* ‘шутливый призыв верить говорящему; поверь мне!’ и др. Подобные выражения именно в сетевой коммуникации получают полноценную письменную фиксацию.

Тесную связь с фразеологической экспрессивностью имеют и эвфемистическая и дисфемистическая функции устойчивых оборотов. В интернет-дискурсе, в котором сочетаются два противоборствующих коммуникативных вектора: тенденция к открытости и свойственная средствам массовой информации тенденция к камуфлированию, фразеологические дисфемизмы и эвфемизмы также имеют особенности функционирования.

В первую очередь необходимо отметить свойственные именно сетевому дискурсу случаи особого типа трансформаций устойчивых выражений – графических преобразований с целью эвфемизации. Эвфемистические графические трансформации фразеологических единиц в интернете происходят за счет введения в узуальную обценную или грубую фразу широчайшего спектра параграфемных средств, например перестановки букв, ввода точек или других знаков препинания, знака «собачки» и решетки, звездочки или астериска, знака π или его значения, литуративов, псевдолитуративов и других подобных элементов (*Воистину, жениться лучше на молодых, нежных*

и глупеньких. А не на таких занозах, как она, и увы, как я⁶; Связи нет. Поддержка через Ж...⁷ и т. д.). Следует отметить и влияние эрративных, связанных с сознательным искажением облика слова способов эвфемизации фразеологизмов, создаваемой за счет так называемого орфоарта и параграфемных элементов.

Важную роль в эвфемизации грубых и обценных выражений в сетевом дискурсе можно отнести сокращению фразеологических единиц. Образование из фразеологизмов сложносокращенных слов и акронимов в определенной степени снимает с этих выражений их «непечатный характер», а также служит ускорению коммуникации, столь важному для виртуального общения. Ср., например, многие случаи подобных эвфемистических интернет-сокращений фразеологических обценизмов, приводимые и современными словарями: *АХЗ, БП, КГ/АМ, ТП, ХЗ, ЕБМП, ЕТМ* и мн. др.⁸ Виртуальная коммуникация также становится площадкой для возникновения и функционирования ироничных фразеологических эвфемизмов из сетевых субкультур, например, программистов: *как два байта переслать; нас reboot, а мы крепчаем; не USB мне мозги!* и мн. др.

Дисфемистическая функция традиционных обценных и грубых устойчивых оборотов активно применяется в сетевом общении, отличающемся анонимностью и открытостью. При этом интернет-дискурс не только использует экспрессивность хорошо известных, «традиционных» фразеологических обценизмов, но и благодаря своей неогенности становится источником возникновения, средой функционирования и способом закрепления в речи многих новых дисфемистических фразем, например: *горящий пукан* ‘иронично о чьей-либо очень сильной негативной эмоции, возмущении’; *рвать/порвать <свою>... на британский флаг* ‘очень стараться что-либо сделать; прикладывать максимум усилий к чему-либо’; *отбеливать/отбелить анус* ‘заниматься глупым, бесполезным делом’; *пукан бомбит (бомбанул, горит, пригорает, подгорает)* ‘иронично о чьей-либо очень сильной негативной эмоции, возмущении’ и мн. др.⁹ (подробнее об эвфемистической и дисфемистической функциях фразеологизмов см.: Доброва, 2021).

Фразеологизмы часто становятся ключевыми элементами порождения и последующей организации текста. В интернет-дискурсе фразеологические единицы, как и в других дискурсах, реализуют свой текстообразующий потенциал, становясь, скажем, межфразовой скрепой, частью сильной позиции (например, названия поста или сообщения в социальной сети) с последующей семантизацией или элементом рекуррентности в тексте. При этом необходимо отметить значительную роль фразем в интернет-дискурсе как жанрообразующих средств. Так, благодаря жанрообразующей функции устойчивых оборотов в Сети «рождаются» целые треды, «ветки» дискуссий, состоящие

⁶ LiveJournal. URL : <https://nattyshaffner.livejournal.com/99461.html> (дата обращения : 01.12.2121).

⁷ LiveJournal. URL : <https://korchagin.livejournal.com/1372593.html> (дата обращения : 01.12.2121).

⁸ Доброва М. Так говорят в русском Интернете. Словарь. Оломоуц : Университет им. Ф. Палацкого, 2020. С. 58–362.

⁹ Там же. С. 26–268.

из отдельных интернет-комментариев, появившихся благодаря комментированию или семантизации фразеологизма, происходящих при помощи различных трансформационных приемов, например экспликации образной основы, народно-этимологического переосмысления или двойной актуализации фраземы. Ср. следующий пример, представленный на новостном сайте и демонстрирующий значительную роль фразеологизмов в формировании треда интернет-дискуссии и интернет-комментариев:

Daniel. *Вот они, плоды стабильности в тихой гавани.*

Владимир. *в тихой гавани черти водятся.*

Daniel. *Черти в омуте, в гавани – чертята.*

Владимир. *омут, по определению меньше гавани, следовательно в гавани «плоды стабильности» т.е. черти, в нашем примере, крупнее... логика так подсказывает...*

<...> Владимир. *Подумавши, забираю свои слова обратно. В нашей тихой гавани нано-чертята водятся. ОНИ помельче чертей будут...¹⁰.*

Таким образом, можно говорить о том, что фразеологизмы способствуют коммуникации между участниками общения в Сети и участвуют в порождении нового сетевого жанра.

Заключение

Рассмотренный материал показывает, что фразеологизмы в русскоязычном интернет-дискурсе являются востребованными и важными элементами создания собственно дискурсивных черт самой виртуальной коммуникации, например экспрессивности, открытости, анонимности, неогенности и т. д., поскольку участвуют в назывании и оценке элементов реальности, релевантных для сетевого пространства, способствуют «символизации» и мгновенному отражению «ключевых понятий эпохи», помогают в формировании медиавирусных явлений – интернет-мемов и демотиваторов, включаются в «людизацию» и игровой характер виртуальной коммуникации, способствуют реализации парольной функции, позволяющей отличить «своего» от «чужого» в рамках субкультурного общения, выступают в качестве жанрообразующего средства, при помощи которого появляются треды интернет-дискуссий.

Принципиально важным представляется отметить, что экспрессивность самого интернет-дискурса поддерживается экспрессивными средствами фразеологии, при этом отмечается взаимообусловленность данных процессов, поскольку и сама фразеология испытывает влияние сетевой коммуникации: возникает сетевая фразеология, эрративная фразеология, новая обценная фразеология, появляются новые способы эвфемизации устойчивых выражений и т.д. Данный процесс отвечает тенденции взаимной детерминированности современной русской речевой ситуации и виртуальной коммуникации, выражающейся в том, что не только сами активные и неогенные языковые процессы с наибольшей наглядностью отражаются именно в интернет-дискурсе, но сама виртуальная коммуникация частично влияет на образование языковых тенденций, формирующих облик современного русского языка и речи.

¹⁰ Банки.ру. URL : <https://www.banki.ru/forum/> (дата обращения : 09.08.2020).

При этом, на наш взгляд, значительную роль фразеологии в интернет-дискурсе, отвечающем новому текстовому культурному вектору, для которого характерно «клиповое мышление», разрушение традиционных текстовых и нарративных структур, возрастание роли креолизованности и эффектности, можно объяснить ее экспрессивностью, образностью, краткостью, интертекстуальной и семантической полноценностью, позволяющими взять на себя поддержку эффективности сетевых «образов» и выступить элементом компенсации разрушенных нарративных структур.

Список литературы

- Гвоздарев Ю.А. Функции фразеологических единиц в русской речи // Фразеологическая номинация. Особенности семантики фразеологизмов : межвузовский сборник научных трудов. Ростов н/Д: РГПИ, 1989. С. 12–19.
- Доброва М. Русские фразеологизмы в интернет-дискурсе : функциональный аспект. Оломоуц : Университет им. Ф. Палацкого, 2019. 282 с. <https://doi.org/10.5507/ff.19.24455075>
- Доброва М. Фразеологические дисфемизмы и эвфемизмы в русскоязычном интернет-дискурсе // *Rossica Olomucensia*. Vol. LX. Časopis pro ruskou a slovanskou filologii. Num 2. Olomouc : Univerzita Palackého v Olomouci, 2021. С. 33–46.
- Добрыднева Е.А. Коммуникативно-прагматическая парадигма русской фразеологии. Волгоград : Перемена, 2000. 223 с.
- Зиновьева Н.А. Трансляция социокультурных кодов в создании информационного продукта : анализ интернет-мемов : дис. ... канд. соц. наук. СПб., 2016. 203 с.
- Интернет и фольклор : сборник статей / сост. А.В. Захаров. М. : Гос. респ. центр русского фольклора, 2009. 317 с.
- Кронгауз М.А. Самоучитель Олбанского. М. : АСТ, 2013. 412 с.
- Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. Дубна : Феникс+, 2005. 488 с.
- Лутовинова О.В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса. Волгоград : Перемена, 2009. 476 с.
- Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи : словарь. М. : Русские словари; АСТ : Астрель, 2005. 853 с.
- Мечковская Н.Б. Естественный язык и метаязыковая рефлексия в век Интернета // Русский язык в научном освещении. 2006. № 2 (12). С. 165–185.
- Мокиенко В.М. Жизнь русской фразеологии в современной речи // Вестник КемГУ. 2012. № 4. С. 59–62.
- Мокиенко В.М. Русская фразеология в Интернете (культурологические и историко-этимологические комментарии) // Медиалингвистика. 2013. № S1. С. 244–252.
- Мокиенко В.М. Функции фразем в современных СМИ // Медиалингвистика. 2016. № 3 (13). С. 7–18.
- Савицкий В.М. Основы общей теории идиоматики. М. : Гнозис, 2006. 206 с.
- Степанов Ю.С. Язык и Метод. К современной философии языка. М. : Языки русской культуры, 1998. 770 с.
- Тарса Я. Фразеологизмы в демотиваторах // Sborník příspěvků z mezinárodní konference XXIII. Olomoucké dny rusistů 10.-11.9.2015. *Rossica Olomucensia*. Vol. LV. Olomouc : Univerzita Palackého v Olomouci, 2016. С. 221–226.
- Трофимова Г.Н. Языковой вкус интернет-эпохи в России : функционирование русского языка в Интернете : концептуально-сущностные доминанты. М. : РУДН, 2011. 435 с.
- Фокина М.А. Фразеологические единицы в повествовательном дискурсе : на материале русской художественной прозы XIX–XX веков : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Орел, 2008. 50 с.

- Фразеологизм и слово в художественном, публицистическом и народно-разговорном дискурсах : материалы международной научно-практической конференции / под ред. И.Ю. Третьяковой. Кострома : КГУ им. Н.А. Некрасова, 2016. 281 с.
- Эмирова А.М. О языковых функциях фразеологических единиц (идиом) // Фразеология и контекст : сборник научных статей. Самарканд : СамГУ, 1987. С. 30–39.
- Boardman M. The language of websites. New York – London : Routledge, 2005. 133 p.
- Crystal D. Language and the Internet. Cambridge : Cambridge University Press, 2001. 272 p.
- Naciscione A. Stylistic use of phraseological units in discourse. Amsterdam – Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2010. 292 p.

Сведения об авторе:

Доброва Мария Сергеевна, доктор филологии, научный сотрудник кафедры славистики, философский факультет, Университет имени Ф. Палацкого, Чешская Республика, 779 00, Оломоуц, ул. Кржижковского, д. 10. *Сфера научных интересов*: лексикология, лексикография, фразеология, фразеография, динамические процессы в современном русском языке, лингвистика СМИ и интернета, теория дискурса. Автор более 40 научных публикаций, в том числе 2 монографий и 2 словарей. ORCID: 0000-0001-6106-8453. E-mail: mariia.dobrova@upol.cz

DOI 10.22363/2618-8163-2022-20-2-233-246

Research article

Phraseological units functions implementation in the discursive space of the Russian-speaking Internet

Mariia S. Dobrova

Palacký University Olomouc, Olomouc, Czech Republic

✉ mariia.dobrova@upol.cz

Abstract. The purpose of the research is to consider the aspects of some functions of phrasemes in the Russian-language Internet discourse, primarily in connection with their role in forming significant elements of network communication. The relevance of the study is determined by the fact, that the problem of implementation of certain functions of set expressions in Internet discourse has not yet been fully explored and requires close attention to the interdependence of phraseology and other Internet phenomena. The material of the article are contexts with phrasemes, collected by the method of continuous sampling only from the proper network genres: Internet forums, network blogs, Internet comments, social networks, etc. The author analyzes the features of phraseology and its pragmatic potential. The method of continuous sampling, classification-typological and interpretive methods, as well as the method of discourse-contextual analysis of linguistic units were used. The methodological basis was formed by articles on the functional aspects of phraseology and Internet linguistics. The study proved that, on the one hand, the Internet is an actual environment for studying the linguistic units functioning, and phraseology itself in the new speech and discursive conditions remains in demand. It is shown that phraseology and its functions in online communication create

proper discursive features of the Internet: expressiveness, colloquialism, neogeneity, etc., and also take part in emerging different phenomena of network origin: Internet memes, “demotivators,” threads of Internet comments.

Keywords: phraseological unit, pragmatic study of phraseology, language sign function, internet discourse, language of Internet, internet meme, euphemism, dysphemism

Article history: received 05.10.2021; accepted 18.12.2021.

For citation: Dobrova, M.S. (2022). Phraseological units functions implementation in the discursive space of the Russian-speaking Internet. *Russian Language Studies*, 20(2), 233–246. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-2-233-246>

References

- Boardman, M. (2005). *The language of websites*. New York, London: Routledge.
- Crystal, D. (2001). *Language and the Internet*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Dobrova, M. (2019). *Russian phraseological units in Internet discourse: Functional aspects*. Olomouc: Palacky University. (In Russ.) <https://doi.org/10.5507/ff.19.24455075>
- Dobrova, M. (2021). Phraseological dysphemisms and euphemisms in Russian internet discourse. *Rossica Olomucensia. Vol. LX. Časopis pro ruskou a slovanskou filologii*, (2), 33–46. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci. (In Russ.)
- Dobrydneva, E.A. (2000). *Communicative and pragmatic paradigm of Russian phraseology*. Volgograd: Peremena Publ. (In Russ.)
- Emirova, A.M. (1987). On the linguistic functions of phraseological units (idioms). *Phraseology and context: Collection of articles* (pp. 30–39). Samarkand: SamSU Publ. (In Russ.)
- Fokina, M.A. (2008). *Phraseological units in narrative discourse: On the material of Russian fictional prose of the 19–20 centuries*. [Author’s abstr. dr. philol. diss.]. Oryol. (In Russ.)
- Gvozdev, Yu.A. (1989). Functions of phraseological units in Russian speech. *Phraseological nomination. Features of the semantics of phraseological units: Proceedings* (pp. 12–19). Rostov-on-Don: RGPI Publ. (In Russ.)
- Krongauz, M.A. (2013). *Self-study guide of the “Albanian” language*. Moscow: AST Publ. (In Russ.)
- Kunin, A.V. (2005). *A course of phraseology of modern English*. Dubna: Phoenix+ Publ. (In Russ.)
- Lutovinova, O.V. (2009). *Linguocultural characteristics of virtual discourse*. Volgograd: Peremena Publ. (In Russ.)
- Mechkovskaya, N.B. (2006). Natural language and metalanguage reflection in the age of the Internet. *Russian Language and Linguistic Theory*, (2(12)), 165–185. (In Russ.)
- Melerovich, A.M., & Mokienko, V.M. (2005). *Phraseologisms in Russian speech: Dictionary*. Moscow: Russkie Slovarei Publ., AST Publ., Astrel’ Publ. (In Russ.)
- Mokienko, V.M. (2012). The life of the Russian phraseology in the contemporary speech. *Bulletin of Kemerovo State University*, (4), 59–62. (In Russ.)
- Mokienko, V.M. (2013). Russian phraseology on the Internet (cultural and historical-etymological comments). *Media Linguistics*, (S1), 244–252. (In Russ.)
- Mokienko, V.M. (2016). The phrases’ functions in modern media. *Media Linguistics*, (3(13)), 7–18. (In Russ.)
- Naciscione, A. (2010). *Stylistic use of phraseological units in discourse*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
- Savitsky, V.M. (2006). *Foundations of the general theory of idioms*. Moscow: Gnosis Publ. (In Russ.)
- Stepanov, Yu.S. (1998). *Language and Method. Towards the modern philosophy of language*. Moscow: Yazyki Russkoi Kul’tury Publ. (In Russ.)

- Tarsa, J. (2016). Phraseologisms in demotivators. *Sborník Příspěvků z Mezinárodní Conference XXIII. Olomoucké Dny Rusistů 10.-11.9.2015. Rossica Olomucensia* (vol. LV, pp. 221–226). Olomouc : Univerzita Palackého v Olomouci. (In Russ.)
- Tretyakova, I.Yu. (Ed.). (2016). *Phraseologism and the word in artistic, journalistic and folk-colloquial discourses: Proceedings of the international scientific-practical conference*. Kostroma: Kostroma SU Publ. (In Russ.)
- Trofimova, G.N. (2011). *The linguistic taste of the Internet era in Russia: The functioning of the Russian language on the Internet: Conceptual and essential dominants*. Moscow: RUDN Publ. (In Russ.)
- Zakharov, A.V. (Ed.). (2009). *Internet and folklore: A collection of articles*. Moscow: Gos. Resp. Tsentr Russkogo Fol'klora Publ. (In Russ.)
- Zinovieva, N.A. (2016). *Translation of sociocultural codes in the creation of an information product: Analysis of Internet memes*. (Doctoral dissertation, Saint Petersburg). (In Russ.)

Bio note:

Mariia S. Dobrova, Doctor of Philology, Assistant Professor at Department of Slavic Studies, Faculty of Arts, Palacký University Olomouc, 10 Křížkovského St, Olomouc, 779 00, Czech Republic. *Research interests:* lexicology, lexicography, phraseology, phraseography, dynamic processes in modern Russian language, linguistics of the media and the Internet, discourse theory. The author of over 40 scientific publications, including 2 monographs and 2 dictionaries. ORCID: 0000-0001-6106-8453. E-mail: mariia.dobrova@upol.cz

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА
КАК РОДНОГО, НЕРОДНОГО, ИНОСТРАННОГО
METHODS OF TEACHING RUSSIAN
AS A NATIVE, NON-NATIVE, FOREIGN LANGUAGE

DOI 10.22363/2618-8163-2022-20-2-247-262

Научная статья

**Инновационный лексикографический дискурс
в жанре детектива:
возможности учебной репрезентации фразеологизма**

Т.Г. Никитина , Е.И. Роголёва *Псковский государственный университет, Псков, Россия* cambala2007@yandex.ru

Аннотация. Представлен разработанный и реализуемый авторами инновационный подход к репрезентации русской фразеологии в словаре для школьников. Актуальность исследования определяется необходимостью совершенствования учебных лексикографических технологий в связи с возрастающей ролью словаря как средства обучения и мотиватора к изучению языка. Цель исследования – определить лингводидактический потенциал инновационного учебного лексикографического дискурса в жанре детектива. Тема раскрывается на материале разрабатываемых в этом жанре фразеологических словарей Экспериментальной лаборатории учебной лексикографии Псковского университета, не имеющих аналогов в отечественной фразеологической практике. В основу разработки словарных материалов положен метод параметрического лексикографического моделирования. Особое внимание уделяется разработке этимологического параметра методом этимологического парафразирования, предполагающим выбор определенной модели этимологизации в зависимости от способа фразеомобразования. Лингводидактический потенциал инновационного лексикографического дискурса раскрывается описательным методом (приемы систематизации и интерпретации). Приводятся фрагменты словарных статей, иллюстрирующие основные положения концепции. Показаны выявленные возможности и механизмы совмещения параметров учебного и литературно-художественного (детективного) дискурса в статьях фразеологического словаря, адресованного младшему школьнику. Представлены новые модели этимологизации, лингвокультурологического комментирования и репрезентации функционально-прагматических свойств русских фразеологизмов в рамках учебного лексикографического дискурса детективного жанра. Доказано, что организованный таким образом инновационный лексикографический дискурс позволяет эффективно решать задачу многоаспектной учебной репрезентации фразеологии, а также обеспечивает участие читателя в построении учебно-научного дискурса, поддерживает процесс обучения школьников жанрам речи.

© Никитина Т.Г., Роголёва Е.И., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Подчеркивается возможность использования предлагаемой лексикографической технологии при разработке интерактивных учебных словарей на паремиологическом и лексическом материале.

Ключевые слова: русский язык, фразеология, лексикография, фразеологический словарь, лексикографический дискурс, детективный дискурс, этимологическое парафразирование, интерактивность словаря

История статьи: поступила в редакцию 08.10.2021; принята к печати 22.12.2021.

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20-18-00091, реализуемый в Санкт-Петербургском государственном университете).

Для цитирования: *Никитина Т.Г., Роголёва Е.И.* Инновационный лексикографический дискурс в жанре детектива: возможности учебной репрезентации фразеологизма // Русистика. 2022. Т. 20. № 2. С. 247–262. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-2-247-262>

Введение

До недавнего времени в лингвистической литературе четко не разграничивались понятия лексикографического текста и лексикографического дискурса. Лексикографический дискурс квалифицировался как вариант научного текста, его единицей признавалась словарная статья как текст информационного характера (Резунова, 2008: 47–48). Анализ современных словарей позволил исследователям трактовать лексикографический дискурс как тип коммуникативного взаимодействия, в котором в целях максимального объяснительного эффекта отображаются значения слов как «кванты знаний» о мире (Плотникова, 2014: 22). Современные словарные статьи содержат семантическую и прагматическую информацию, обладают когнитивным потенциалом (Передриенко, Баландина, 2020: 51), а кроме того, отражают субъективное, авторское понимание объекта описания. При реализации принципа интерактивности, особо значимого как для обучения иностранному языку (Bagratova, Vasileva, 2020), так и для учебной лексикографии (Маркевич, Ростова, 2016), авторская позиция не только эксплицируется, но и реализуется в диалоге с читателем.

Такой формат учебного лексикографического дискурса особенно полезен при репрезентации читателю, в том числе иноязычному, русской фразеологии, так как позволяет шире использовать стратегии контекстуальной семантизации, различные модели этимологического парафразирования, иллюстративную поликодовость лингвокультурологического комментария, что дает возможность снять многочисленные сложности при освоении фразеологических единиц (ФЕ), на которые указывают российские и зарубежные авторы статей по фразеодидактике (Федуленкова, 2005; Gonzalez Rey, 2007; Sułkowska, 2016; Каролчук, 2021). В числе сложных для осмысления параметров фразеологизмов – специфика их мотивировки (Dobrovolskij, Piirainen, 2018; Křivancová, 2020), лексико-синтаксические особенности, варьирование (Cserép. Part 1, 2017; Cserép. Part 2, 2017), этнокультурный компонент, выявляемый на фоне других языков (Кузнецова, 2018; Bilyalova et al., 2019; Mokienko, 2019). Однако при таком понимании проблемы фразеологами и методистами

зарубежные лексикографы крайне редко обращаются к теоретическим вопросам учебной фразеологии (Nuccorini, 2003), не включают учебные фразеологические словари в классификационные схемы лексикографических источников (Swanepoel, 2003), что вполне объяснимо: практические разработки в данной сфере количественно не сопоставимы с богатейшим европейским ресурсом академической фразеологии (Dobrovolskij, 2013).

В противоположность такому положению дел российские школьники и иностранцы, изучающие русский язык, могут пользоваться десятками учебных фразеологических источников, среди которых уже давно считаются классикой словари В.П. и А.В. Жуковых¹, Д.Э. Розенталя², Н.В. Баско³ и др., а одной из задач лексикографов является совершенствование приемов репрезентации фразеологии в словарях новых типов.

Характеризуя новые тенденции в русском лексикографическом дискурсе, А.М. Плотникова подчеркивает, что его специфические черты активно эксплуатируются и имитируются в художественной литературе и публицистике (Плотникова, 2014: 22). Отметим и противоположную тенденцию: лексикографический дискурс, прежде всего – учебный, предполагающий занимательность и мотивацию к изучению языка, может строиться с использованием жанровых схем медиатекста и художественной литературы, что и реализуется во фразеологических проектах Экспериментальной лаборатории учебной лексикографии Псковского государственного университета: словарь в рассказах, словарь-детектив, словарь-травелог, а отдельные статьи в словарях, не отличающихся подобной жанровой специализацией, строятся в стиле интервью, репортажа, научной дискуссии (Никитина, Роголёва, 2020, 2021).

Цель исследования – раскрыть лингводидактический потенциал инновационного учебного лексикографического дискурса в жанре детектива, репрезентирующего русские фразеологизмы младшему школьнику в новых проектах псковской Экспериментальной словарной лаборатории.

Методы и материалы

Заявленная тема раскрывается на материале готовящихся к печати учебных фразеологических словарей, разрабатываемых псковскими лексикографами в жанре детского детектива. Описательный метод (приемы систематизации и интерпретации) используется для выявления их лингводидактического потенциала. В основу разработки словарных материалов положен метод параметрического лексикографического моделирования. Особое внимание уделяется разработке этимологического параметра с учетом фактора адресата

¹ Жуков В.П., Жуков А.В. Школьный фразеологический словарь русского языка. М. : Просвещение, 2009. 574 с.

² Краснянский В.В., Розенталь Д.Э. Фразеологический словарь русского языка. М. : Мир и образование, 2017. 416 с.

³ Баско Н.В. Фразеологизмы в русской речи : словарь-справочник. М. : Флинта, 2009. 272 с.

(метод этимологического парафразирования, предполагающий выбор определенной модели этимологизации в зависимости от способа фразеологизации). Приемы лингвокультурологического и контекстуального анализа, предшествовавшего словарной разработке фразеологизмов, позволили выявить культурный фон и уточнить речевые смыслы, передаваемые фразеологизмами в современных ситуациях употребления, что стало предметом лингвокультурологического и функционально-прагматического описания ФЕ в рамках инновационного лексикографического дискурса.

Результаты

В ходе исследования выявлены возможности и механизмы совмещения параметров учебного и литературно-художественного (детективного) дискурса в статьях фразеологического словаря, адресованного младшему школьнику.

Разработаны новые модели этимологизации, лингвокультурологического комментирования и репрезентации функционально-прагматических свойств русских фразеологизмов в рамках инновационного учебного лексикографического дискурса детективного жанра.

Доказано, что организованный таким образом инновационный лексикографический дискурс помимо многоаспектной учебной репрезентации фразеологии позволяет решать новые лингвометодические задачи – обеспечивает участие читателя в построении учебно-научного дискурса, поддерживает процесс обучения школьников жанрам речи.

Обсуждение

Детективный дискурс, как отмечает Г.В. Макович, – это выражение особой ментальности, специфического получения и обработки знаний о мире (Макович, 2020: 62). Как известно, жанрообразующим признаком детектива является наличие интриги, увлекательной задачи, которую читатель решает параллельно с героем-сыщиком, включая логическое мышление и интуицию. Поиск и анализ вещественных доказательств, проверка появляющихся версий и верное решение задачи – эта модель работы следователя может быть использована для описания процесса этимологизации фразеологизма, образ которого вызывает вопрос (почему мы так говорим?), а поиск ответа – это и есть сюжет словарной статьи, написанной в жанре «детского детектива», для которого характерна развлекательность, элемент игры (Ворончихина, 2020: 360–361).

Детективно-фразеологический словарь в рассказах

Рабочее название готовящегося к изданию и адресованного младшим школьникам словаря Экспериментальной лексикографической лаборатории ПсковГУ – «Фразеологические истории детектива Грома». Фразеологическими «расследованиями», о которых рассказывают словарные статьи, заняты «сотрудники» ФСК – Фразеологического следственного комитета. Детектив Гром – симпатичный пудель, очень сообразительный пес, который вместе со своим хозяином – известным петербургским ученым Валерием Михайло-

вичем Мокиенко раскрыл множество фразеологических тайн. Напарник Грома – кот-аналитик Мурзик (он уверен, что его кличка образована от сокращения МУР – Московский уголовный розыск) по линии своей бабушки – кошки Чины из Костромы и ее хозяйки – профессора Алины Михайловны Мелерович также связан с фразеологическими кругами. Опираясь на опыт своих хозяев, друзья успешно ведут самостоятельные расследования. Помогает Грому и Мурзику стажер-исследователь – попугай Хома, изучающий фразеологию по конспектам студента Николаева С., найденным на Университетской набережной. «А что расследует эта веселая компания, – говорится в предисловии, – ты, наверное, уже догадался: конечно, самые запутанные и загадочные истории происхождения фразеологизмов». Таким образом, непосредственное обращение авторов к читателю сразу же задает интерактивный режим пользования словарем, который затем будет поддерживаться не только подобными лексико-грамматическими приемами создания диалогичности, но также коммуникативными и творческими заданиями с обратной связью (предложить детективам фразеологизмы для новых расследований, проиллюстрировать этимологические версии рисунками, прислать постановочные видеосюжеты и устные рассказы, иллюстрирующие употребление фразеологизма, для новых словарей книжного формата и их электронных версий).

Следующий фрагмент предисловия, знакомящий читателя со структурой справочной зоны словарной статьи, приведем как образец учебного дискурса, ориентированного на взаимодействие с реципиентом – младшим школьником с учетом уровня его лексикографической и фразеологической компетентности:

Ты будешь читать не просто подборку занимательных детективных историй. Наша книга – самый настоящий словарь. Она состоит из словарных статей. Каждая статья, как и положено в словаре, начинается с заголовка (он написан крупным шрифтом по центру) – это и есть фразеологизм, о котором пойдет речь в статье. На следующей строчке – значение фразеологизма. Затем мы указываем, в какой сфере он употребляется (обычно – это разговорная речь). Далее – какие эмоции и чувства передает фразеологизм, с какой целью употребляется: пошутить над кем-то или предупредить о чем-либо, выразить недоверие, сожаление, уверенность или одобрение:

ПОДЛОЖИТЬ СВИНЬЮ (кому)

Незаметно помешать, тайно навредить кому-либо.

Употребляется в разговорной речи.

Говорится с неодобрением.

Далее – разворачивается «детективный» сюжет. Многомерный лингводидактический потенциал этого компонента инновационного учебного лексикографического дискурса представим фрагментами словарных статей.

«**ПОДЛОЖИТЬ СВИНЬЮ**» – уже в завязке этой детективной истории читатель наблюдает употребление фразеологизма в конкретной ситуа-

ции, где героям видится попытка конкурентов навредить им (так реализуется демонстративная функция учебного дискурса):

Детективы Гром и Мурзик просматривают новости фразеологического сайта:

Пудель Гром: *Ай-ай-ай! Коллега Мурзик, посмотрите, что про нас с Вами написали: КОТ УЧЕН, НО КАК ОН НЕЧУТОК. А СОБАКА БОСА.*

Кот Мурзик: *И кто же это нам такую свинью подложил?*

Пудель Гром: *Думаю, конкуренты. Хотят испортить наш имидж. Но мы не будем обращать на это внимания, ведь все равно лучше нас никто не ведет фразеологические расследования. (Отметим воспитательно-профилактический момент – пример адекватной реакции уверенного в себе субъекта на попытку буллинга).*

И далее – «фразеологическая профилактика» – предупреждение некорректной трактовки внутренней формы фразеологизма (которую читатель должен заметить), а также расширение лингвистического кругозора школьника понятием палиндрома:

Попугай Хома: *Господа детективы, я что-то не понял, о какой свинье вы говорите? Я вам никакую свинью не подкладывал: на завтрак-то у нас была не свинина, а овсянка. А КОТ УЧЕН... – это я участвовал в конкурсе палиндромов. Палиндромы – это слова или фразы, которые слева направо и справа налево читаются одинаково. Вот я про вас и сочинил. И даже занял первое место среди галок и ворон! Вы попробуйте еще раз прочитать.*

Пудель Гром: *Действительно, получается. Поздравляем, Хома! К тому же у нас появилась отличная тема нового расследования – история происхождения фразеологизма ПОДЛОЖИТЬ СВИНЬЮ, что значит «незаметно помешать, тайно навредить кому-либо».*

Попугай Хома: *Навредить? Помешать? Как это связано со свиньей? Может, это какая-то другая свинья, не настоящая?*

Поиски «другой свиньи» приводят детективов в город Псков, где студенты университета возрождают народные подвижные игры, одна из них – игра «в свинки», напоминающая игру в городки, когда толстой палкой (ее-то раньше и называли в некоторых областях России «свинкой») сбивали фигуры, сложенные из камней или небольших палочек (реализуется культурно-исторический аспект этимологизации фразеологизма).

Пудель Гром: *Интересно, интересно... А вы что скажете, коллеги?*

Попугай Хома: *А я, кажется, понял, что это за свинья. Это и есть палка – свинка, которой сбивали фигуры. Допустим, кто-то захотел навредить сопернику и подкладывает ему треснувшую свинку, которая ломается при ударе. Вот и подложил свинью. Да, нехорошо. Это не по-спортивно.*

О другой игре «в свинки», настольной, рассказывает студент, побывавший в Пушкиногорском заповеднике (в этимологизацию фразеологизма включается краеведческая информация). Там, в музее «Водяная мельница» в деревне Бугрово, можно поиграть в народные игры, в том числе в «свинки». Свинки – небольшие деревянные фишки. Щелчком пальцев нужно сталкивать свинки, лежащие на столе одной и той же стороной вверх, и забирать их

себе. А можно щелкнуть по свинке так, что она перевернется и станет неудобной для удара – вот и подложил свинью сопернику.

Детективы отправляются играть в эти народные игры, что предлагается сделать и читателю (физкультминутка включается во многие словарные статьи), а «Дело о подложенной свинье» объявляется закрытым: свинья обнаружена в народных играх – это «свинка», палка или фишка, не подходящая для удара, которую и подкладывают сопернику.

Вывод о происхождении фразеологизма – как правило, формализованная часть традиционной словарной статьи – в условиях гибридного учебного литературно-художественного (детективного) лексикографического дискурса получает самые разные, встроенные в сюжет формы реализации. В статье «Нести околесицу» попугай Хома, коротая время в пробке (во время движения за рулем нельзя пользоваться мобильным телефоном!) кратко излагает этимологическую версию фразеологизма своему другу – бразильскому попугаю Жорди, который тоже изучает русскую фразеологию. По делу белки, вертящей колесо (статья «Вертеться как белка в колесе»), с этимологическим заключением выступает «основной свидетель» – Иван Андреевич Крылов, представляющий текст своей басни – «вещественное доказательство» литературного происхождения фразеологизма. А в статье «Белены объелся» этимологическая версия представлена в чистосердечном признании белены – «обвиняемого», ядовитого растения (прием персонификации), которое предупреждает читателя о своих вредных свойствах. Соответствующие текстовые фрагменты выделяются цветом, как и справочная заголовочная зона словарной статьи, таким образом, все основные параметры описания фразеологизма – семантический, функционально-прагматический, этимологический – объединяются в лаконичную версию репрезентации оборота, что удобно для оперативного получения основной информации о нем.

Те же читатели, которые внимательно следят за всеми перипетиями сюжета от постановки проблемы «детективами» до ее успешного решения, отраженного в этимологическом резюме, увидят все этапы работы «следователей» и виды следственных действий, ведущих к раскрытию происхождения фразеологизма, которые обычно представлены в произведениях детективного жанра.

Основной прием работы – «следственный эксперимент» – помогает детективам раскрыть внутреннюю форму фразеологизмов, уточнить сферу их происхождения. Так, в статье «Прыгнуть выше головы» участниками следственного эксперимента становятся сами детективы: кот Мурзик и пудель Гром в прыжке без труда преодолевают высоты, намного превышающие их рост, что позволяет исключить связь происхождения фразеологизма, обозначающего почти невозможное достижение, с животным миром. В статье «Вывести на чистую воду» в следственном эксперименте участвует рыбак, выводящий клюнувшую рыбу на чистую воду в озере, где много водорослей и затонувших коряг. Эксперимент по изготовлению веревок из льняного волокна (статья «Вить веревки») проводится в кружке «Русские народные ремесла», где выясняется, что свойства веревки определяются желанием и действиями мастера, отсюда и значение фразеологизма.

Проведение «следственных экспериментов» не ограничено и во времени. Так, в статье «Мерить на свой аршин» детективы перемещаются в далекое прошлое на рыночную площадь, вооружившись упоминающимся во фразеологизме деревянным измерительным инструментом – аршином:

Детектив Гром: *Коллега Мурзик, включайте видеозапись на вашем смартфоне. Снимайте: вот продавец тканей. Он отмеряет ткань аршином – деревянной линейкой. Ее длина – 71 сантиметр. Это и есть старинная мера длины – аршин. Рядом стоит покупатель и держит в руках свой аршин. Интересно, зачем? То же самое и у торговца лентами: у всех свои аршины – и у продавца, и у покупателей. Теперь снимайте меня. Основной этап эксперимента. Беру рулетку и измеряю аршин у торговца тканями. Смотрите: всего 70 сантиметров! Ну, а чем отмеряют ленты? Этот аршин еще короче – 69 сантиметров. Итак, следствием установлено: у всех продавцов разные аршины.*

Кот-аналитик Мурзик: *Теперь понятно, почему и у покупателей свои аршины: да просто чтобы не быть обманутыми!*

Эффективное «следственное действие» – опрос свидетелей позволяет уточнить значение и культурный фон компонентов фразеологизма (например, в статье «За семь верст киселя хлебать» математик Задачкин рассказывает о *версте* – старинной единице измерения расстояния и раскрывает символику числа 7, а повар Котлеткин представляет рецепт традиционного русского густого киселя, который хлебали ложками). При наличии нескольких этимологических версий, как, например, в статье «Концы в воду», «свидетели» – братец Иванушка (из сказки «Сестрица Аленушка и братец Иванушка»), капитан дальнего плавания Кораблев и Балда из «Сказки о попе и работнике его Балде» А.С. Пушкина оценивают версии происхождения фразеологизма, связывающие его: 1) с древним наказанием преступников (утопление) или действиями разбойников, топивших свои жертвы; 2) с морским делом (при отправлении корабля в воду падают канаты – «концы», связывавшие корабль с причалом); 3) с суеверными представлениями о нечистой силе – чертях, которые, навредив человеку, скрываются в воде.

«Графологическая экспертиза», проведенная детективами в статье «Как курица лапой», приводит их к выводу о сходстве почерка школьника-нееряхи со следами курицы у кормушки.

«Очная ставка» (историк Старовеков и хан Мамай в статье «Как Мамай прошел», царь Алексей Михайлович и экскурсовод Круизов – «Коломенская верста», Емеля и щука – «Как по щучьему велению», старик и старуха – «Остаться у разбитого корыта» и др.) помогает уточнить социально-исторический и литературно-художественный контекст происхождения фразеологизмов. В диалогах и полилогах участников «очной ставки» обороты контекстуально семантизируются и этимологизируются с коррекцией возможных случаев их буквализации и других типичных ошибок при восприятии и употреблении:

Детектив Гром: *Машенька, Вы подтверждаете, что оставили Медведю записку?*

Машенька: *Да, я написала: «Дорогой Медведюшка, не обижайся, я наговорила тебе с три короба, обманула, а ты и поверил. Прощай».*

Медведь: Да-да – три короба. Но у меня один короб, в котором я ее тащил. А где еще два?

Детектив Гром: Читайте записку внимательно: наговорила с три короба, обманула. Чего она вам наговорила?

Медведь: Да много всего.

Детектив Гром: Вот-вот – много. Наверное, столько, что поместилось бы в трех коробах. Это образ фразеологизма.

Медведь: Тогда ладно, не обижаюсь. За новый фразеологизм – спасибо. А теперь пойдете ко мне. Я там каши наварил с три короба, угощаю.

Машенька: Спасибо, Медведюшка! Только каши с три короба не бывает. С три короба можно наговорить, наобещать, наврать. И я так больше никогда не буду делать.

Таким образом, реализацию основной коммуникативной стратегии учебного дискурса – информирование о чем-либо с целью обучения (Голев, Григорьева, 2017: 66) (в данном случае – информация о происхождении фразеологизма) составители словаря – инициаторы дискурса – «доверяют» персонажам, которые действуют в русле разработанной авторами концепции этимологического парафразирования, когда для каждого типа фразеологических тропов или способа фразеомобразования избирается определенная модель этимологической парафразы, представляющей научную версию происхождения фразеологизма читателю с учетом уровня его языковой подготовки и возрастных особенностей.

Так, для фразеологизмов-каламбуров, построенных на нарушении семантических связей компонентов (*когда рак на горе свиснет* – ‘никогда’; *выйти сухим из воды* – ‘избежать заслуженного наказания’ и т. п.) избирается пошаговая реконструкция внутреннего отрицания.

Первый шаг – ответ на вопрос: можно ли выйти сухим из воды?

Герои-детективы на основе своего житейского и профессионального опыта дают отрицательный ответ:

Кот-аналитик Мурзик: Начнем с меня. Мне никогда не удавалось выйти сухим из воды. Помню, как-то весь день просидел в засаде – в ведре с водой на огороде. Хотел застать на месте преступления мышат, когда они будут грызть огурцы. Я даже дышал через соломинку! Как только мышата появились, я мигом из ведра выскочил. Но пока от воды отряхивался, они, конечно, убежали.

Детектив Гром: Я тоже на всю жизнь запомнил, как мокрыми лапами наследил на месте преступления и чуть не уничтожил все улики!

Второй шаг – соотнесение результатов самонаблюдений со сферой правопорядка, где за преступлением всегда должно следовать наказание. Избежать его невозможно, как невозможно выйти сухим из воды. И далее – собственно реконструкция отрицания: попугай Хома вспоминает гуся, который все-таки выходит сухим из воды, благодаря жировой смазке перьев. Заключительный мозговой штурм раскрывает логику фразеомобразования, а контекст употребления оборота подтверждает верное осмысление говорящими значения ФЕ и его этимологической версии:

Детектив Гром: А теперь, коллега Мурзик, попробуем все это обобщить. Что у нас получается?

Кот-аналитик Мурзик: А то, что выйти сухим из воды нельзя. Это, шеф, выражаясь Вашим языком, парадокс – то, чего не бывает. Но у любого правила есть исключения.

Попугай Хома: А как это связано с нашим фразеологизмом?

Детектив Гром: Элементарно, Хома! У нас есть закон: кто совершил проступок – будет наказан. Избежать наказания нельзя, как нельзя выйти сухим из воды. Но если вдруг кого-то не наказали, значит, он вышел сухим из воды – логично? Да!

Попугай Хома: Это я! Это я вышел сухим из воды! Однажды мы с моей знакомой вороной поспорили, кто лучше голоса людей копирует. Залетели в окно на радиостанцию. Когда ведущий во время рекламы ушел пить кофе, мы рекламу отключили и давай ведущего копировать. Хотели у радиослушателей спросить, кто им больше понравился, но не успели. Ну, потом вороне попало, а я вышел сухим из воды. На стуле лежала чья-то одежда, так я перчаткой прикинулся.

«Детективно-этимологизирующий» фрагмент статьи в ряде случаев содержит и авторские включения, где они отмечаются специальным значком и даются мелким шрифтом. Это возникающие по ходу сюжета замечания, задания, советы читателю, позволяющие активизировать его знания и полезные навыки в самых разных сферах (например, в статье «Нести околесицу» предлагается проследить по карте путь детективов по Московской кольцевой автодороге от Ленинского проспекта до Шоссе Энтузиастов; в статье «Каши просят» – отложить на минутку словарь и проверить состояние своей обуви, почистить ее, смазать кремом). Но главная задача авторов, включающихся вторым планом в процесс «расследования», – сориентировать читателя в источниках, материалах, используемых детективами, подготовить к компетентной оценке выдвигаемых гипотез, например в статье «Коломенская верста»: *По делу о коломенской версте проходит свидетелем интересный исторический персонаж – царь Алексей Михайлович. Что тебе известно о его личности? Уточни информацию в учебнике истории – она пригодится детективам.* Или в статье «Еще и конь не валялся»: *Что ты знаешь о повадках лошадей? В каких случаях кони любят поваляться на земле? Если ты это знаешь или узнаешь сейчас в интернете, то ты сам разгадаешь секрет происхождения фразеологизма, а затем сравнишь свою версию с выводами наших детективов.*

Детективно-фразеологический словарь-практикум

Еще один находящийся в стадии разработки инновационный учебно-познавательный проект Экспериментальной лексикографической лаборатории Псковского университета – «Детективно-фразеологический словарь-практикум», цель которого – репрезентация основных языковых свойств и этимологии фразеологизмов школьнику при его непосредственном включении в процесс «расследования» и построение учебного лексикографического дискурса в жанре детектива.

Словарь включает десять глав (словарных статей), разработанных с использованием приемов креолизации текста в формате рабочей тетради, заполняя которую читатель находится в постоянном взаимодействии с «известными детективами» – литературными и мультипликационными персонажами, принимая дискурсивную роль их помощника – юного детектива-фразеолога. Формат взаимодействия определяется уже в первой главе «Детективные познавательные расследования начинаются. Дело об Иванах»:

Шерлок Холмс (портрет героя): *Здравствуй, юный детектив-фразеолог! Меня зовут Шерлок Холмс, а этой мой напарник – доктор Ватсон. В нашем детективном фразеологическом агентстве накопилось много дел, и мы с Ватсоном не справляемся. Нам нужен помощник.*

Доктор Ватсон (портрет героя): *Я думаю, что ты нам подходишь. Надеюсь, ты готов к работе! Тебе пригодится Дневник юного детектива-фразеолога (рисунок дневника). Не забывай его заполнять, чтобы ничего не забыть.*

Пес Друппи (портрет героя): *Привет! А я буду твоим помощником. Меня зовут Друппи. Когда у тебя возникнут какие-то трудности, ты всегда сможешь обратиться ко мне.*

Первая подсказка от Друппи (*Детектив – это жанр литературы или фильм – от латинского слова *datego* – «раскрываю, разоблачаю»; в детективе расследуется загадочное происшествие, раскрывается его тайна*) помогает читателю сформулировать и записать в дневнике определение детектива и вывести одну из основных его особенностей – наличие загадки. Позднее там появятся и другие характерные черты детективного жанра – наличие нескольких версий раскрытия происшествия, типы персонажей детектива, а также характеристика материала, с которым предстоит работать – определение фразеологизма, его основные признаки, примеры ФЕ.

Друзья-детективы предлагают своему юному помощнику самые разные виды работы, например верификацию этимологических версий. В статье «Дело об Иванах» это три версии происхождения оборота *во всю ивановскую*, представленные в словарях⁴. Они даются для рассмотрения после толкования заголовочного фразеологизма.

Результаты своих рассуждений о достоверности версий читатель заносит в таблицу. Такой коммуникативный ход, как использование таблиц, графиков, диаграмм, признается весьма эффективным приемом реализации информативной стратегии учебного дискурса (Голев, Григорьева, 2017: 77). В нашем случае, заполняя таблицу, школьник отрабатывает и навыки трансформации информации, сокращения текста, осваивает приемы логической аргументации на материале этимологических версий ФЕ. Образец выполнения этих действий (так реализуется эталонная функция учебного дискурса) читатель получает от помощника – Друппи, который заполняет первую строку таблицы, а затем, используя образец, юный фразеолог-детектив строит свой табличный фрагмент учебного дискурса.

⁴ Жуков В.П., Жуков А.В. Школьный фразеологический словарь русского языка. М. : Просвещение, 2009. С. 88. Роголёва Е.И., Никитина Т.Г. Сами с усами. Веселый фразеологический словарь. М. : Издательский дом Мещерякова, 2020. С. 21–24.

Представим таблицу в заполненном виде:

Версии происхождения фразеологизма

<i>Во всю ивановскую</i> – 1) очень громко (кричать); 2) очень быстро (бежать, нестись, скакать на коне и т. п.)			
С чем/с кем связано происхождение ФЕ	На каком основании развивается значение ФЕ	Верно	Почему
1. Колокольня Ивана Великого в Москве	Громкий звон колоколов → «очень громко» (то есть <i>во всю Ивановскую колокольную «фамилию»</i> – так называли все колокола колокольни)	Нет	Первоначальное значение ФЕ – «очень быстро», а не «очень громко»
2. Ивановская площадь в Московском кремле	Здесь громко оглашали царские указы о телесных наказаниях; те, кого здесь же наказывали, громко кричали → «очень громко» (то есть <i>во всю Ивановскую площадь</i>)	Нет	Первоначальное значение ФЕ – «очень быстро», а не «очень громко»
3. Имя Иван	Иван – герой русских народных сказок – смелый, сильный, ловкий; побеждает врагов, громко кричит, быстро скачет на коне → «очень быстро» ⁵ ; то есть <i>во всю ивановскую силу, мощь</i> (бежать, нестись, кричать и т. п.)	Да	Первоначальное значение ФЕ – «очень быстро», что не противоречит логике: быстро скакать → «очень быстро»

Работая над историей происхождения фразеологизмов, читатель получает и навыки организации «расследования», то есть знакомится с технологией этимологического анализа, например в третьей главе «Эксперт Деревялко и необычный черешок».

Первым делом, по совету Холмса и Ватсона, читатель определяет сферу происхождения фразеологизма *дрожать как осиновый лист* и отражает в «Дневнике детектива-фразеолога» связь его прототипа с русской природой. Основным объектом наблюдения становится осина, и юный детектив заносит в дневник собранные о ней сведения. Определяется возможность наблюдать за осинкой непосредственно в той местности и в том месте, где ведется «расследование». Если такой возможности нет, наблюдение ведется дистанционно, по ссылке на видеоматериал⁶, а в «Дневнике» появляется запись, подтверждающая факт дрожания и шелеста листьев осины даже в безветренную погоду.

«*Молодец, верно подметил*» – похвала Шерлока Холмса сопровождается дополнительной информацией: научное название осины – тополь дрожащий, а в народе ее называют трясушкой и шептун-деревом. Остается только выяснить, почему же осиновые листья дрожат сильнее, чем листья других деревьев. И тут без эксперта не разобраться.

Из целого ряда специалистов читатель выбирает биолога – профессора Деревялко, и ознакомившись с его экспертным мнением (лист осины висит на тонком, длинном, скрученном черешке, который легко изгибается, к тому же листья растут пучками, и при малейшем движении одного листа начинает дрожать весь пучок), выполняет заключительное задание, закрывая следствие

⁵ *Рогалёва Е.И., Никитина Т.Г.* Сами с усами. Веселый фразеологический словарь. М. : Издательский дом Мещерякова, 2020. С. 24.

⁶ Дрожание осиновых листьев. URL : <https://www.youtube.com/watch?v=ML7Tkj5D8So> (дата обращения : 12.10.2021).

по «Делу о необычном черешке» выводом о происхождении фразеологизма, который восстанавливает по разработанной нами ранее этимологической парафразе: *Итак, происхождение фразеологизма связано со строением листа, длинный черешок которого заставляет лист С этим листом и сравнивают человека, который⁷*

Однако на этом работа с фразеологизмом не заканчивается, он отправляется под постоянное наблюдение, результаты которого (также формируемый читателем фрагмент учебного лексикографического дискурса) заносятся в «Дневник детектива-фразеолога» (кто, где, когда в каком контексте, в какой ситуации использовал фразеологизм: приводятся примеры из своего речевого опыта, из художественной литературы, фольклора, кинофильмов и т. п.), например (первый контекст-эталон подсказывает Друппи): *Шерлок Холмс рассказывал о своем детстве: перед отчетными концертами в музыкальной школе он дрожал как осиновый лист.*

В отличие от первого представленного в статье словаря с отсроченной реализацией функции контроля (в ходе апробации материалов словаря, в том числе в русскоязычных школах Эстонии, Узбекистана, Туркмении, получая по электронной почте выполненные школьниками задания, авторы словаря – преподаватели ПсковГУ и студенты – члены лексикографического научного кружка вели индивидуальную работу с читателями), в последнем случае, что и предусматривает использование формата рабочей тетради, текущий контроль осуществляется учителем, студентом-практикантом (чаще – во внеаудиторной, кружковой работе) или родителями, использующими словари Псковской лексикографической лаборатории для семейного чтения.

Заключение

Итак, совмещение параметров учебного и литературно-художественного (детективного) дискурса было реализовано псковскими фразеографами в двух жанровых разновидностях словарей: словаре в рассказах и словаре-практикуме, многоаспектно и занимательно репрезентирующих русскую фразеологию младшим школьникам – учащимся российской школы и детям соотечественников за рубежом, проблема привлечения которых к изучению русского языка и культуры в современных социокультурных условиях особенно актуальна.

Формат гибридного учебного литературно-художественного (детективного) лексикографического дискурса обеспечивает реализацию лингвистически и лингводидактически обоснованных моделей этимологического парафразирования, контекстуальной семантизации и экспликации культурного фона фразеологизмов, а также их функционально-прагматического потенциала. Жанр словаря в рассказах позволяет отразить эти параметры фразеологизма в речи вымышленных героев – детективов, ведущих фразеологические «расследования» с проведением «следственного эксперимента», «опросом свидетелей», «сбором доказательств» и выполнением других «следственных

⁷ Рогалёва Е. И., Никитина Т. Г. Ума палата. Детский фразеологический словарь. М. : Издательский дом Мещерякова, 2017. С. 40.

действий», соотносимых с этапами этимологического и лингвокультурологического анализа фразеологизмов.

Работая со словарем-практикумом, школьник вместе с героями-детективами участвует в построении лексикографического дискурса: выполняя задания на всех этапах этимологического «расследования» и отражая результаты в дневнике, он создает соответствующие фрагменты этимологизирующей части словарной статьи, используя образцы учебно-научной коммуникации, а ведя наблюдение за функционированием фразеологизма, осваивает его языковые свойства и речевые смыслы. Таким образом, решаются лингвометодические задачи учебной репрезентации школьникам русской фразеологии, поддерживается процесс обучения их речевым жанрам, развиваются воображение и логическое мышление.

Предлагаемая инновационная технология построения лексикографического дискурса может использоваться при разработке интерактивных учебных словарей на паремиологическом и лексическом материале для различных возрастных групп русскоязычных школьников и детей-инофонов.

Список литературы

- Ворончихина И.А.* Детский детектив : становление жанра и основные характеристики // Герценовские чтения. Иностранные языки : сборник научных трудов. СПб. : Изд-во РГПУ, 2020. С. 359–361.
- Голев Н.Д., Григорьева О.С.* Взаимодействие научного и учебного дискурсов в аспекте коммуникативных стратегий и тактик // Экология языка и коммуникативная практика. 2017. № 1. С. 64–87.
- Каролчук М.* Совершенствование иностранного (русского) языка в школе посредством пословиц и поговорок // Чуждоезиково обучение. 2021. Т. 48. № 3. С. 297–309. <https://doi.org/10.53656/for21.37sove>
- Кузнецова И.В.* Славянские устойчивые сравнения с семантикой ‘очень похожи’ (на фоне других языков) // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 2018. Т. 63. № 2. С. 247–256. <https://doi.org/10.1556/060.2018.63.2.6>
- Макович Г.В.* Культурологический код и концептуальная схема детективного дискурса // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2020. № 1 (38). С. 62–53.
- Маркевич Е.В., Ростова Е.Г.* Интерактивные ресурсы мультимедийного лингвострановедческого словаря «Россия» : учебный характер и типология // Русский язык за рубежом. 2016. № 4. С. 32–37.
- Никитина Т.Г., Роголёва Е.И.* Возможности игровых учебных словарей в репрезентации фразеологии младшим школьникам // *Society. Integration. Education. Proceedings of International Scientific Conference*. 2020. Vol. 5. Pp. 521–537. <http://dx.doi.org/10.17770/sie2020vol5.4895>
- Никитина Т.Г., Роголёва Е.И.* Современная учебная фразеография : инновационные параметры бумажного словаря // Вопросы лексикографии. 2021. № 20. С. 67–90. <https://doi.org/10.17223/22274200/20/4>
- Передриенко Т.Ю., Баландина Е.С.* Репрезентация концептов «Общество» и «Society» в лексикографическом дискурсе // Вопросы лексикографии. 2020. № 17. С. 51–73. <https://doi.org/10.17223/22274200/17/3>
- Плотникова А.М.* Новые тенденции в русском лексикографическом дискурсе // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2014. № 3 (19). С. 22–29. <https://doi.org/10.15293/2226-3365.1403.02>

- Резунова М.В. Словарная статья : текст или дискурс? // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2008. № 10. С. 47–49.
- Федуленкова Т.Н. Современная фразеология и фразеодидактика // Вестник ЮУрГУ. 2005. № 11. С. 35–39.
- Bagramova N.V., Vasileva A.V. Interactive lesson as a macro-unit of teaching Russian as a foreign language in short-term courses // Philological Class. 2020. Vol. 25. No. 1. Pp. 173–183. <https://doi.org/10.26170/FK20-01-17>
- Bilyalova A., Gilyazeva E., Nurullina A. Phraseological units as a mirror of national mentality // Journal of Research in Applied Linguistics. 2019. Vol. 10. No. 5. Pp. 1–9. <https://doi.org/10.22055/rals.2019.14671>
- Cserép A. Idiom variation and decomposability. Part I. Verbal variation // Yearbook of Phraseology. 2017a. Vol. 8. No. 1. Pp. 95–122. <https://doi.org/10.1515/phras-2017-0006>
- Cserép A. Idiom variation and decomposability. Part II. Variation in the Noun Phrase // Yearbook of Phraseology. 2017b. Vol. 8. No. 1. Pp. 123–144. <https://doi.org/10.1515/phras-2017-0007>
- Dobrovolskij D. Phraseologie im Wörterbuch // Zeitschrift für angewandte Linguistik. 2013. Vol. 58. Issue 1. Pp. 41–74. <https://doi.org/10.1515/zfal-2013-0003>
- Dobrovolskij D., Piirainen E. Conventional figurative language theory and idiom motivation // Yearbook of Phraseology. 2018. Vol. 9. No. 1. Pp. 5–30. <https://doi.org/10.1515/phras-2018-0003>
- Gonzalez Rey M.I. La didactique du français idiomatique. Fernelmont : InterCommunications & E.M.E, 2007. 217 p.
- Křivanová M. Phraseme and the motivationality of its meaning // Bohemistika. 2020. No. 2. Pp. 207–216. <https://doi.org/10.14746/bo.2020.2.5>
- Mokienko V.M. České ekvivalenty nové ruské frazeologie // Bohemistika. 2019. No. 1. Pp. 217–231. <https://doi.org/10.14746/bo.2020.2.6>
- Nuccorini S. Towards an ‘ideal’ dictionary of English collocations // A Practical Guide to Lexicography / ed. by P. Sterckenburg. Amsterdam : John Benjamin, 2003. Pp. 366–387.
- Sulkowska M. Phraseodidactique et phraseotraduction : quelques remarques sur les nouvelles disciplines de la phraseologie appliquee // Yearbook of Phraseology. 2016. Vol. 7. No. 1. Pp. 35–54. <https://doi.org/10.1515/phras-2016-0003>
- Swanepoel P. Dictionary typologies : pragmatic approach // A Practical Guide to Lexicography / ed. by P. Sterckenburg. Amsterdam : John Benjamin, 2003. Pp. 44–69.

Сведения об авторах:

Никитина Татьяна Геннадьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры образовательных технологий, Псковский государственный университет, Российская Федерация, 180000, Псков, пл. Ленина, д. 2. *Сфера научных интересов*: русский язык, фразеология, паремиология, молодежный сленг, лексикография, методика обучения русскому языку как иностранному, венгерский язык. ORCID: 0000-0001-9006-9738; eLIBRARY SPIN-код: 6074-6500; ResearcherID: AAG-8143-2019; ScopusID: 57202860629. E-mail: cambala2007@yandex.ru

Роголёва Елена Ивановна, доктор филологических наук, профессор кафедры образовательных технологий, Псковский государственный университет, Российская Федерация, 180000, Псков, пл. Ленина, д. 2. *Сфера научных интересов*: русский язык, фразеология, паремиология, учебная лексикография, фразеография, методика обучения русскому языку как иностранному, языковое образование младшего школьника. ORCID: 0000-0001-9963-4203; eLIBRARY SPIN-код: 9925-2010; ResearcherID: AAA-4084-2020; ScopusID: 57298564500. E-mail: cambala2010@list.ru

Innovative lexicographic discourse: educational representation of phraseology

Tatyana G. Nikitina , Elena I. Rogaleva

Pskov State University, Pskov, Russia

 cambala2007@yandex.ru

Abstract. The article presents an innovative authors' approach to representing Russian phraseology in a dictionary for schoolchildren. The relevance of the research is determined by the need to improve educational lexicographic technologies in connection with the increasing role of the dictionary as a means of teaching languages and a motivation for language learning. The purpose of the study is to reveal the linguodidactic potential of innovative educational lexicographic discourse in the detective genre. The topic is revealed on the material of the author's phraseological dictionaries developed in this genre by experimental laboratory of educational lexicography at Pskov University, which have no analogues in the domestic phraseographic practice. The dictionary materials are based on the method of parametric lexicographic modeling. Special attention is paid to developing the etymological parameter by the method of parametric etymological paraphrasing. The method is based on the chosen model of etymologization depending in the method of phraseme formation. The linguodidactic potential of innovative lexicographic discourse is revealed by the descriptive method (techniques of systematization and interpretation). Fragments of dictionary entries illustrating the main provisions of the concept are given. The revealed possibilities and mechanisms of combining the parameters of educational and artistic discourse in the entries of phraseological dictionary for the junior school student are shown. The new models of etymologization, linguoculturological commenting and representing functional and pragmatic features of Russian phraseological units within the educational lexicographic discourse of the detective genre are presented. It is proved that the innovative lexicographic discourse organized in this way allows to effectively solve the problem of multidimensional educational representation of phraseology, and also supports the process of teaching schoolchildren genres of speech. The authors outline the possibilities of using the presented lexicographic technology of designing interactive educational dictionaries on paremiological and lexical material.

Keywords: Russian language, phraseology, lexicography, phraseological dictionary, lexicographic discourse, detective discourse, etymological paraphrasing, dictionary interactivity

Article history: received 08.10.2021; accepted 22.12.2021.

Acknowledgments: The study is funded by the Russian Science Foundation (project No. 20-18-00091, realized at St. Petersburg State University).

For citation: Nikitina, T.G., & Rogaleva, E.I. (2022). Innovative lexicographic discourse: Educational representation of phraseology. *Russian Language Studies*, 20(2), 247–262. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-2-247-262>